

Министерство просвещения РСФСР
СВЕРДЛОВСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

МЕЖУРОВНЕВЫЕ СВЯЗИ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Сборник
научных трудов

Свердловск
1987

Межуровневые связи в синхронии и диахронии: Сб. науч. тр./Свердл. пед. ин-т. Свердловск, 1987. 120 с.

В рамках общей проблемы с позиций современной лингвистики рассматриваются вопросы вхождения единиц одного уровня в другой, объединения элементов разных ярусов в составе функционально-семантических полей, изоморфизма в организации разных уровней и их единиц, перехода единиц с одного яруса на другой, взаимодействия единиц и процессов разных уровней.

Рассчитан на студентов и преподавателей факультетов и институтов иностранных языков.

Рецензенты: кафедра романской филологии ЛГПИ им. А. И. Герцена, кафедра лексики английского языка МГПИ им. В. И. Ленина, канд. пед. наук В. Н. Багровцев (Свердловский пединститут)

Редколлегия: канд. филол. наук Г. Н. Бабич (отв. редактор), канд. пед. наук И. А. Гиниатуллин, канд. филол. наук Н. А. Пирогов, канд. филол. наук В. И. Томашпольский, канд. филол. наук В. П. Хабиров

МЕЖУРОВНЕВЫЕ СВЯЗИ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Сборник
научных трудов

Темплан 1987 г., поз. 225

Редактор И. М. Харитонов
Технический редактор
Н. Н. Заузолкова

Сдано в набор 26.01.87. Подписано в печать 12.05.87. НС 15319. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага писчая. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 7,5. Усл. кр.-отт. 7,7. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 800. Заказ 72. Цена 1 р. 20 к.

Свердловский государственный педагогический институт. 620040
Свердловск, просп. Космонавтов, 26.
Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

© Свердловский государственный педагогический институт, 1987 г.

с подлежащим, варьируемым в зависимости от ситуации, 28 раз и т. д.

Начиная с самых нижних ярусов языковой иерархии, мы постоянно наблюдаем повторяемость ее элементов в их основных физических, семантико-грамматических и собственно структурных параметрах. Наличие определенного набора акустических параметров в пределах достаточно строгих допусков позволяет фонемам осуществлять их смысловоразличительную функцию, наличие определенной физической данности в виде звукобуквенного комплекса, воспроизводящего морфемное строение, позволяет слову выражать определенное значение и быть включенным в словосочетание и предложение. Последние, в свою очередь, строятся по строго определенным моделям, число которых для каждого языка в каждый период развития достаточно ограничено и вполне поддается инвентаризации, как и всякий факт, подлежащий воспроизведению и систематически подвергающийся отождествлению со своим эталоном-инвариантом, хранимым в памяти носителей языка.

С каждым новым ярусом в языковой иерархии, наряду с повторяющимися элементами «внешнего» характера (определенным звучанием, сочетаемостью фонем, звучанием морфем и слов, грамматическим значением морфем и слов, структурно-грамматическим значением словосочетаний и предложений, а также различных моделей единиц выше предложения), нарастает и «внутренняя», собственно семантическая сторона этих единиц.

Если мы обратимся к древним памятникам эпического характера, к «Слову о полку Игореве» или к англосаксонскому «Беовульфу», то только поэтам-переводчикам известно, каких творческих мук стоит даже относительное и не всегда и не во всем адекватное приближение к функциональной нагрузке, выполняемой внешней, акустической стороной повторяющихся и переплетающихся звуков давно забытой речи. Так, всем англичанам со студенческих лет знакомо динамичное описание сборов отряда гаутов под предводительством Беовульфа в морское плавание:

210. Fyrst forth gewāt;
flota wæs on ythum,
bāt under beorge.
Beornas gearwe
on stefn stigon,—
streamas wundon,
sund with sande;
secgas bæron
on bearm nacan
beorhte fræ twe,
245. guthsearo geatolic;
guman ut scufon,
weras on wilsith
wudu bundenne ³.

Общим местом подавляющего большинства лингвистических исследований последних лет является утверждение о воспроизводимости в связной речи самых различных единиц языковой системы — фонем, слогов, слов и словосочетаний, моделей предложений и моделей сверхфазовых единиц выше предложения. Воспроизведение предполагает абсолютное тождество воспроизводимых языковых элементов или их сочетаний. И, действительно, с точки зрения здравого смысла в речи наблюдаем бесконечное повторение, на первый взгляд, совершенно одинаковых и внешне, и со стороны их функции фактов. Особенно красноречиво дает о себе знать повторяемость одних и тех же элементов в поэтической речи. Здесь мы, как правило, наблюдаем достаточно четкую ритмическую организацию, выявляемую через размеренно воспроизводимые просодические единицы, объединенные ударением и количеством ударных слогов, рифмы, т. е. регулярно воспроизводимые созвучия конечных слогов двух или нескольких строк, ассонансы и аллитерации, повторы и отдельных слов, и целых фраз, а нередко и целых строф (в последнем случае как бы обрамляющих стихотворение и придающих ему подчеркнуто заверченный вид).

Изучая текст древнеанглийского эпического памятника «Беовульф», американский исследователь Фрэнсис П. Магаун младший¹ и многие его последователи особо подчеркивали бесчисленное множество повторов как словообразовательных элементов в сложных словах, так и более сложных «поэтических формул», что в какой-то степени, свидетельствуя об устно-поэтическом происхождении первоначального варианта памятника, в то же время не могло не преуменьшить эстетическую его ценность и достоверность, поскольку эти повторы якобы проговариваются певцом-сказителем чисто механически, дабы выиграть время и вспомнить или сочинить в стиле импровизации дальнейшие более существенные и содержательные части текста. Рассматривая поэму «Беовульф» с такой механической точки зрения, мы обнаруживаем в тексте многократные повторения первых элементов сложных слов, по мнению М. И. Стеблина-Каменского², двух функционирующих в роли своеобразных поэтических эпитетов, например *hilde-*, *wæl-*, *heathe-*. Первый из корневых элементов в качестве самостоятельного слова или первого компонента сложного слова встречается в 3182 канонических строках поэмы 65 раз, второй — 40 раз, третий — 35 раз и т. д. Прямая речь героев поэмы вводится повтором (*he*) *mathelode* — (*он*) *сказал*

Помимо чеканного ритма и нагнетания глагольных форм, хорошо передающих движение и активную деятельность молодых воинов, возникновению впечатления свежего морского ветра, накатывающихся на песчаную отмель под обрывистым берегом волн способствует обыгрывание фриктивного *f* в первой аллитерации, звонкого билабиального взрывного *b* в сочетании с фриктивными и сибиллянтными согласными очередных полустроков — зубного *s*, интердентального глухого и звонкого *th* в первой и последующих полустроках. Всю эту сложную полифонию подлинника едва ли может передать поэтический перевод В. Тихомирова, вполне удовлетворительный в других отношениях:

Время летело,
 корабль в заливе
вблизи утесов
 их ждал на отмели;
они вступили
 на борт, вонтели,—
струи прилива
 песок лизали,—
и был нагружен
 упругоребрый
мечами, кольчугами;
 потом отчалил,
и в путь желанный
 понес дружину ⁴.

Таким образом, уже на уровне фонем в каждом языке мы сталкиваемся с явлением потворяемости неких постоянных акустических параметров, на базе которых осуществляется как смыслоразличительная функция фонем, так и не столь определенная и не всеми однозначно воспринимаемая их функциональная значимость.

Не менее устойчивы и осмысленные отрезки связной речи — морфемы. Само вычленение морфем из потока речи оказывается возможным прежде всего благодаря их повторяемости как физической, так и семантической: они всегда выражают некий общий для данной морфемы смысл. Слово и как сочетание нескольких морфем, и как совпадающий в своей немаркированной форме с одной морфемой элемент языка также выделяется и фиксируется в памяти в качестве важнейшего системообразующего фактора.

Оказываются достаточно легко обозримыми и постоянно повторяющиеся в актах коммуникации структурные модели простых и сложных предложений. В области синтагматики, т. е. в сфере действия определенных связей и отношений между словами и словосочетаниями в речи, воспроизводимость определенных моделей и их повторяемость, а следовательно, и сведение их в некую систему, была замечена и изучена много раньше, чем в области лексики. В словаре издавна достаточно просто устанавливались модели словообразования и словосло-

жения, а более разнообразные системные отношения (в силу многочисленности самих лексических единиц), труднее сводимые к единообразным инвариантным абстракциям по линии синонимии, антонимии, омонимии, гиперонимии и гипонимии, паронимии, многозначности и широкости, явились предметом плодотворного изучения на материале различных языков лишь в последние 40—50 лет.

Наконец, частное языкознание многих живых языков последние десятилетия много и плодотворно поработало над выявлением моделей связи единиц языка выше предложения, моделей построения текста как наиболее полного и законченного произведения речевой деятельности человека. Оказалось, что на этом наиболее высоком уровне намечается некий существующий реально порядок, некие модели, включенные, как и все то, что хранится в памяти и воспроизводится по мере надобности в конкретных речевых произведениях, в систему языка.

Однако линейный характер реализации любых речевых произведений предполагает их действительное осуществление лишь на оси времени, в определенном пространстве и — поскольку все они оказываются по своей природе актами коммуникации — предполагает говорящее лицо и адресат высказывания: последним в случаях «внутренней речи» может быть и сам говорящий. Как всякий процесс, протяженный во времени и осуществляемый в пространстве, реальная речь есть одна из частных форм всеобщего движения, та его форма, которая является одним из видов отражения действительности. Поскольку схватить, понять движение можно, представив его в виде неких состояний неподвижности, сменяющих друг друга, то и отразить эту действительность можно посредством относительно устойчивых «квантов смысла» — закрепленных в языковой памяти слов и словосочетаний, носителей как понятийного, так и собственно чувственного содержания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Magoun F. P. jr.* Recurring First Elements in Different Nominal Compounds in "Beowulf" and in the elder Edda. Boston, 1929; *Idem.* Oral-Formulative Character of Anglo-Saxon Narrative Poetry. *Speculum*. XXVIII. P. 446—467.

² *Стеблин-Каменский М. И.* Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии/Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1946. Т. 48.

³ *Beowulf and the Fight at Finnsburg*. Boston, 1929. P. 8—9.

⁴ *Беовульф*. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 39.

В. И. Томашпольский РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАРОМАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ (иберороманские парадигмы настоящего времени)

Глагол *fasese* — *делать* прошел в Иберии, как и во всей Романии, сложный путь развития, обусловленный фонетическими

преобразованиями, морфологическими перестройками, формально-функциональным взаимодействием с другими глаголами и иными факторами. Последствия общих и региональных прароманских процессов нашли отражение в иберороманских языках и диалектах, унаследовавших большое число таких вариантов словоформ, прототипы которых явно не соответствуют классическим латинским образцам и почти не нашли отражения среди неклассических (вульгарнолатинских) свидетельств. Для объяснения испанских, португальских и других форм уже предлагались различные гипотезы¹, но пока они не внесли в изучение истории глагола достаточной ясности. Поскольку объяснительные возможности латинских документов в данном отношении практически исчерпаны, будет вполне естественно прибегнуть к сравнительно-историческому изучению глагола в отдельных группах языков и во всей романской перспективе.

В рамках этой статьи обсуждаются результаты реконструкции иберороманских прототипов презенса индикатива глагола *facere*. Сопоставительное изучение испанских, португальских, галисийских и мосарабских рефлексов² с учетом данных других языков позволяет предположить, что в Ибероромании до начала литературной традиции были в ходу следующие парадигмы:

1) 1 *fátsio/fáko	2) 1 *fátso/fádzo	3) 1 *fágo
2 *fátsēs	2 *fádzes	2 *fáges
3 *fátse(t)	3 *fádze(t/d)/fats	3 *fáge(t/d)
4 *fatsēmos/
fákmōs	4 *fadzēmos/fákmōs/
fágdes	4 *fagēmos
5 *fatsēdes/
fáktes	5 *fadzēdes/fáktes/
fágdes	5 *fagēdes
6 *fátsen(t)	6 *fádzen(t/d)	6 *fágen(t/d)
4) 1 *fáo	5) 1 *fáo/fo	6) 1 *fáio
2 *fáes	2 *fas	2 *fáiis
3 *fáe(t/d)	3 *fa(t/d)	3 *fái(t/d)
4 *faēmos	4 *fámos	4 *fáiimos/faiēmos
5 *faēdes	5 *fádes	5 *fáiides/faiēdes
6 *fáen(t/d)	6 *fan(t/d)	6 *fáiin(t/d)

Парадигма с глухой аффрикатой (1) образовалась из общероманской главным образом вследствие палатализации согласного основы (с III—IV вв.³). Варьирование в 1 л. ед. ч. восходит к общероманскому *fákio/fáko⁴. В 1—2 л. мн. ч. наряду с аналогическими формами с акцентом на характерном гласном сохранялись архаические корнеударные варианты. После озвончения согласных (с III—V вв.) *facere*, сблизившись с *trahere* и другими глаголами на *-go (*trágo, *dígo, *dúgo etc.), претерпел унификацию основы и перестройку по III иберороманскому спряжению. Образовалась парадигма со звонкой аффрикатой (2) и парадигма со звонким гуттуральным (3), построенная по форме 1 л. ед. ч. (ср. 1 *trágo, 2 *tráges/trádzes etc.). В 1 л. ед. ч.

вариант *fátso образовался из *fátsio; *fádzo мог возникнуть по аналогии с прочими формами, так как рефлексy второй палатализации, как правило, не озвончались. В связи с утратой флексии 3 л. ед. ч. в позднее иберороманское время было возможно колебание характерного гласного *fádze/fats. В 1—2 л. мн. ч. сохранялись корнеударные архаизмы в глухой и звонкой разновидности. Потеря интервокального -g- дала парадигму с гиа́том (4): *fáo, fáes (ср. *tráo, *traes) и т. д. В 1 л. ед. ч., в отличие от других, столкновение двух передних гласных приводило к выделению -i-, что вызывало варьирование 1 *fáo/fáio (*tráo/tráio). Из этих прототипов возникли новые ряды форм — йотированный и моносиллабический (парадигмы 5—6; то же для *tráo/tráio). По типу односложных словоформ и под влиянием *so рано появился вариант *fo. Эти преобразования, имевшие место не только в Иберии и достаточно хорошо объясняющие иберороманские факты, восстанавливаются на основании романских рефлексов.

В 1 л. ед. ч. иберороманские прототипы *fátso, *fádzo (из *fátsio) отразились в старопортугальских faço, fazo; fáko > *fágo дали галисийское, португальское, испанское диалектное fago и современное испанское hago. Арагонское fo (ср. итальянское fo) может быть аналогическим по so или рефлексом *fo (из *fáo < *fágo). Арагонское foi — явная аналогия по soy/soi. Леонское faigu (параллельное traigu) образовалось в результате скрещения *fáio × *fágo (как *tráio × *trágo; для леонского характерно окончание -u вместо кастильского -o).

Прототипы 2 л. ед. ч. *fátsets > *fádzes нашли отражение в старопортугальских faces, fazes, в старых и диалектных испанских faces, fazes, fases и новом испанском haces. Иберороманское *fáes (из *fáges) дало старопортугальское и леонское faes (ср. traes); *fáis — трансмонтанское и леонское fais (ср. traits); моносиллабическая словоформа *fas сохранилась в галисийском и арагонском fas (ср. das, estas, as, vas).

В 3 л. ед. ч. иберороманские *fátse(t) > *fádze(t/d)/fats восстанавливаются исходя из старопортугальских faze, faz, староиспанских facet, face, faz(e), fas(e), haze, hase. Староиспанское, леонское, трансмонтанское, галисийское fai/fay (ср. trai/tray) из иберороманского *fái(t/d). Арагонское, леонское fa (ср. итальянское fa) продолжает иберороманское *fa(t/d).

Флексия 3 л. ед. ч. заслуживает особого внимания. Она была представлена в Иберии вариантами *-t/-d/-Ø или в другом условном написании *-(t/d). Первый вариант восходит к общероманскому *-t, два других отражают различные пути развития исходной морфемы: *-t > *-d перед гласным началом следующего слова; *-t > *-Ø в паузе или перед согласным началом. Сохранение согласной флексии отмечается в испанских текстах X—XIV вв.⁵ Она употребляется почти всюду в глоссах X—

XI вв., позднее встречается в отдельных случаях и полностью выходит из употребления на письме в течение XIII в., сохраняясь долее всего в леонских текстах (ср. 3 л. мн. ч.): през. инд. *andat* (Glosas 173), *facet* (173), *sientet* (109), *get* «*ha*», *tienet* (Glosas 6), *pudet* (Juego de tres Reyes 7), *vinet* (10), *est* (Glosas 189; Maria Egipcíaca 1135; Berceo, S. Millan 84, 319; Milagros 625; Cid 3159 etc.), *yet* «*es*» (Glosas 178, 233, 237, 265), *sofret* (Fuero de Juzgo XIII); през. кон. *cogitet* (Glosas 184), *pectet* (Fuero de Avilés 61), *pected* (79), *metat* (Fuero de Medinaceli 212), *perdat* (Fuero Juzgo XII).

Написания такого рода можно было бы рассматривать как латинизм⁷ или даже как галлицизм, но их фонетическая реальность находит подтверждение в испанских и мосарабских свидетельствах, где морфема предстает в звонком варианте: мосарабские *quered* «*quiere*», *vinded* «*vende*», *exid* «*sale*», *yeḡ* «*es*», *tornarad* «*tornara*», *vernad* «*vendra*», *serad* «*sera*»⁸. Ср. 3 л. мн. ч. Кроме того, следы флексии **-t*, по мнению некоторых ученых, сохраняют испанские формы имперфекта индикатива типа *avié*, *partié*, *vendié*, потому что они развиваются так же, как формы типа 2 *aviés*, 6 *avién* с согласным в исходе, в отличие от *lavia*, которая издавна оканчивалась гласным из-за умолкания *-m*⁹.

Одновременно с дентальной морфемой в староиспанском и во всех случаях в старопортугальском с древнейших времен засвидетельствован показатель *-Ø*: през. инд. *canta*, *parte*, *vende*; през. кон. *cante*, *parta*, *venda*; импф. инд. старопортугальский *cantava*, *partia*, староиспанский *cantab/-ava*, *partié* (с перемещением ударения в суффиксе) и т. д. Его распространение и раннее появление на западе и в центре заставляет предположить в иберороманскую эпоху колебание **-t/-Ø*, позднее после озвончения **t/-d/-Ø*. Сохранение флексии в мосарабском и испанском может быть связано с усилиями школы и общей консервативной установкой иберороманского ареала (ср. сохранение окончания во французском, сардинском и южноитальянском диалектах), ее утрата — с противоположной романской тенденцией к устранению дентального показателя (ср. 3 л. мн. ч.).

Иберороманские прототипы 1 л. мн. ч. **fatsémos* > **fadzémos* реконструируются на основании галисийского *facemos*, старопортугальского *fazemos*, староиспанских *facemos*, *fazemos*, *fasesmos*, *hacemos*. Леонское *faemos* (ср. *traemos*) указывает на иберороманские **faémos* < **fagémos*; *fayemos/-mus* (ср. *trayemos/-mus*) — на **faiémos*, тогда как *fademos/-mus* образовались вторично по типу *podemos* либо вследствие вставки зубного согласного (ср. варьирование в инфинитиве *faer/fader*). Староиспанское, леонское, арагонское *femos* (Cid 1103 etc.; Berceo, *Martyrio de S. Laurencio* 76; *España Sagrada* L 427), скорее всего, архаизм, который обычно связывают с латинским *facimus*¹⁰. Эта форма указывает на общероманское **fákimos* > иберороманские **fákmos* > **fágmos* > **fáimos* > *fémos*.

Для 2 л. мн. ч. иберороманские прототипы **fatsêtes* > **fadzé-des* восстанавливаются исходя из галисийского *face-des*, старо-португальских *fazedes* > *fazeis*, староиспанских *face-des*, *façedes*, *fazedes*, *hacedes* > *haceis*, испанских диалектных *faceis*, *facés*. Леонское *faéis* (ср. *traéis*) указывает на иберороманские **faédes* < **fagédés*; *fadéis* того же происхождения, что и *fadé-mos/mus*; *fedes* образовалось по аналогии с *femos* либо тем же путем, что и эта последняя словоформа; *fais* представляет собой употребление 2 л. ед. ч. вместо 2 л. мн. ч.

Староиспанские *feches* (*Cid* 896, 2030 etc.; *Libro de Appolonio* 604; Berceo, *Martyrio de S. Laurencio* 87, 104 et.), *feytes* (*España Sagrada* XLVIII 236; 1387 г., арагонская провинция Уэска: Барбастро), арагонские *fachis*, *feiz*, *feis*, *fez* обычно считаются архаизмами, связанными с корнеударными прототипами. Можно предполагать, что развитие шло следующим образом: общероманское **fákiti(s)/-te(s)* > иберороманские **fáktes* > **fét-ses/féites* > *fiz* > *feis*, *fez*¹¹.

Прототипы 3 л. мн. ч. **fátsen(t/d)* > **fádzen(t/d)* реконструируются на основании староиспанских *facent* (*Fuero de Juzgo* VIII, X), *facen* (*Glosas* 102 etc.), *fazen* (*Cid* 285 etc.), *facen* (*Crónica Rimada* 51 etc.), *ffasen* (*Alfonso Onceno* 109), *hasen* (*Don Quijote* I, 1) и старопортугальского *fazem* (*passim*). Леонское *faen* (ср. *traen*) указывает на иберороманское **fáen(t/d)* < < **fágen(t/d)*; леонское *fain* (ср. *train*) и трансмонтанское *fai* отражают иберороманское **fáin(t/d)*; галисийское, леонское, арагонское *fan* продолжает иберороманское **fan(t/d)* при поддержке *han*, *dan*, *estan*, *van*.

Флексия 3 л. мн. ч. реконструируется для Иберии в вариантах **-nt/-nd/-n* или **-n(t/d)*. Дентальный исход засвидетельствован в староиспанских текстах до XIII и даже XIV в. Он широко распространен в глоссах X—XI вв. (наряду с *-n*), затем постепенно исчезает и полностью выходит из употребления в XIII в. повсюду, кроме леонских текстов, где его можно встретить еще и в XIV в.¹²: през. инд. *simulant* (*Glosas* 225), *puedent* (*Cid* 555), *sunt* (*Fuero de Avilés* I), *aesmant*, *tiennent*, *facent*, *tiement* (*Fuero Juzgo* VIII), *devent* (II), *perdent* (XIII), *discurrent* (*Fuero de Brañosera* XVI), *dant* (*Alexandro* 1456), *sont* (*Rimado de Palacio* 811; *España Sagrada* XLVIII 236), *prendend* (*Cid* 656), *rogand* (*Cid* 1755); през. кон. *dent* (*Fuero de Avilés* 120), *establescent* (*Fuero Juzgo* IX), *escomunguent* (XI), *ayant* (XIII), *ministrent* (*Glosas* 47), *perdant* (*Fuero de Oviedo* 97), *sepant* (*España Sagrada* XXXIX 342); импф. инд. *nembravant*, *otorgavant* (*Fuero Juzgo* X); ппф. инд. *tomarant* (I). Вариант *-n* засвидетельствован всюду с древнейших времен: през. инд. в старопортугальском *cantam*, *partem*, *vendem*; в староиспанском *cantan*, *parten*, *venden* и т. д. Вся совокупность свидетельств вынуждает постулировать в иберороманскую эпоху

колебание *-nt/-n, а позднее *-nt/-nd/-n. Написание -nt можно было бы рассматривать как латинизм или как галлицизм, но его фонетическая реальность находит подтверждение во французском, южноитальянском и сардинском материале, в продолжительном употреблении окончания в текстах (до XIV в., ср. французский путь развития) и, наконец, в словоформах с озвончением зубного (ср. 3 л. ед. ч.).

Как можно видеть из обсуждаемых в этой краткой статье результатов исследования, специальное развитие сравнительно-исторического направления с акцентом на реконструкции языковых состояний, с учетом новых материалов и достижений лингвистики позволяет вновь обратиться к традиционным спорным вопросам романского исторического языкознания, поставить такие проблемы, которые еще недавно казались решенными или не ставились вообще. Наиболее существенно, что последовательное сопоставление романских языков и диалектов по отдельным областям (Иберия, Галлия, Ретия, Италия, Балканы, Сардиния) и во всей романской перспективе с опорой на определенные принципы дает возможность реконструировать историю общероманского (прароманского, протороманского) как реального, изменяющегося во времени и пространстве языка от эпохи его формирования до появления первых романских свидетельств¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Некоторые предположения обсуждаются в следующих работах: *Meyer-Lübke W.* Grammatik der romanischen Sprachen. Leipzig, 1893. Bd II. S. 266—269; *Rydberg A.* Le développement de facere dans les langues romanes. P., 1893; *Gassner A.* Das altspanische Verbum. Halle, 1897. S. 114—117; *Бурсье Э.* Основы романского языкознания. М., 1952. С. 186—187; *Сергеевский М. В.* Введение в романское языкознание. М., 1954. С. 119; *Fouché P.* Le verbe français. P., 1967. P. 166—171; *Hall R. A. jr.* Proto-Romance morphology. Amsterdam etc., 1983. P. 62.

² Необходимые материалы отобраны из текстов и следующих публикаций: *Gassner A.* Op. cit.; *García de Diego V.* Elementos de gramática histórica gallega. Burgos, 1906; *Zauner A.* Altspanisches Elementarbuch. Heidelberg, 1921; *Huber J.* Altportugiesisches Elementarbuch. Heidelberg, 1933; *Zamora Vicente A.* Dialectología española. Madrid, 1960; *Poerck G. de, Mourin L.* Ancien portugais et ancien castillan. Bruges, 1961; *Leite de Vasconcellos J.* Esquisse d'une dialectologie portugaise. Lisboa, 1970.

³ Абсолютные и относительные датировки соответствующих процессов обсуждаются в кн.: *Широкова А. В.* Сравнительно-историческая фонетика романских языков Пиренейского полуострова. М., 1982. С. 47—66.

⁴ В 1 л. ед. ч. общероманского презенса индикатива характерный гласный вытеснялся флексией -o; некоторые глаголы сохраняли параллельные образования с рефлексом характерного гласного в виде -i-; facere относится к их числу; ср.: *Hall R. A. jr.* Op. cit. P. 57.

⁵ О сохранении флексии 3 л. упоминается: *Diez F.* Grammatik der romanischen Sprachen. Bonn, 1882. S. 526; *Gassner A.* Op. cit. S. 67, 92; *Menéndez Pidal R.* Orígenes del Español. Madrid, 1926; 1968, § 70; *Zamora Vicente A.* Op. cit. P. 41. Тем не менее Р. А. Холл реконструирует для иберороманского середины IX в. -Ø (ср. 3 през. инд. da; 3 през. кон. fasa (*Hall R. A. jr.* Exter-

nal history of the Romance languages. N. Y. etc., 1974. P. 116), не учитывая перечисленные свидетельства или отвергая их как латинизм.

⁶ Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. М., 1982. С. 131.

⁷ Gassner A. Op. cit. S. 70: «Lateinische Reminiscenz».

⁸ Zamora Vicente A. Op. cit. P. 41.

⁹ Lausberg H. Romanische Sprachwissenschaft. Berlin, 1967. Bd II. S. 84. Утрата -m засвидетельствована традицией римского стихосложения и надписями с середины III в. до н. э. (Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960. С. 108). В общероманских многосложных словах конечный -m не реконструируется (ср.: Hall R. A. jr. Proto-Romance phonology. N. Y. etc., 1976. P. 81—82).

¹⁰ Meyer-Lübke W. Op. cit. § 233; Gassner A. Op. cit. S. 115; Zamora Vicente A. Op. cit. P. 202. Ср. окситанское *faim*, *fam*, французское *faim*, энгадинское *faints*.

¹¹ См. предположения такого рода: Gassner A. Op. cit. S. 115—116; Zamora Vicente A. Op. cit. P. 202. Ср. французское *faites*, окситанское *faitz*, *fatz*, энгадинское *fais*, итальянское *fat*.

¹² О написаниях -nt, -nd см.: Diez F. Op. cit. S. 526; Gassner A. Op. cit. S. 70, 81, 126, 155; Menéndez Pidal R. Loc. cit.

¹³ Томашпольский В. И. Сопоставление романских языков и проблемы реконструкции общероманского состояния // Исследования по сопоставительной грамматике. Свердловск, 1985.

Г. А. Бухтеева
(Ленинград)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ И ИХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОРРЕЛЯТОВ В ЛАТИНСКОМ И СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Широко употребительные в современном французском языке словосочетания типа *prendre conseil* («советоваться»), *rendre grâce* («благодарить») имеют прообраз в латинском языке (*consilium capere, gratias agere*) и известны французскому языку с самых ранних периодов его истории (ст. фр. *prendre conseil, rendre graces*). Названные словосочетания, построенные по модели «глагольное сказуемое + прямое дополнение», представляют собой сложное явление, затрагивающее различные уровни языка, а именно: 1) синтаксический, поскольку указанный тип словосочетаний имеет модель глагольнообъектной синтагмы; 2) лексический, поскольку они функционируют как одно слово; 3) морфологический, поскольку они соотносятся с глаголом как частью речи.

Языковой материал латинского и старофранцузского языков показывает, что значительное место в них занимают словосочетания, именной компонент которых — абстрактное существительное — имеет однокоренной глагольный коррелят, напр.: лат. *bellum gerere* («вести войну») — *bellare, gratias agere* («благодарить») — *gratari*; ст. фр. *avoir guerre* («воевать, быть в состоянии войны») — *guerroyer, faire response* («дать ответ») — *respondre*. Таким образом, анализ названных словосочетаний требует рассмотрения вопроса о взаимосвязи единиц разных

уровней, а именно: глагольно-именных словосочетаний и соотносимых с ними глаголов в латинском и старофранцузском языках. Этот вопрос представляет особый интерес, поскольку причины, которые служат импульсом к образованию и функционированию глагольно-именных словосочетаний в каждом конкретном языке, могут отличаться друг от друга¹.

Анализ глагольно-именных словосочетаний позволил установить, что в латинском языке они конкретизируют семантику многозначного глагола. Например, словосочетание *gratias agere* («благодарить, выражать благодарность») соотносится с одним из значений глагола *gratari*: 1) «выражать участие»; 2) «желать счастья, поздравлять»; 3) «благодарить»; *responsum dare* («дать ответ») уточняет одно из значений глагола *respondere*, который употребляется в значениях: 1) «отвечать»; 2) «являться»; 3) «платить»; 4) «соответствовать»; 5) «отражаться»; 6) «находиться напротив»; 7) «быть в порядке» и др.

Словосочетания с именным компонентом неглагольного происхождения, несмотря на отсутствие однокоренных глаголов, могут иметь смысловые корреляты, выраженные глаголами другого корня. Например, *veniam dare* («помиловать») соотносится с глаголом *ignoscere* («прощать, извинять») и с одним из значений многозначного *pacere*: 1) «беречь, жалеть, скупиться, экономить»; 2) «сохранять, щадить»; 3) «копить»; 4) «уклоняться» и др.

Глагольно-именные словосочетания в латинском языке взаимодействуют с однословными глаголами не только на лексическом, но на грамматическом и синтаксическом уровнях. При этом они могут вносить оттенок начинательности. Однословный глагол и словосочетание создают оппозицию «действие/состояние — вступление в действие/состояние»; например, глагол *somniare* («видеть сон, грезить») или несоотносимый с именным компонентом словосочетания глагол *dormire* («спать»), имеющие дуративный характер, не могут формировать значение «заснуть», свойственное словосочетанию *somnum capere*. Ср.: *quid somniatis?* (Pl., Ps. 1187) («вы что грезите?»); *dormibo placide in tabernaculo* (Pl., Trin. 726) («буду спокойно спать в шатре/палатке»); *ibi tibi adeo lectus dabitur ubi tu hau somnum capias...* (Pl., Ps. 215) («там тебе такую кровать дадут, что ты не заснешь...»)².

Они могут также восполнять ограниченные парадигматические возможности односложного глагола. Словосочетание *proelium facere* («сражаться») в пяти книгах «Записок о Галльской войне» Ю. Цезаря употребляется или в конструкции *ablativus absolutus* (8 случаев), или в придаточных предложениях (2 случая) в форме *plusquamperfectum coniunctivi* и *perfectum coniunctivi passivi*. Все эти формы образуются от причастия прошедшего времени (супина), которого лишен депонентный глагол *proeliari*. Ср.: *diversae duae legiones in ipsis fluminis ripis*

proeliabantur (Caes., B. G. II, 23,3) («два отдельных легиона сражались уже у самого берега реки»); tum proelio facto remiserunt... (Caes., B. G. IV, 27, 4) («затем, когда сражение было закончено, они отступили...») ³.

Наконец, они могут восполнять ограниченные синтагматические возможности однословного глагола. Употребление *finem* *facere* вместо *finire* объясняется неспособностью последнего управлять инфинитивным дополнением. Компонент словосочетания *finem*, обладая именной валентностью, мог получать герундиальное определение. Герундий был удобным средством выражения особенно в тех случаях, когда в языке не имелось соответствующего абстрактного существительного, передающего понятие действия, как, например: *consolatus rogat, finem orandi faciat* (Caes., B. G. I, 20, 5) («успокоив его, просит, чтобы перестал умолять»). Употребление словосочетания *finem facere*, а не глагола *finire* в этом примере объясняется тем, что после глагола должен был бы следовать или инфинитив *orare*, который не мог употребляться с *finire* из-за отсутствия у последнего валентности на инфинитивное дополнение, или существительное, которого не было в латинском языке ⁴.

Исследованный нами материал свидетельствует о том, что в латинском языке взаимодействие глагольно-именных словосочетаний с их глагольными коррелятами на уровне морфологии и синтаксиса лишь дополняет их лексическое взаимодействие, что обусловлено семантической широтой латинского глагола и его смысловой незавершенностью при отсутствии дополнения ⁵. Например, в зависимости от дополнения в винительном падеже глагол *ducere* может получать следующие значения: 1) «водить, вести [кого-либо]»; 2) «командовать [центурией]» — *ordinem*; 3) «стоять во главе семьи, быть главным» — *familiam*; 4) «проводить [ров]» — *fossam*; 5) «сочинять [стихи]» — *versus*; 6) «ловить [рыбу]» — *piscem*; 7) «жить» [*vitam* — «жизнь»]; 8) «дышать» [*spiritum* — «воздух»]; 9) «стараться выиграть время» — *tempus*; 10) «доить [убега — «вымя»]; 11) «приобретать цвет, окрашиваться» [*colorem* — «цвет»]; 12) «пряхсть» [*lanam* — «шерсть»] и др.

В старофранцузском языке из-за большого числа специализированных по значению глаголов их соотношение с глагольно-именными словосочетаниями меняется ⁶. В отличие от латинского языка, где уточнение лексического значения многозначного глагола можно считать основной функцией глагольно-именных словосочетаний, в старофранцузском эта функция отступает на задний план. Например, словосочетание *faire demore*, обладающее только одним значением «медлить», специализирует глагол *demorer*, имеющий несколько значений: 1) «пребывать, оставаться, жить»; 2) «медлить, опаздывать»; *doner respit* («дать отсрочку») соотносится с одним из значений глагола *respiter* («уважать», «дать отсрочку» и «щадить, спасать»). Ср.: *O toi*

ne puis *demorer* plus (Eracle, 5378) («С тобой не могу больше оставаться [жить]»); Manjue, Adam, ne *faz demore*,/Te le prendras en mult bon ore (Adam. P. 28) («Ешь, Адам, не медли, ты его съешь в самой лучшей поре его зрелости»).

На первый план у глагольно-именных словосочетаний в старофранцузском языке выступает функция дополнения однословного глагола недостающими грамматическими значениями. Так, *prendre fin* («кончатся») служит средством интранзитивации глагола *finir* («кончать»); *jeter un abai* («тявкнуть»), *jeter un cris* («вскрикнуть»), *jeter un ris* («усмехнуться»), *jeter un sospir* («вздохнуть») передают однократность, прерывистость действия в отличие от глаголов *aboyer*, *crier*, *rire*, *sospirer*, которые характеризуются дуративностью и итеративностью⁷.

Особая роль в передаче грамматических значений лексическими средствами языка принадлежит старофранцузским глагольно-именным словосочетаниям, образованным на базе глагола *avoir*. Они могут вступать в парадигматические отношения по признаку залогового значения активности/пассивности как с глагольными коррелятами, так и с глагольно-именными словосочетаниями. Тем самым они восполняют в языке недостаток пассивной глагольной формы, состоящей из причастия прошедшего времени и глагола *estre*, на довольно редкое употребление которой указывает Е. А. Реферовская⁸ (см. табл.)

Глаголы и глагольно-именные соответствия

Глагол	Соотносительное с глаголом словосочетание активного значения	Коррелят с пассивным значением
<i>blamer</i> («порицать»)	—	<i>avoir blame</i> («быть порицаемым»)
<i>beneïr</i> («благословлять»)	<i>doner beneïçon</i> («дать благословение»)	<i>avoir beneïçon</i> («получить благословение»)
<i>congeer</i> («отпускать»)	<i>doner congié</i> («отпустить»)	<i>avoir congié</i> («быть отпущенным»)
<i>damager</i> («повреждать»)	<i>faire damage</i> («нанести повреждение»)	<i>avoir damage</i> («получить повреждение»)
<i>honorer</i> («уважать»)	<i>faire honour</i> («оказывать честь»)	<i>avoir honour</i> («быть уважаемым, почитасмым»)
<i>presenter</i> («дарить»)	<i>faire present</i> («сделать подарок»)	<i>avoir present</i> («получить подарок»)

Взаимодействие глагольно-именных словосочетаний с их глагольными коррелятами может иметь место и на уровне динамического синтаксиса, актуального членения предложения. Использование словосочетания *donec beneīcūn* вместо глагола *beneīr* вызвано стремлением выделить глагольное действие. Ср.: *Dius beneīe ta vertu!* (Eracle, 5898) («Пусть бог благословит твою добродетель!»); ...e li évesches Hély lur dunad beneīcūn... (LQL I, II) («и епископ Илия дал им благословение...»). В первом примере большую функциональную нагрузку несет *ta vertu* — прямое дополнение к глаголу *beneīr*. Во втором — *donec*, реализуя объектную валентность, лишен конкретного смыслового содержания: его дополнение *beneīcūn* передает информацию о действии.

Таким образом, глагольно-именные словосочетания в обоих языках взаимодействуют с соответствующими глаголами. Однако если в латинском языке их взаимодействие относится к сфере лексической семантики, то в старофранцузском оно выходит на грамматический уровень.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К причинам широкого распространения глагольно-именных словосочетаний в современных языках исследователи относят их большую выразительность по сравнению с глаголами, возможность передачи ими понятий, не имеющих в языке глагольного выражения, устранение глагольной многозначности, пополнение словарного состава языка. См.: Мордвилко А. П. Очерки по русской фразеологии (именные и глагольные фразеологические обороты). М., 1964; Матезиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей/Сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашева. М., 1967; Björkman S. Le type avoir besoin. Etude sur la coalescence verbo-nominale en français. Uppsala, 1978.

² Здесь и далее использованы следующие источники (указаны в тексте сокращенно): Adam — Adam. Drame Anglo-Normand du XIIe siècle. Tours, 1854; Caes., B. G. — C. I. Caesaris Commentarii/Ed. A. Klotz. Lipsiae, 1952. Vol. I: Commentarii Belli Gallici. Lib. I—VI; Eracle — Gauthier d'Arras. Eracle. P., 1976; LQL — Les quatre livres des rois traduit en français du XXIIe siècle. P., 1841; Pl. Ps. — Plautus. Pseudolus // Боровский Я. М., Болдырев А. В. Учебник латинского языка. М., 1975. С. 331—367; Pl. Trin. — Plautus. Trinummus/Ed. Ioh. P. Waltzing. P., 1933; Yvain — Chrestien de Troyes. Yvain (Le Chevalier au Lion). Manchester, 1942.

³ Контекстуальное значение словосочетания *proelium facere* («закончить сражение») обусловлено тем, что словосочетание стоит в конструкции *ablativus absolutus*.

⁴ В отношении латинского глагола высказывалось мнение, представляющее нам справедливым, о том, что ему нельзя приписывать центральной организующей роли в предложении, которая свойственна глаголу в современных языках, и что лексической семантики латинского глагола было, по-видимому, недостаточно для того, чтобы он мог самостоятельно передавать понятие о действии. См.: Carvalho P. de Syntaxe et sémantique: verbe et phrase en Latin // Revue des études anciennes. 1978. T. LXXX.

⁵ Carvalho P. de Op. cit.

⁶ Ср.: *grapper* («собирать гроздь винограда») < *grappe* («гроздь винограда»), *guerredonec* («отплатить за службу») < *guerredon* («вознаграждение, плата за службу») и т. п.

⁷ Передача количественной аспектуальности (однократности, прерыви-

стости действия) обусловлена наличием в глагольно-именном словосочетании неопределенного артикля.

⁸ *Реферовская Е. А.* Пассивная форма французского глагола // Памяти академика Л. В. Щербы. Л., 1951.

Н. И. Кузьмина
(Ленинград)

КОДИФИКАЦИЯ АНОМАЛЬНЫХ ФОРМ СПРЯЖЕНИЯ

Среди нерегулярных глаголов во французском языке обычно выделяют группу так называемых аномальных, или неправильных, глаголов, к числу которых относятся *être, avoir, faire, aller, savoir* и др. В основном это супплетивные глаголы, аномальность которых заключается в том, что они объединяют в парадигмах формы различного происхождения. Обладая непродуктивными формами, «мертвым спряжением», супплетивные глаголы удерживаются в языке и обнаруживают высокую устойчивость.

В настоящей статье ставится цель рассмотреть варианты формы спряжения супплетивного глагола *aller* в текстах XVI в. и особенности их кодификации в первых нормативных грамматиках¹, найти теоретическое обоснование необыкновенной устойчивости аномальных, непродуктивных форм спряжения.

Для глагола *aller* в текстах XVI в. обнаруживается большое количество вариантов. Для 1 л. ед. ч. наст. инд.— это варианты различной огласовки корня *v-*: *vais, vay, vois, voy, voua, vas, va*; для форм простого перф.— варианты различной огласовки корня *al-*: 1 л. ед. ч. *alay* и *alli*, 2—3 л. ед. ч. *alas(-t)* и *allis(-t)*. В ед. ч. имперф. инд. конкурируют варианты *allois(-t)* и *allais(-t)*. Наблюдаются аналогические варианты и для некоторых форм, например *vons* для 1 л. мн. ч. наст. инд., *allons* для 1 л. ед. ч. наст. инд., *suralleront* (*sur+aller*) для 3 л. мн. ч. буд. инд., *voise, voisent* для наст. сюбж., но они встречаются чрезвычайно редко и их употребление ограничено.

Несходство конкурирующих вариантов глагола *aller* сводится главным образом к различиям в огласовке корневой согласной. При всем обилии вариантов для каждой из форм распределение корней *v-*, *al-*, *i-* в парадигме *aller* не нарушается, т. е. они закреплены за определенными наклонениями и временами: корень *v-* — за всеми формами наст. инд., кроме 1 и 2 л. мн. ч.; корень *i-* — за временами будущего (простым и гипотетическим); *al-* — за всеми временами прош. инд., 1 и 2 л. наст. инд., за сюбж. и неличными формами. Изучение вариантности глагола *aller* свидетельствует о том, что известное положение о стремлении «всякого нерегулярного глагола стать регулярным»² на супплетивные глаголы не распространяется.

Как решается проблема кодификации данного глагола в нормативных грамматиках и каково вообще отношение грамма-

тистов к аномальным формам спряжения? Напомним, что нормализаторские установки избираются и проводятся в жизнь говорящими сознательно. Однако представления о «речевом идеале» во многом определяются рядом социалингвистических факторов, среди которых наиболее важными считаются место рождения (место, где прошло детство), место наиболее длительного проживания, возраст, образование и т. д.³ Естественно, что это влияние сказывалось на выборе и кодификации тех или иных вариантов, особенно в условиях развитой вариантности форм, характерной для периода становления национального литературного языка; оно же проявлялось и в различиях некоторых нормативных оценок (хотя нормализаторский подход мог быть и единым). Так, при ориентации французских грамматистов на узус наиболее образованных, ученых людей (*les gens les plus doctes de la nation*) в их оценках наблюдаются разногласия.

При сравнении парадигм глагола *aller* в грамматических трактатах XVI в. обнаруживается, что расхождения в выборе «лучших» вариантов незначительны, так как они касаются отдельных форм: 1 л. ед. ч. наст. инд. *vois* или *vay*, 3 л. мн. ч. прост. перф. инд. *allarent* или *allerent* и некоторые др. Разногласия и различия в кодификации спряжения глагола *aller* не затрагивают распределения корней *v-*, *al-*, *i-* между формами. Ни один из грамматистов не пытается навести порядок в парадигме путем унификации основ на базе одного из трех корней. Иными словами, в плане кодификации глагола *aller* нормативному исправлению подвергаются вариантные реализации с частичным формальным сходством (образованные на базе общего корня), но не нарушается принцип распределения основ между формами, входящими в его парадигму. Результаты исследования текстов также свидетельствуют о том, что смещения или унификации основ рассматриваемого глагола не было.

Отсюда следует, что аномальность глагола *aller* для грамматистов XVI в. отражает реальность узуса, не подлежащую исправлению. Узус для грамматистов XVI в. остается основным критерием в вопросах выбора и кодификации грамматических форм. Большинство грамматистов считает, что правила нужно именно находить (*trouver, extraire*), наблюдая употребления, а не создавать их искусственным путем.

Любопытно отношение грамматистов к аномальным глаголам вообще. Аномальность не получает в грамматических трактатах негативной оценки, она лишь констатируется, а не расценивается как проявление ущербности или несовершенства «вульгарного» языка. Ж. Гарнье, А. Коши, П. Рамюс считают из-за нее спряжение глаголов самым трудным разделом во французской грамматике. Многие грамматисты различают степень аномальности, выделяя частично нерегулярные (*verba irregularia*) и абсолютно неправильные (*verba anomala*) глаголы типа *être, avoir, aller, vouloir*. Ж. Гарнье добавляет, что число

абсолютно неправильных глаголов очень ограничено: их всего шесть или семь и они выделены в его труде в группу четвертого спряжения.

Как сегодня объясняют причины устойчивости аномальных форм спряжения в языке?

Преобладает точка зрения на аномальные (супплетивные) глаголы как «больные» в прошлом, но «излечившиеся» позднее благодаря скрещению с другими глаголами. Некоторые скрещення оказались долговечными (*esse*×*stare*, *vadere*×*ire*×**alare*). В процессе нормализации в латыни и французском языке эти глаголы избежали в большинстве форм аналогических преобразований, поскольку они были весьма частотны и употреблялись как вспомогательные⁴. На частотность как основную причину сохранения в языке супплетивных глаголов указывают многие историки языка⁵, а само это явление считают свидетельством языкового консерватизма. Отмечается, что механизм аналогии постоянно оказывает воздействие на нерегулярные глаголы и вследствие этого каждый нерегулярный глагол в конечном счете должен стать регулярным.

Другая точка зрения связана с положением об асимметрии языкового знака и автономности развития планов выражения и содержания. Существование в языке омофонии (недостаточность сигнализации) и гетерофонии (излишество сигнализации) совершенно естественно, а супплетивность глаголов — случай излишней сигнализации. Корни, входящие в парадигму супплетивного глагола, имели раньше различные значения, а затем получили общую семантику, что и послужило причиной их объединения в одной парадигме. Устойчивость подобных образований связывается с отвлечением от их «внешнего облика» и с действием тенденции к сохранению языка в состоянии коммуникативной пригодности. Последнее означает, что широко употребительные супплетивные глаголы оказывают сопротивление изменению, так как оно может повлечь за собой нарушение взаимопонимания между членами языкового коллектива⁶.

В соответствии с третьей точкой зрения аномальность признается одним из проявлений регулярности. В теории порождающей грамматики супплетивные глаголы определяются как имеющие парадигму, которая не может быть выведена на основании общих правил порождения. Нерегулярность супплетивных глаголов лишь кажущаяся, так как она обнаруживает признаки системности, а отнесение некоторых глаголов к нерегулярным возможно только потому, что само понятие регулярности очень слабо разработано. В языке нет нерегулярных глаголов, а есть различные проявления регулярности. Так, для французского языка формулируется ряд правил, позволяющих предсказывать словоизменительные формы неправильных глаголов⁷.

Рассмотренные точки зрения не объясняют причин явления: устойчивость связывается в них с частотностью, уклонением от

аналогических тенденций, естественностью существования данных форм в языке, наличием признаков системности и регулярности в спряжении аномальных глаголов, т. е. дается описание свойств аномальных глаголов и характеризуется само явление.

Идея о том, что устойчивость аномальных форм спряжения в языке не случайное явление, а глубоко мотивированное, разрабатывается в теории психосистематики, исходящей из положения о языке как лингвистической памяти⁸. Противопоставление в плане семиологии регулярных глаголов нерегулярным свидетельствует о действии закона удовлетворительного выражения означающих. Формы спряжения аномальных глаголов, объединяющих в своих парадигмах корни различного происхождения, являются случаями наибольшего соответствия (когерентности) психических и семиологических структур. Неправильные глаголы как бы воспроизводят посредством системы своего спряжения психическую архитектуру образа-времени в явном виде, что достигается использованием различных корней, которые своим распределением среди форм спряжения указывают на позицию обозначаемого понятия в системе хроногенеза. Г. Гийом рассматривает спряжение глагола *aller* как случай абсолютной когерентности психических и семиологических структур во французском языке⁹.

Можно предположить, что спряжение аномальных глаголов, которые, как правило, имеют широкую семантику и способны замещать другие глаголы, не являются аномалиями, случайностью, свидетельством неполного охвата материала какими-либо изменениями. Эти глаголы существуют и сохраняются в языке как необходимые. Представляя случай абсолютной когерентности психических и семиологических структур, они облегчают овладение механизмом построения образа-времени. Возможно, аномальные формы спряжения, характеризующиеся высокой частотностью, выступают в роли своеобразных опор, помогающих освоить и в какой-то мере создать механизм формирования временных представлений в языковом сознании каждого нового члена языкового коллектива.

Таким образом, если принять объяснение устойчивости аномальных форм спряжения, разработанное в рамках психосистематики, то можно понять, почему аномальные формы спряжения не подвергаются нормативному исправлению (в плане унификации основ), т. е. сознательному вмешательству со стороны говорящих. В данном случае имеет место совпадение семиологических и психических структур, служащее определенной цели; «руководство» психическими структурами осуществляется на уровне интуитивной, бессознательной логики, и в случае когерентности, совпадения семиологических и психологических структур эта логика не может быть нарушена и на уровне означающих сознательным исправлением аномалии форм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изучение вариантов проведено на материале текстов различных жанров: *Rabelais F. Cargantua-Pantagruel*. P., s. d.; *Montaigne M. Essais*. P., 1878; *Chansons populaires du 16 siècle* // *Revue de l'histoire littéraire de la France*. P., 1895; *Bouelles Ch. La géométrie pratique*. P., 1566; *Pasquier E. Les lettres d'Estienne Pasquier*. P., 1619 etc. Исследованы также грамматические трактаты Ж. Дюбуа (1531), Ж. дю Геза (1532), Дж. Пальсграва (1532), Р. Этьена (1545), Л. Мерпе (1550), Ж. Пилло (1561), П. Рамюса (1562), А. Коши (1570) и др.

² *Brunot F., Bruneau Ch. Précis de grammaire historique de la langue française*. P., 1937. P. 479.

³ Русский язык по данным массового обследования: Опыт социолингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысика. М., 1974.

⁴ *Доза А. История французского языка* / Пер. с франц. М., 1956.

⁵ См., напр.: *Шишмарев В. Ф. Историческая морфология французского языка*. М.; Л., 1952; *Meyer-Lübke W. Historische Grammatik der französischen Sprache*. Heidelberg, 1913; *Nyrop K. Grammaire historique de la langue française*. P., 1903. Т. 2; *Fouché P. Le verbe française*. P., 1967; *Brunot F., Bruneau Ch. Op cit.*; *Wartburg W. von. Evolution et structure de la langue française*. Leipzig; Berlin, 1937.

⁶ Общее языкознание / Под ред. Б. А. Серебренникова. М., 1970.

⁷ *Gertner M. The morphology of the modern French verb*. The Hague. P., 1973.

⁸ См.: *Guillaume G. Lecons de linguistique de Gustave Guillaume* publ. par R. Valin. Sér. A. Paris; Québec, 1971; *Idem. De la repartition des trois radicaux du verbe "aller"* // *Langage et science du langage*. Paris; Québec, 1969; *Скрелина Л. М. Систематика языка и речевой деятельности*. Л., 1980; *Она же. Изучение означаемого и означающего в истории языка* // *Филол. науки*. 1978. № 6.

⁹ См.: *Guillaume G. De la répartition...*

Н. А. Пирогов
(Свердловск)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА УРОВНЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Изучение грамматической синонимии имеет большое теоретическое значение, так как способствует раскрытию взаимосвязи отдельных элементов системы языка. Большинство лингвистов в качестве важнейших критериев синонимичности синтаксических единиц признается общность их синтаксической функции и разноструктурность этих единиц¹. По мнению В. Н. Ярцевой, для выделения грамматических синонимов необходимы общность грамматического значения (функции) и структурная близость, т. е. «грамматические синонимы не могут принадлежать к разным сферам грамматики и входят либо в морфологию, либо в синтаксис»².

На уровне сложного предложения объектные отношения выражаются посредством гипотаксиса, паратаксиса и бессоюзного сложного предложения. Важно определить сферу функционирования каждого из этих типов предложения, частотность их упот-

ребления в том или ином виде речи. В художественной литературе, использованной нами в исследовании, монологическая речь (речь автора) носит более книжный нейтральный характер, чем диалогическая речь (речь персонажей), которая более эмоциональна как речь разговорная. Эти различия отражены в синтаксисе, в структуре предложений. Анализ монологической речи в литературном немецком языке (500 предложений) и в нижне-немецких диалектах (440 предложений) позволил установить, что объектные отношения чаще всего выражаются с помощью гипотаксиса (СПП), на втором месте по употребительности — бессоюзные сложные предложения (БСП) и самую малочисленную группу представляют сложносочиненные предложения (ССП). Однако при сопоставлении диалекта и литературного языка видно, что гипотаксис в данном случае употребляется в литературном языке в 1,5 раза чаще, чем в диалекте, и наоборот, в диалекте удельный вес БСП в 2,5 раза больше, чем в литературном языке:

Монолог	СПП. %	БСП. %	ССП. %
Лит. нем. язык	78,3	19,3	2,4
Диалект	51,5	48,0	1,5

В диалогической речи способы выражения объектных отношений те же самые, но их соотношение значительно меняется:

Диалог	СПП. %	БСП. %	ССП. %
Лит. нем. язык	65,2	31,8	3,0
Диалект	38,0	61,0	1,0

Общей тенденцией для литературного языка и диалекта является возрастание роли БСП как стилистически более окрашенных и тяготеющих к устной речи. В других случаях диалогическая речь литературного языка и диалекта существенно различается. В литературном языке объектные отношения чаще всего находят выражение в СПП, в диалекте в данном случае доминируют БСП. На втором месте в литературном языке БСП, а в диалекте — СПП. ССП употребляется очень редко.

Важнейшей особенностью структуры СПП с изъяснительной придаточной частью является то, что главная часть их характеризуется смысловой и грамматической неполнотой, а придаточная часть служит для восполнения недостающего в главной.

части члена предложения. Основными средствами выражения подчинения в литературном немецком языке являются подчинительные союзы, относительные местоимения и наречия, их корреляты в главном предложении, сдвиги в порядке слов главного и придаточного предложений, интонация, а также конъюнктив³. В нижненемецких диалектах средства подчинения в гипотаксисе те же самые, что и в современном литературном немецком языке, за исключением конъюнктива, который не входит в систему глагольных форм исследуемой группы диалектов.

В нижненемецких диалектах придаточные дополнительные составляют около трети всех придаточных предложений в гипотаксисе⁴. Как и в литературном немецком языке, они чаще всего вводятся союзом *dat* (= *daß*) и следуют, как правило, за главным предложением: *Kunnst meenen, dat de ool Bus sien Spaß mit den beeden dreven hett* (Peters); *So heff ik dat denn ok hört, dat Fiete Hink mit uns Herrgott snackt hett* (Delfs-Hansen).

Союз *off* (= *ob*) встречается в анализируемых текстах очень редко: *Woher will he weten, off dat Dynamit is oder nich?* (Hansen). Обычно вместо него употребляется союз *wat*, напр.: *Un denn wull de Jung noch weten, wat dat woll de richtige Marke is* (Harder); *Nu wüll ick em mal fragen, wat he sik ok den Plaan betahlen laten wull* (Peters).

Как и в литературном немецком языке, придаточные дополнительные в диалекте часто вводятся относительными местоимениями и наречиями на *w*, напр.: *Fraag mi nich, wat de Frolü nu dorto menen deen!* (Bredendiek); *Weetst du noch, wokeen mi dü to Geburtstag schinkt hett?* (Belau); *Man he wull mi doch Bescheed doon, wannehr dat losgahn sall mit sien Baueree* (Schmidt). Примерно в 10 % СПП в предшествующем главном предложении дополнительным средством связи выступает коррелят: *Se marken dat nu all, dat för Baasdörp annere Tieden kemen* (Peters).

Придаточное предложение предшествует главному довольно редко: в одном случае из десяти. Примечательно, что главное предложение при этом почти всегда содержит коррелят. Особенностью нижненемецких диалектов является то, что составные местоименные наречия, выступающие в качестве союзных слов и коррелятов, разъединяются и образуют рамку, что совершенно чуждо литературному языку: *Ik heff ehr nich fraagt, wo se den Mümmelmann mit to Liev wull* (Belau); *Dat Dörpslö all en Tau trecken mööt, dar weet wi hier vun so* (Peters).

Среди бессоюзных предложений неоднородного состава преобладают конструкции, особенность структуры которых состоит в том, что один из компонентов содержит глагол неполной предикации (глагол речи, чувствования, мышления) и, являясь по этой причине структурно незавершенным, требует своего восполнения другим компонентом. Такие бессоюзные сложные предложения очень близко соприкасаются со сложноподчиненными предложениями, имеющими в своем составе придаточные допол-

нительные предложения с союзом *dat* (*daß*). Во многих случаях они взаимозаменяемы. Например, предложение *Ick seh, wi verstaht uns* (Hansen) можно без ущерба для грамматического значения трансформировать в сложноподчиненное предложение с союзом *dat*: *Ick seh, dat wi uns verstaht*.

Однако бессоюзное предложение с глаголом изъяснительной семантики нельзя объединять с близкими им по значению союзными сложноподчиненными предложениями в один структурно-семантический тип по нескольким причинам. Своеобразие их структуры состоит в том, что компонент, выполняющий функцию дополнения, имеет порядок слов самостоятельного предложения и соединяется с другим компонентом без помощи союза. Кроме того, исключается бессоюзное соединение компонентов при наличии отрицания в компоненте с незавершенной синтаксической структурой. Например, невозможны такие предложения, как: **Ik heff jo all nich seggt, för allens weer sorgt*; **Man wi hebbt dat nich forts sehn: de Fru harr weent*. Грамматически отмеченными являются только предложения типа: *Ik heff jo all seggt, för allens weer sorgt* (Delfs-Hansen). *Man wi hebbt dat forts sehn: de Fru harr weent* (Harder).

В большинстве случаев (в 8 предложениях из 10) компонент бессоюзного сложного предложения, содержащий глагол изъяснительной семантики, находится в препозиции. При этом глагол-сказуемое второго компонента употребляется в презентных и претеритальных формах индикатива в их абсолютном временном значении, напр.: *Ick glöv, dat bildt wi uns ok bloots in* (Harder); *Will ik ju seggen: dat keem vun Puh-Wever her* (Peters).

Часть бессоюзного сложного предложения, содержащая сказуемое изъяснительной семантики, может стоять и в постпозиции, хотя такие случаи наблюдаются значительно реже (в 2 предложениях из 10): *Eten hett se uns ok kaakt, hett he seggt* (Harder); *Du schallst em loslaten, heff ick seggt* (Hansen). Компонент бессоюзного сложного предложения, соотносимый с придаточным дополнительным, как правило, не имеет коррелята в другой части сложного предложения. Однако употребление коррелятов не исключается, они служат для обеспечения большей спаянности частей бессоюзного комплекса: — *'n feine Fro heff ick, dat mutt ick seggen!* (Hansen); *Religion mutt dar ween, dar sünd wi uns all enig in* (Peters).

Объектные отношения могут быть выражены и сложносочиненным предложением. В соединительно-распространительных или дополнительных сложносочиненных предложениях первый компонент объединяется со вторым посредством союза *un* (*und*), коррелирует с местоимением *dat* (*das*) или местоименным наречием типа *daran* и несет функцию дополнения (объекта): *So, so, op eenmal geiht, un dat schall ik glöven?* (Delfs-Hansen); *Elsbe Steffens is dar heel dull op, un dar kann ehr keen Minsch in verdenken* (Peters); *Dat versteiht en Peerd, un egentlich bruuk*

man *dar* ja gar nich eerst *üm* dibbern (Peters). В сложносочиненном предложении порядок следования предикативных структур строго фиксирован: компонент, выполняющий функцию объекта, всегда занимает инициальное положение.

Итак, объектные отношения могут выражаться посредством сложноподчиненного, сложносочиненного и бессоюзного сложного предложений, которые в данном случае являются структурными синонимами. В авторском повествовании объектные отношения чаще всего находят свое выражение в сложноподчиненном предложении, а в диалогической диалектной речи — в бессоюзном сложном предложении. Объектные отношения средствами сочинения выражаются редко как в монологической, так и в диалогической речи. Для передачи косвенной речи в литературном немецком языке может использоваться конъюнктив, в диалекте же конъюнктив отсутствует полностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Жилин И. М. Некоторые явления синтаксической синонии в группе глагола современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1962; Кузьмин В. В. Проблема синтаксической соотносительности (на материале объектных конструкций) // Вopr. языкозн. 1978. № 4; Ковтунова И. И. О синтаксической синонии // Вопросы культуры речи. М., 1955; Маковский М. М. Роль синонии в развитии грамматической структуры языка // Вопросы языкознания, грамматики, лексикологии и стилистики: Уч. зап. / МГПИИЯ. М., 1961. Т. 25; Матвеева Н. Н. К вопросу синонии синтаксических единиц // Структурные особенности разговорной речи. Иркутск, 1964; Назикова Е. А. Синонии сложных предложений, выражающих условно-следственные отношения // Русский язык в школе. 1974. № 1; Шендельс Е. И. Синтаксические варианты // Филол. науки. 1962. № 1.

² Ярцева В. Н. О грамматических синонимах // Романо-германская филология. М., 1957. Вып. С. 33.

³ Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971.

⁴ Для примеров использованы следующие источники: *Belau P. Drievjagd bi Möllers* // Hör mal 'n beten to. Neumünster, 1975; *Bredendick H. Schummelee* // Ibid.; *Delfs-Hansen E. Dörps geschichten*. Flensburg, 1977; *Harder J. Wedder mal Wiehnachten*. Hamburg, 1974; *Hansen K. Schipp ahn Hoben*. Hamburg, 1974; *Horstmann R. Quickborn* // Zeitschrift für plattdeutsche Sprache und Dichtung. Hamburg, 1977; *Peters F. E. Baasdörper Krönk*. Husum, 1975; *Schmidt D. H. Gele Rosen* // Dar is keen Antwoort. Neumünster, 1970.

С. И. Назаров
(Горький)

**СВЯЗЬ МЕЖДУ СЕМАНТИКОЙ ГЛАГОЛА
И ПРЕДИКАТНОГО ВЫРАЖЕНИЯ**
(на материале английских каузативных глаголов)

Существует точка зрения, согласно которой каждая однозначная глагольная лексема¹ обозначает только одну типовую ситуацию². Если придерживаться этой точки зрения, то необходимо было бы признать, что в предложениях типа *John painted the*

wall и The wall is painted употребляются различные глагольные лексемы, поскольку первое предложение обозначает ситуацию воздействия на предмет, а второе — состояние предмета, которое является следствием предшествующего воздействия. Необходимо было бы также признать ошибочным использование в толковых словарях предикатных выражений, обозначающих результирующую ситуацию в качестве примеров к дефинициям каузативных лексем: board ... 1. ... to cover with boards: a boarded floor ... (L. P. 105); adulterate ... make impure, make poorer in quality, by adding sth of less value: adulterated milk (Н.Р. 13)³. В приведенных дефинициях обозначается ситуация воздействия на предмет, в примерах же описывается состояние предмета, наступившее в результате предшествующего воздействия.

Подобные примеры весьма многочисленны, и о случайной ошибке составителей словарей не может быть речи. Вероятнее всего имеет место несогласие лексикографов с установившейся точкой зрения, которая едва ли может приниматься как аксиома. Обратимся к анализу семантических структур глагольной лексемы и предикатного выражения.

Глагольная лексема и предикатное выражение являются единицами различных уровней: первая относится к лексическому уровню, вторая — к синтаксическому. Между единицами различных уровней наблюдаются иерархические отношения: менее сложные единицы входят в состав более сложных⁴. Глагольная лексема представляет собой виртуальный знак. Соответствующим актуальным знаком является употребление глагольной лексемы, которая вместе со своим окружением составляет предикатное выражение. Предикатное выражение с глагольной лексемой в ядерной позиции может иметь форму как предложения, так и словосочетания. Например, ситуация результирующего состояния предмета может обозначаться предложениями типа The milk is adulterated и словосочетаниями типа adulterated milk, входящими в состав предложения. Независимо от формы предикатное выражение характеризуется предикатностью, под которой понимается отношение значения признака к значению предмета или к значению другого признака⁵.

Денотат предикатного выражения — определенная ситуация, или отрезок экстралингвистической действительности. В плане содержания предикатному выражению соответствует определенное значение, денотативный аспект которого представляет собой пропозицию. Под пропозицией понимается отражение ситуации в сознании⁶. Пропозиция состоит из предиката и одного или нескольких соединяемых им аргументов. Предикат отображает (в широком смысле слова) и предполагает обязательную сочетаемость с аргументами. Аргументы занимают в пропозиции места, соответствующие валентностям предиката. Аргументы подразделяются на предметные и пропозитивные. Предметные аргументы указывают участников ситуации, которые выполняют

в ней различные роли, пропозитивные — признаки и явления, вовлеченные в ситуацию, ядро которой отображается предикатом. Предикат и его аргументы не являются знаками, они представляют собой единицы семантического уровня⁷.

Рассмотрим только пропозиции с предметными аргументами, или базисные пропозиции⁸. Базисные пропозиции могут отличаться друг от друга по количеству аргументов и функциям. Так, предложения типа ... he painted the room ... (Snow) выражают двухместную пропозицию, в которой агенс (he) отображает участника ситуации, выполняющего действие, а пациенс (room) — участника, претерпевающего изменение состояния. Словосочетания типа ... one of those ... painted ... buses (Bryan) выражают одноместную пропозицию, в которой отображен участник (one of those buses), находящийся в определенном состоянии (painted).

Значение глагольной лексемы, как и значение предикатного выражения, представляет собой жесткую структуру семантических элементов, а не простое, не упорядоченное множество⁹. Элементы семантической структуры, или семы, подразделяются в зависимости от характера отражения действительности на денотативные, прагматические и формальные. Денотативные семы отображают признак непосредственно, прагматические — в связи с параметрами коммуникативного акта, формальные — в связи с определенными формами и структурами языка¹⁰. В настоящей статье учитываются только денотативные семы, которые в свою очередь подразделяются на несубстанциональные и субстанциональные. Несубстанциональные семы отображают процессы (в широком смысле слова) и их признаки, субстанциональные — признаки предметов, вовлеченных в процесс¹¹. В общем случае несубстанциональные семы составляют интенционал глагольной лексемы, субстанциональные — ее импликационал¹². Семы интенционала и импликационала каузативных лексем со значением «изменение состояния» обозначают типовую ситуацию воздействия на предмет.

Кроме интенционала и импликационала, составляющих основную часть денотативного значения, в структуру глагольной лексемы входят «семантические довески»¹³, отображающие предшествующую и последующую ситуации. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «отсылка к предшествующей ситуации является конститутивным элементом значения глаголов изменения состояния (change of state verbs). Эти глаголы всегда указывают и на новое состояние и на состояние покидаемое»¹⁴. Например, глагольная лексема shave¹⁵₂ подразумевает наличие волос на лице человека до начала описываемого действия, пресуппозиция лексемы *sing*₁ включает отображение исходной ситуации, в которой тело подвержено какой-либо болезни. Исходное состояние описывается при помощи словоформ как выведенных из соответствующего глагола, так и деривационно не связанных с ним.

Например, исходная ситуация, предшествующая ситуации, которая обозначается предикатными выражениями типа *Alastair ... shaved in the bedroom* (Waugh), описывается при помощи причастий *unshaven* или *unshaved*. Предикатные выражения типа *... you cured your murderer* (Marryat) предполагают исходную ситуацию, которая описывается при помощи прилагательных *ill*, *sick* и т. п. Логическим следствием ситуаций, обозначаемых цитированными предложениями, является отсутствие волос на лице, что выражается единицами типа *Mr. Jones now is shaved ...* (Mitford), и выздоровление, что выражается единицами типа *... her daughter was cured ...* (Rogers). Соответственно в семантическую структуру глагольной лексемы со значением «каузация изменения состояния» входят компоненты, отображающие исходную ситуацию, ситуацию воздействия и результативную ситуацию. Интенционал и импликационал составляют основную часть денотативного значения. Периферийная часть включает пресуппозиционал¹⁶ и консеквент (*consequence*, *entailment*)¹⁷. Семы пресуппозиционала отображают исходную ситуацию, семы консеквента — результативную. Иными словами, в пресуппозиционале описывается предмет, который находится в определенном состоянии, что представляет собой необходимое условие для того, чтобы над ним было произведено действие, обозначенное данной глагольной лексемой. В консеквенте же описывается ситуация, которая всегда мыслится как логическое завершение ситуации воздействия.

Таким образом, в семантической структуре глагольной лексемы со значением «каузация изменения состояния» отображены три ситуации, две из которых представляют собой ситуации нахождения предмета в определенном состоянии и одна — ситуация воздействия. В семантической структуре предикатных выражений с данными лексемами также отображены три ситуации. Предикатные выражения типа *John painted the wall* обозначают ситуацию воздействия, исходная и результативная ситуация отображены в пресуппозиции предложения. Предикатные выражения типа *The wall is painted* и *the painted wall* обозначают результативную ситуацию и предполагают исходную ситуацию и ситуацию воздействия. Несколько сложнее обстоит дело с предикатными выражениями типа *The cup is broken* и *the broken cup*. В пресуппозиции таких предикатных выражений может быть отображена как ситуация воздействия типа *John broke the cup*, так и декаузативная ситуация типа *The cup broke*. Очевидно, в подобных предикатных выражениях, обозначающих результативную ситуацию, могут употребляться как каузативные, так и декаузативные лексемы. Определить, какой лексеме принадлежит соответствующая глагольная форма, можно только из контекста.

Анализ показывает, что семантическая структура каузативной глагольной лексемы изоморфна семантической структуре

предикатных выражений. Идея изоморфизма семантических структур глагольной лексики и предикатного выражения неоднократно высказывалась в лингвистике. Так, Ю. Д. Апресян отмечает, что «между значением предикатного слова и значением целого предложения принципиального различия нет, а есть лишь то различие, что на местах предикатного слова при его истолковании стоят предметные переменные, а на соответствующих местах в предложении — имена конкретных предметов»¹⁸. По мнению В. С. Храковского, «информация, содержащаяся в предложении, равна информации, содержащейся в лексикографическом толковании глагола, который является вершиной этого предложения»¹⁹.

Изучение периферийной части семантической структуры каузативной глагольной лексики позволяет сделать вывод о том, что если в двух предикатных выражениях, одно из которых обозначает ситуацию воздействия, а другое — результативную ситуацию, употреблены две глагольные формы с одинаковыми корневыми морфемами и семантические структуры рассматриваемых предикатных выражений изоморфны, то в данных предикатных выражениях употреблена одна и та же лексема. Случаи использования в толковых словарях предикатных выражений, обозначающих результативные ситуации, следует рассматривать как иллюстрации одного из возможных употреблений каузативных лексем. Противоположная точка зрения, приведенная в начале статьи, не учитывает периферийную часть семантической структуры глагольной лексики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под лексемой понимается лексико-семантический вариант слова.

² См., напр.: Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. С. 13.

³ (L) — Longman Dictionary of Contemporary English. Bath, 1982; (H) — Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1974.

⁴ См.: Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977. С. 62—63.

⁵ См.: Богданов В. В. Роль предикатов и непередикатов в семантике предложения // Структурная и прикладная лингвистика. Л., 1983. С. 3.

⁶ См.: Кацнельсон С. Д. О категории субъекта в предложении // Универсалии и типологические исследования. М., 1974. С. 107.

⁷ См.: Касевич В. Б., Храковский В. С. Конструкции с предикатными актантами: Проблемы семантики // Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983. С. 13.

⁸ См.: Степанов Ю. С. К универсальной классификации предикатов // Изв. АН СССР. 1980. Т. 39. № 4. С. 313. (Серия лит-ры и языка).

⁹ Апресян Ю. Д. Принципы описания значения грамем // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985. С. 62.

¹⁰ Львов Л. А. Семантико-синтаксические типы формально непереходных глаголов в современном английском языке // Структура и функция синтаксических единиц в германских языках. Горький, 1983. С. 76.

¹¹ Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981. С. 44.

¹² Термин «импликационал» заимствован у М. В. Никитина. См.: Ни-

житин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974. С. 34—37.

¹³ Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 232.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Индекс обозначает порядковый номер лексемы в глагольной вокабуле словаря.

¹⁶ Жолобов С. И. Семантика и функционирование английских глаголов, обозначающих определенно-направленное перемещение в пространстве: Дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1983. С. 56.

¹⁷ Leech G. N. Semantics. Harmondsworth, 1976. P. 292; Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969. С. 6.

¹⁸ Апресян Ю. Д. Об экспериментальном толковом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 1968. № 5. С. 37.

¹⁹ Храковский В. С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974. С. 5.

Т. А. Знаменская
(Свердловск)

ВЫРАЖЕНИЕ МОДАЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЕЙ

Как известно, отношение содержания высказывания к действительности через понятия реального и нереального осуществляется в языке посредством категории модальности. Для выражения этих значений существуют готовые языковые формы, используемые говорящими, в частности это формы наклонения глагола — изъявительное и сослагательное. Однако, кроме отношения содержания предложения к действительности, высказывание очень часто отражает отношение говорящего к содержанию высказывания. Разговорная речь необычайно богата разнообразными вариантами языковых форм для выражения эмоционально-оценочных значений, вносимых автором высказывания. Эти значения входят в модальные характеристики предложения, но их особенность в том, что они в отличие от модальности действительности и нереальности не являются обязательными для каждого предложения. В ряде работ эти виды модальности получили название объективной (обязательной) и субъективной (необязательной)¹. При этом субъективная модальность может накладываться на предложения с объективной модальностью реальности и нереальности.

Субъективная модальность может выражаться средствами самых различных уровней языковой структуры — фонетически с помощью интонации, фразового ударения и т. п., лексически — модальными словами и частицами типа *certainly, probably, hardly, alas, allegedly* и др., грамматически с помощью глаголов *may, must, can, shall, will* и др., а также включением в предложение целых модальных фраз типа *It is necessary, there is no doubt* и пр.

Очень часто предложение совмещает средства двух или более уровней — интонацию и модальные слова или глаголы

и т. д. Все эти способы выражения модальных значений достаточно исследованы и описаны. Целью данной статьи является анализ почти не описанного способа выражения субъективной модальности на синтаксическом уровне, когда в образовании модального значения предложения принимают участие не отдельные его элементы, а вся синтаксическая модель в целом. Это предложения типа *That this should happen in my nursing home!* (Christie)². Необходимо отметить, что это не единственная модель, выражающая субъективную модальность всей синтаксической структурой. Разнообразную гамму субъективных модальных значений (желательность, невероятность, удивление и пр.) передают такие конструкции, как *Him a doctor!*; *If only I could help you*; *To think that I could trust you*; *If it isn't raining!* Изучение семантики и структуры каждой из этих моделей может стать предметом самостоятельного исследования в рамках теории модальности.

Является ли это модальное значение одним из значений формы «should+инфинитив», традиционно обслуживающей сослагательное наклонение в английском языке? Чтобы ответить на этот вопрос и решить, можно ли выделить эти предложения в особый синтаксический способ выражения субъективной модальности всей структурной моделью предложения, мы должны сопоставить их с теми предложениями, где форма «should+инфинитив» является морфологическим вариантом сослагательного наклонения, и определить семантическое наполнение этой формы в каждом случае.

Прежде чем перейти к такому сопоставлению, остановимся более подробно на значениях формы «should+инфинитив» как ее трактуют лингвисты. На модальный характер этого сочетания благодаря участию в нем глагола *should*, который сохраняет хотя бы частично значение долженствования во многих конструкциях, обращали внимание многие ученые. О. Есперсен отмечает, что *should* может выражать удивление или другое эмоциональное отношение говорящего к высказанной мысли: возмущение, радость, приятные или неприятные чувства. Предложения, подобные исследуемым нами (*That my father should be so very silly*), он относит к восклицательным, демонстрирующим так называемый *aposeopsis*, когда под влиянием сильных эмоций говорящий опускает предваряющее это предложение выражение оценочного характера, которое содержит слова, конкретизирующие модальный тип оценки (например, *What a pity*)³. Б. А. Ильиш отмечает, что, кроме значения нереальности, присущего вспомогательному глаголу *should*, форма «should+инфинитив» может иметь такие оттенки модального значения возможности, как возможность условности, возможность в сочетании с целевой направленностью действия⁴. Кроме того, «should+инфинитив» со всеми лицами может означать оценку реального факта или действия.

Подробно рассматривает все возможные значения этого сочетания в своей работе по сослагательному наклонению в английском языке И. Б. Хлебникова⁵. Она отмечает такие особенности этого сочетания, как синтаксическая ограниченность предложениями определенных моделей, сочетание в пределах этих моделей с лексически ограниченным классом единиц, предворяющих это сочетание, а именно слов и выражений, имеющих модальную или эмоциональную направленность. Эти единицы она называет модальным индикатором. Сложное предложение состоит из двух обязательных частей: предворяющего модального индикатора как подчиняющего центра и дополнительного или подлежащего придаточного предложения, вводимого *that* и содержащего форму «*should*+инфинитив». Первая часть служит для экспликации модального отношения, выражаемого говорящим, вторая — описывает действие или факт, подлежащий оценке. Комментируя содержание этих моделей и компоненты значения сочетания «*should*+инфинитив» в различных подгруппах, указанных по сочетанию с модальным индикатором, И. Б. Хлебникова отмечает, что «чем в большей степени модальный индикатор выражает эмоции, чувства, состояние аффекта, тем чаще действие обозначает известный факт, действие осуществившееся, вполне реальное»⁶. Этот вывод очень существен для нашего исследования, поскольку предложения типа *God! that I shuld live to see this day* (Maurier) всегда означают реальный, свершившийся факт или событие в отличие от подчиненных придаточных, где «*should*+инфинитив» в большинстве случаев обладают семой нереальности, гипотетичности.

Проведенные исследования семантической структуры грамматических глагольных форм и форм наклонений на материале немецкого и английского языков дают возможность выявить семный состав интересующих нас моделей⁷. В трехмерной оппозиции «индикатив/императив/сослагательное наклонение (СН)» последнее противостоит двум первым по признаку «выраженная/невыраженная гипотетичность». Основным дифференциальным признаком СН является сема нереального предположения или гипотетичности.

Сравнивая семный состав морфологических форм в подчиненных предложениях и самостоятельных конструкциях, мы видим, что в исследуемой нами модели он отличается как по значениям гипотетичности (гипотетичность — достоверность), так и по временному признаку (будущность — прошедшее). Ср.: *It isn't right that you should walk*, Miller (Michener). Форма: СН, футурум. Семы: гипотетичность (возможность), будущность; *That it shoud come to this* (Jespersen). Семы: внутреннее отрицание (нежелание верить во что-то), прошедшее, достоверность.

В предложении *That it shoud come to this* имеется сема оценки события как нежелательного, сема эмоционального отрицания. Эта сема присутствует и в сложноподчиненном пред-

ложении It isn't right that you should walk, Miller, но выражена она в нем не сочетанием «should+инфинитив», а модальным индикатором главного предложения. Таким образом, предложения, вводимые that, употребленные самостоятельно, способны выражать субъективное модальное значение имплицитно, то есть всей синтаксической структурой.

При сопоставлении этих моделей с придаточными подчиненными получаем контрастный набор сем по значениям времени и наклонения. Кроме того, в самостоятельных предложениях есть сема, которая отсутствует в придаточных подчиненных. Основываясь на различиях в их значении, можно говорить об омонимии этих двух типов предложений. Для выявления их значения предложения можно подвергнуть тестам на субституцию и дистрибутивный анализ. Сему эмоционального отрицания можно ввести в лексический состав предложения, осуществив трансформацию на отрицание. При этом смысл предложения не меняется. Ср.: That you should deceive me (Murdoch). It isn't right (decent, good) that you should deceive me и т. д. Наоборот, при положительном модальном индикаторе в главной части придаточное и его синтаксический омоним имеют противоположный смысл, так как отрицание содержится в самой структуре омонима. Ср.: It is very natural that she should wish to meet her (Murdoch).→That she should wish to meet her!; It was only natural that he should be an addict (Cheever).→That he should be an addict!

Дистрибуция может создаваться контекстом в виде окружающих предложений, которые содержат в своем лексическом составе слово с негативным компонентом значения, то есть, по существу, дублирующим сему эмоционального отрицания эксплицитным способом, напр.: That you should want to be an Honorable. It does *not* really go with your character (Maurier); It seems *incredible* to me, M. Poirot, absolutely *incredible*. That a thing like that should happen in my nursing home! (Christie).

Необходимая дистрибуция может создаваться и другими средствами, например употреблением в одном контексте параллельно с рассматриваемыми предложениями других эмоциональных структур, значение которых тождественно данным предложениям и передается также грамматическими средствами, то есть имплицировано самой структурой предложения. В данном ниже примере это конструкция, названная О. Есперсеном «нексусом отклонения», то есть содержащая компоненты, связь между которыми отвергается как невозможная, а значение нексуса является отрицательным: That he should love her. That this was love! That he should be ripped open in this way! Him, a doctor! (Short story...).

Как уже отмечалось, самостоятельные предложения, вводимые that, выражают модальное значение, которое в сложноподчиненном предложении может быть выражено эксплицитно в

главной части. Однако не всякое сложноподчиненное предложение имеет значение, тождественное значению этой конструкции. Сложноподчиненными предложениями с аналогичным значением будут только предложения с модальной индикатором аффективной оценки действия, описываемого в придаточной части как реального, типа: *Isn't it strange, she said suddenly, that you should be remembering all these things now! (Baldwin); It's funny you should say that (Christie); But how odd that she should have left so suddenly (Howatch).*

Во всех этих случаях модальность всего предложения зависит от его главной части, придаточное предложение как таковое не выражает эмоциональной оценки события, в нем описываемого. Это подтверждается предложениями, в состав которых входит такое же по форме придаточное, но значение предложения не содержит сему внутреннего отрицания или неприятия факта, а, напротив, оценивает этот факт как положительный. Ср.: *It—it really makes me feel so grateful—that such things should be permitted... (Christie); It is very natural that she should wish to meet her and you should both be thankful that she will do so (Murdoch).*

Еще одним убедительным доказательством того, что предложения этой модели служат специальным способом выражения субъективной модальности как оценки реального события или факта как невероятного является параллельное употребление в данном значении форм изъявительного наклонения. Ср.: *That he should love her? That this was love! (Short Story ...); That we own all of this. That it actually belongs to us! (Op. cit.)* В этих предложениях формы индикатива (*belongs, was*) обладают семами, аналогичными предложениям с «*should+инфинитив*»: внутреннее отрицание, настоящее, достоверность.

Проведенный анализ предложений типа *That this should happen to her* и *That this belongs to us* позволяет сделать следующие выводы:

1. Предложения являются особым способом выражения субъективной модальности на синтаксическом уровне.

2. Сравнение их с омонимичными придаточными предложениями показывает различие в семантической структуре: модальность придаточного предложения полностью зависит от модальности главной части, независимая модель обладает самостоятельной модальной семантикой.

3. Основное семантическое отличие этой модели от омонимичных форм заключается в оценке говорящим реального события как невероятного, но имевшего место.

4. Предложения этого типа служат синтаксическим средством выражения субъективной модальности, которая накладывается на значение объективной модальности действительности.

5. Значение модальности не закреплено за каким-то отдельным элементом, а имплицитно входит в семантическую струк-

туру семантики предложения как самостоятельной модели.

На создание модального значения в этих предложениях работают и средства других уровней: восклицательная интонация и модальная частица *that*, интеграция которых в данной синтаксической модели создает необходимую степень эмоциональности высказывания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке: Труды института русского языка. М.; Л., 1950. Т. 2; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

² Здесь и далее использованы следующие английские источники: Baldwin J. Another country. L., 1973; Cheever J. Falconer. N. Y., 1977; Christie A. Dumb Witness. L., 1979; Eaden D. Peril at End House. N. Y., 1979; Howatch S. April's Grave. L., 1969; Maurier D. du. The Parasites. N. Y., 1965; Michener J. A. Caravans. 1974; Murdoch I. A. Severed Head. L., 1978; Short Story Masterpieces. N. Y., 1964.

³ Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part IV. Syntax. L., 1954. P. 338.

⁴ Ильиш Б. А. Структура современного английского языка. Л., 1971. С. 104—105.

⁵ Хлебникова И. Б. Сослагательное наклонение в английском языке. Калинин, 1971.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ См. указ. работы Б. А. Ильиша, И. Б. Хлебниковой, а также: Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.

Л. С. Донгаузер
(Свердловск)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИНТОНАЦИИ И СМЫСЛА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ РАЗЛИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

Изучение проблемы интонационного оформления предложения вызвано стремлением современных лингвистов к глубокому пониманию семантической стороны высказывания как единицы коммуникации. Интонация выступает одним из важнейших факторов коммуникации в результате тесной связи со структурным и смысловым содержанием предложения. Будучи автономным уровнем по своей структуре, фразовая интонация входит в число средств, создающих высказывание¹. В основе решения проблемы лежит лингвистический анализ различных синтаксических конструкций, существующих в языке, а также поиски возможных вариантов их интонационной интерпретации.

Материалом эксперимента, результаты которого приводятся в настоящей статье, послужили сложноподчиненные предложения с придаточным уступительным. На данном материале предполагалось исследовать степень влияния типа связи внутри сложноподчиненного предложения на длительность паузы как одного из интереснейших компонентов интонации, «наиболее

четко реагирующего на смысловые отношения между вычлененными единицами»². Под типом связи понимается союзная связь, бессоюзная и союзная с коррелятом в главном предложении.

Связь между двумя предложениями (главным и придаточным) сложноподчиненного комплекса, а также зависимость одного от другого может осуществляться различными языковыми средствами. К важнейшим из них относятся порядок слов и порядок следования предложений, союзы и союзные слова в придаточном и корреляты в главном³.

Союзы и союзные слова являются признаками подчиненности придаточного предложения, выражают характер связи между частями сложноподчиненного комплекса, с ликвидацией союза степень этой связи изменяется. В грамматическом отношении показателями подчиненности являются лишь порядок слов в главном предложении и корреляты. Основная роль в осуществлении связи в подобном случае принадлежит интонационным средствам. Такое явление принято в лингвистике называть компенсационным законом А. М. Пешковского, который формулируется следующим образом: «...чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое (тоже вплоть до полного исчезновения)»⁴.

Компенсационный закон А. М. Пешковского неоднократно проверялся в экспериментально-фонетических исследованиях, которые приводили к неоднозначным решениям. В связи с задачей данного эксперимента исходные предложения из учебников по грамматике немецкого языка Г. Хельбига, Й. Буша, В. Юнга были подвергнуты модификации: союзная связь: Wenn es auch, regnet er braucht keinen Schirm; бессоюзная связь: Regnet es auch, er braucht keinen Schirm; союзная связь+коррелят: Wenn es auch regnet, er braucht doch keinen Schirm.

Лексический состав предложений по возможности сохранялся либо допускалось частичное его изменение. Материал с одинаковым лексическим составом необходим не только в целях создания психологического фона контекстуальной обусловленности, при которой носитель языка «оценивает» разные модификации с точки зрения одинакового «данного» и разного «нового»⁵, но и в целях устранения влияния на интонацию разного рода речевых факторов, а также для обеспечения максимальной возможности для сопоставления предложений. В целях избежания наложений эмоционального плана подбирались короткие предложения, нейтральные по содержанию, вне контекста.

Материал эксперимента был предъявлен носителям языка для оценки его естественности и записан на магнитную ленту в произнесении трех дикторов. Общий объем исследования со-

ставили 120 предложений. С магнитных записей были сняты осциллограммы на осциллографе Н-102 со скоростью движения пленки 250 мм/с. Записанный материал был подвергнут слуховому и осциллографическому анализу. Достоверность результатов математических подсчетов определялась по критерию знака на пятипроцентном уровне значимости.

Результаты анализа показали, что в случаях с бессоюзной связью длительность паузы между главным и придаточным предложениями больше, чем с союзом. Соотношение данных средней длительности пауз на стыках можно представить в следующих цифрах: 4,30 (для бессоюзной связи) и 3,25 (для предложений с союзом). Таким образом, компенсационный принцип А. М. Пешковского находит здесь свое подтверждение.

На втором этапе исследования прослеживался характер влияния на длительность паузы коррелята в главном предложении. Сопоставления полученных результатов длительности пауз в предложениях с союзной связью и в предложениях с коррелятом показали, что в последнем случае средняя относительная длительность паузы больше (4,15), чем в первом (3,25). Следовательно, ожидаемого эффекта, а именно элиминации интонационных средств в результате введения дополнительного грамматического показателя (коррелята), не произошло.

Результаты исследования продемонстрировали интересную способность паузы своеобразно реагировать на разного рода смысловые изменения, вызванные синтаксическими преобразованиями предложения. В первом случае увеличение длительности паузы вследствие ликвидации союза в сложноподчиненном предложении есть показатель взаимокompенсации грамматических и интонационных средств⁶. Во втором случае появление коррелята обеспечивает смысловую соотнесенность частей сложноподчиненного комплекса, а также в значительной степени усиливает смысловое содержание всего синтаксического целого, что находит непосредственное отражение в интонационных характеристиках: особом акценте на корреляте и увеличении длительности паузы. Следует отметить, что паузы большей длительности в вариантах с бессоюзной и коррелятивной связью наблюдаются в предложениях как с пре-, так и с постпозицией главной части.

Таким образом, пауза как интонационное средство не только восполняет отсутствие грамматических средств, но и особым образом реагирует на смысловые изменения внутри сложного синтаксического целого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977. С. 70.

² Там же. С. 15.

³ Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык. М., 1957. С. 315.

⁴ Пешковский А. М. Интонация и грамматика. М., 1959. С. 181.

⁵ Интонация/Под ред. Ю. А. Жлуктенко, Л. Р. Зиндера. Киев, 1978. С. 153.

⁶ Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969. С. 125.

Г. Н. Наволоцкая
(Ярославль)

СООТНОШЕНИЕ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА И ПОНЯТИЕ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО МАРКЕРА

(на материале немецкого языка)

Язык, как известно, образует иерархическую систему. Эта система состоит из отдельных уровней, самый низкий из которых фонологический, высший — синтаксический. Границы между уровнями не фиксированы. В процессе развития и функционирования языка уровни взаимодействуют, поэтому возможно рассмотрение синтаксиса в непосредственной связи с морфологической системой языка. Одним из проявлений межуровневых связей являются комплексные способы выражения морфологических и синтаксических значений.

В морфологии грамматическая форма выступает отчетливо, в синтаксисе — в усложненном виде, часто опираясь на другие стороны языка. Морфологическая форма выступает в структуре самого слова, синтаксическая форма в ряде случаев выражается через морфологическую с опорой на семантику слова. Это не означает, что синтаксическая форма как таковая вообще отсутствует. Порядок слов, ритмико-интонационные средства, например, являются синтаксическими формами¹.

Рассмотрим морфологическую форму, особенно важную при типологическом исследовании языков. Сравним спряжение глагола в наст. вр. в немецком и английском языках:

ед. ч.	1 л.	I speak	ich spreche
	2 л.	You speak	du sprichst
	3 л.	He speaks	er spricht
мн. ч.	1 л.	We speak	wir sprechen
	2 л.	You speak	ihr sprecht
	3 л.	They speak	sie sprechen

Английский глагол speak имеет окончание -s лишь в 3 л. ед. ч., парадигма спряжения немецкого глагола sprechen намного выразительнее: каждое лицо в каждом из чисел за исключением 1 и 3 л. мн. ч., имеет свое окончание; кроме того, во 2 и 3 л. ед. ч. наблюдается внутренняя флексия (так называемое преломление).

Сочетание «личное местоимение + глагол в личной форме» относится в русском языке (при обязательном употреблении личного местоимения) к синтагматике глагольной формы лица², в

английском же и немецком это сочетание образует синтаксическую парадигму лица-числа. Таким образом, одни и те же грамматические значения выражаются в английском языке в основном синтаксической формой, в немецком большее значение имеет морфологическая форма (личные окончания) и фонологическое средство (внутренняя флексия).

Внутренней флексией называется выражение «грамматических отношений путем изменения звукового состава корня слова, в отличие от внешней флексии, которая характеризуется употреблением аффиксов»³. Внутренняя флексия представлена в виде изменения корневого гласного. Это явление распространено во многих языках (напр., в русском: *село* — *сѣла*, *петь* — *пѣю* и т. п.). В немецком языке внутренняя флексия служит для выражения многих грамматических категорий: для образования мн.ч. имен существительных (*Schrank* — *Schränke*, *Frucht* — *Früchte*, *Baum* — *Bäume*), для образования степеней сравнения имен прилагательных (*stark* — *stärker*, *kurz* — *kürzer*) и т. д.

В современном немецком языке внутренняя флексия не представляет цельной однородной системы. Она складывается в основном из трех явлений — аблаута, умлаута и преломления как разновидности умлаута. Известны случаи выражения морфологического значения исключительно при помощи внутренней флексии, напр.: *Vater* — *Väter*, *Tochter* — *Töchter*, *Bruder* — *Brüder*. Внутренняя флексия — это участие единиц фонологического уровня в выражении значений морфологического уровня. В. Б. Касевич, однако, относит к морфонологии лишь случаи типа *warm* — *wärme*, полагая, что только в этом варианте чередование носит сопроводительный характер, несмотря на то, что в других ситуациях оно не берет на себя основную функцию в выражении некоторого значения⁴. Варианты же типа *Bruder* — *Brüder*, *Kunst* — *Künste*, по мнению В. Б. Касевича, принадлежат морфологии.

Интерес к проблеме взаимодействия языковых уровней привел к введению понятия и термина «сложный (комплексный) маркер»⁵. Как отмечает М. М. Гухман, «на уровне анализа системы словоформ маркер является основным различительным признаком плана выражения, но по своей структуре он может быть простым, т. е. равняться одному морфу, и комплексным, т. е. равняться двум или нескольким морфам»⁶, напр.: *Tag-e* (простой маркер), *Gäst-e* (комплексный маркер: умлаут+е).

Подобные явления нередко целиком относят к грамматике. И действительно, здесь трудно провести четкую грань между фонетикой и морфологией. Это позволило выделить особый раздел — морфологию, изучающую все фонетические явления, характеризующие морфему и связанные с морфологическими, грамматическими категориями⁷.

Можно говорить не только о сложном морфологическом мар-

кере, но и сложном синтаксическом, а также ввести понятие сложного грамматического (морфологического и грамматического) маркера. Приведем примеры простых и сложных маркеров⁸.

Der Vater liebt den Sohn.— Der Sohn liebt den Vater. Субъектно-объектные отношения выражены дважды: при помощи порядка слов и падежей (сложный маркер). Ср. англ.: The father loves the son.— The son loves the father. Субъектно-объектные отношения выражены лишь при помощи порядка слов (простой маркер).

Du sprichst laut.— Sprich laut! Обе структуры различаются не только синтаксически и интонационно, но и морфологически, т. е. формой глагола (сложный маркер). Ср. англ.: You speak loudly.— Speak loudly! Эти структуры различаются лишь синтаксически и интонационно (простой маркер).

Du gehst.— Wir gehen. Идея лица и числа выражена и личными местоимениями, и окончаниями глаголов (сложный маркер). Ср. англ.: You go.— They go.

Der Hut des Vaters. Идея принадлежности выражена постпозицией и формой родительного падежа.

Ich gehe mit meinem Sohn spazieren. Идея совместности выражена предлогом и дательным падежом.

Nachdem die Sonne untergegangen war, gingen wir nach Hause. Предшествование выражается союзом и временной формой глагола.

Er spricht/spach laut und deutlich, damit alle ihn verstehen (verstehen können, verstehen könnten) /verstanden (verstanden, verstehen könnten). Вариативность морфологической структуры.

Примеры показывают, что синтаксическая форма образуется не только синтаксическими средствами, но при помощи сложного синтаксического маркера.

По аналогии с морфонологией можно говорить и о синтоморфологии, или морфосинтаксисе. Отмечается общая тенденция в синтоморфологии и морфологии, заключающаяся в постепенном устранении избыточности: распадается аблаут сильного глагола, сокращается количество падежей, а также морфологические средства побуждения. Многие новообразующиеся в немецком языке глаголы примыкают к более обширному классу слабых, а не сильных глаголов. На протяжении истории немецкого языка совершался переход глаголов из одного класса в другой. Большинство глаголов перешли из класса сильных глаголов в класс слабых (к сильным относились слабые в современном языке глаголы *fallen, schalten, spannen, bellen, hinken, schmerzen* и др.). В диалектах это явление распространено гораздо шире; такие глаголы, как *leiden, scheinen, schreien, liegen* и др., сильные в литературном языке, в некоторых диалектах перешли в разряд слабых. Значительно чаще, чем в литературном языке, в немецких диалектах устраняется умлаут, напри-

мер при образовании мн.ч. существительных: *der Wald — die Walder* (ср. лит. *die Wälder*).

Проблема сложных грамматических маркеров имеет непосредственное отношение к типологической характеристике языка и может быть рассмотрена в диахроническом плане: в процессе образования сложных грамматических маркеров единицы нижних уровней языка втягиваются в состав единиц высших уровней.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Адмони В. Г.* Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.

² *Пронина Т. А.* Грамматический статус категорий лица и числа в современных германских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

³ *Десницкая А. В.* Внутренняя флексия // Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. Л., 1935. С. 109.

⁴ *Касевич В. Б.* Морфонология. Л., 1986. С. 28.

⁵ *Гухман М. М.* Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.

⁶ Там же. С. 123.

⁷ См.: *Попов М. Б.* Проблемы исторической морфонологии и падение редуцированных гласных // Вестник ЛГУ. 1982. Вып. 3.

⁸ Примеры взяты из кн.: *Эйхбаум Г. Н., Парамонова И. П.* Простое и сложное предложение в немецком языке. Л., 1972.

Л. М. Минкин
(Харьков)

КОМПОЗИЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ, ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ГРАММАТИКА РЕЧИ

Стремление изучать язык не только как систему, но и как функцию¹, по существу, направлено на преодоление тенденции разделения языка и речи, которая развивалась в лингвистике со времен Ф. де Соссюра, хотя рассматриваемые в едином функциональном плане составляющие комплекса «язык — речь» сохраняют свою специфику. Функционально-семантические поля, объединяющие элементы разных ярусов языка и ориентированные в область речи, представляют собой один из способов существования этих элементов. Разноуровневые элементы в лингвистическом пространстве функционально-семантической категории (поля) связаны иными отношениями, чем в языковой системе.

В языковой грамматической системе также отражается функциональный способ группировки элементов, характеризующий их позиционные отношения в структурировании соответствующего уровня. Если исходить из допущения полной симметрии (соответствия) сторон знака в языковой системе, то основным признаком позиционного расположения элементов следует считать соответствие структуры и смысла знака². Центральную область занимают единицы с полным соответствием структуры и смысла, для периферийных элементов характерно

постоянное несоответствие структуры и смысла. В грамматической системе знаки объединяются по структурно-семантическому признаку. Инвариантные черты множества элементов одного уровня грамматической системы характеризуют их структуру и смысл.

Поскольку познание самой языковой системы затруднено, так как она не дана в прямом опыте, а лишь проявляется в речевых актах, определение элемента системы должно осуществляться прежде всего по его функции, т. е. как минимальной единицы, способной к относительно самостоятельной реализации заданной функции³. Такой элемент представляет собой неделимый компонент определенного уровня системы при данном способе его расчленения, а составляющие элемента — компоненты другого уровня (микросистемы). Так, самостоятельная функциональная единица — сложное предложение — образовано соединением двух или более предикативных частей, структурно, но не коммуникативно совпадающих с простыми предложениями. Последние же являются компонентами иерархически предшествующего уровня грамматической системы.

Если рассматривать сложное предложение как языковой знак, специфику которого составляют структурные и смысловые отношения между предикативными частями⁴, то можно выделить, например, конструкции французских сложносочиненных предложений, которые при сохранении структурного равноправия частей различаются в смысловом плане: *L'intention est très bonne, mais avons-nous le droit* (Giraudoux) (1). Приведенная повествовательно-вопросительная конструкция сложносочиненного предложения всегда передает в речи отношения смыслового равноправия. Напротив, побудительно-повествовательное предложение всегда передает отношения смысловой зависимости между предикативными частями: *Donne-moi le nom de ton copain et je te laisserai tranquille* (Laffitte) (2).

Наконец, ряд конструкций сложносочиненных предложений могут передавать в речи как отношения смысловой зависимости, так и смыслового равноправия, например повествовательные: *La porte s'ouvrit et deux garçons entrèrent* (Sartre) (3); *Il parlait et Nicole pleurait. Tout cela était prévu depuis longtemps* (Sagan) (4). Приведенные предложения отличаются разной степенью соответствия структурных и смысловых отношений между предикативными частями. В центре категории сочинения (на уровне сложного предложения) располагаются модели типа 1, 3, 4, на периферии — модели типа 2.

Потенциальные свойства типовых (системных) моделей сложносочиненного предложения, регламентирующие такие конструкции в речи, проявляются в структурном и смысловом аспектах. При этом для сложносочиненных предложений равным образом характерны потенциальная смысловая однозначность и многозначность (см. примеры). Элементы языковой системы

всегда однозначны (несмотря на возможную потенциальную однозначность и многозначность). Их системно-сигнификативное значение является обобщенным структурно оформленным в языковом знаке отображением денотативного значения. Противоречия, возникающие в языке в процессе категоризации, например лексического элемента, между его сигнификативным значением и сопряженными грамматическими категориями могут вызывать сужение парадигмы слова⁵. Так, в глаголах неполной парадигмы грамматические значения 1 и 2 несовместимы с семой «животное» или «неодушевленность». Отмечается уязвимость повелительного наклонения и несовместимость его грамматического значения с лексической семантикой целого ряда глаголов во многих языках⁶. Обращение же к функциональному плану показывает, что в речи действует несколько факторов, способствующих снятию неполноты глагольной парадигмы: расширение семантической структуры глагола, метафорическое употребление глагола и т. д.⁷ Несмотря на то, что такое восполнение парадигмы глагола не носит системного характера, но реализуется в функциональном плане, оно должно быть каталогизировано. Межуровневое лексико-грамматическое воздействие отличается от собственно речевой своей постоянностью. Оно основывается на типовых лексических значениях категоризируемой единицы и совместимых с ней грамматических категорий (значениях).

Рассмотрев в самом общем виде особенности объединения элементов в грамматической системе, можно отметить, что для нее характерны прежде всего структурные и смысловые связи элементов, а также соответствие структуры и смысла, определяющее позиционную группировку единиц⁸. Принятие языковой системой степени соответствия сторон знака отражают его функционирование в речи. Процесс межуровневого лексико-грамматического взаимодействия осуществляется в пределах системных значений. Функциональный план во многих случаях компенсирует отсутствующие в системе формы, и они становятся единицами грамматики речи.

В функционально-семантических категориях объединяются разноуровневые, а следовательно, и разноструктурные элементы на основе общего для них инвариантного семантического признака⁹. Структурный признак остается существенным для расположения элементов только в плане специализации формы в выражении инвариантного семантического содержания (в центре и на периферии). Функционально-семантическая категория может включать и элементы грамматики речи. В функционально-семантической категории элементы периферии грамматических категорий языковой системы распределяются иначе, так как они не входят в число средств выражения инвариантного значения соответствующей функционально-семантической категории. Так, системно-языковые периферийные структуры кате-

гории сочинения входят в состав функционально-семантического поля (категории) подчинения. В языковой грамматической системе в периферийной зоне одной категории начинается область другой категории. Так, между категориями утверждения и отрицания во французской грамматической системе находится категория ограничения, эксплицитно выражающая утверждение одного элемента и имплицитное отрицание других элементов однородного ряда¹⁰. В лингвистическом пространстве языковой системы моделируемые функционально-речевые элементы располагаются в семантическом континууме, где одни семантические признаки непрерывно переходят в другие (от центра к периферии). В этом принципиальное различие объединения элементов в категориальном пространстве языковой системы и в соответствующем функционально-семантическом поле (категории).

Связь функционально-семантических категорий в общей зоне их пересечения осуществляется при взаимодействии семантических элементов разных полей для выражения инвариантного значения¹¹. Например, во французской грамматической системе пересекаются поля наклонения и времени. Расчлененная (индикатив) и нерасчлененная (сбужонктив) подсистема времен передает значение наклонения¹². Особые черты организации функционально-семантических категорий свидетельствуют, что эти категории (поля) не могут рассматриваться как продолжение системной организации языка, тем более, что функционально-семантические категории включают и элементы грамматики речи. Можно считать функционально-семантические категории способом организации элементов в системе грамматики речи. В свете современных представлений говорят о промежуточном характере лингвистики речи, которую помещают внутри языковой системы — между лингвистикой языка и лингвистикой текста¹³. При этом область лингвистики речи рассматривают, начиная с выказывания как коррелята предложения — единицы языковой системы. Целесообразно расширить границы лингвистики речи, разграничив два плана в грамматике речи: реально-функциональный и потенциально-функциональный. Последний объединяет, в частности, функционально-семантические категории (поля), особые построения, которые не могут быть сгруппированы по семантическому признаку, но представляют единицы грамматической структуры текста, например модели сверхфазовых единств, полипредикативные высказывания с номинативной частью и др.¹⁴ Определение содержания и границ лингвистической системы речи относится к числу проблем, заслуживающих специального изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1980. С. 5.

² Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 105; Минкин Л. М. К вопросу о многоаспектности предложения и композиции языковой синтаксической системы // Иностранные языки в школе. 1980. № 4. С. 17.

³ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978. С. 185.

⁴ Колосова Т. А. Семантические отношения в сложных предложениях // Филологические науки. 1972. № 5.

⁵ Г. Гийом считает, что в динамике языковой системы происходит постоянная «материализация» семантической единицы, ее грамматическое оформление. Разные ступени субстантивации, адъективации и т. д. отображают, по сути, воздействие лексических и грамматических значений. См.: *Principes de linguistique théorique de Gustave Guillaume. Recueil de textes inédits.* Paris; Québec, 1973. P. 215, 224.

⁶ Максенко И. А. Глаголы с неполной парадигмой в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. С. 4.

⁷ Там же. С. 9—15.

⁸ По мнению Г. Гийома, язык — это прежде всего система позиций. См.: *Guillaume G. Langage et science du langage.* Paris; Québec 1969. P. 119.

⁹ Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984. С. 21—26.

¹⁰ Минкин Л. М., Расулева С. В. К соотношению категорий утверждения, отрицания и ограничения в современном французском языке // Вопросы общего и романо-германского языкознания: Тез. докл. Уфа, 1964. Вып. 3.

¹¹ Бондарко А. В. Указ. соч. С. 24—25.

¹² Реферовская Е. А., Васильева А. К. Теоретическая грамматика современного французского языка. М., 1962. Ч. 1. С. 225—228.

¹³ Слюсарева Н. А. Лингвистика речи и лингвистика текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. С. 33.

¹⁴ Полевая структуризация элементов в языковой системе характерна для позиционной лингвистики Г. Гийома. См.: *Guillaume G. La langue est-elle ou n'est-elle pas un système?* // *Guillaume G. Langage et science du langage.* Paris; Québec, 1969. О трактовке термина «поле» в лингвистических исследованиях см.: Шур Г. С. Теории поля в лингвистике. М., 1974.

М. В. Лукичева
(Москва)

МЕЖУРОВНЕВАЯ СИНОНИМИЯ РАЗГОВОРНОГО И НЕЙТРАЛЬНОГО

Синонимия в широком смысле является общеязыковым, а не только лексическим свойством, обеспечивающим возможность передачи одного и того же содержания разными средствами. Средства эти могут быть как единицами одного уровня языковой структуры, так и разных, главное, что семантическая сумма высказывания при его трансформации остается одинаковой¹. Итак, селективную потребность языка могут удовлетворить единицы: а) одного уровня (или подуровня): *Aktenwurm* — *Archivar* (слово — слово), *zweibeiniges Lexikon* — *ausländische Freundin* (словосочетание — словосочетание) — одноуровневые синонимы; б) разных уровней (и подуровней): *die Zunge spazieren führen* — *ausplaudern* (словосочетание — слово), *das läßt tief blicken* — *Dekolleté* (предложение — слово) — разноуровневые синонимы².

Переключение с одного уровня на другой происходит в обоих направлениях: с элементарных на более сложные и наоборот.

Для разговорной речи характерна максимальная разгрузка синтаксиса и перенесение центра тяжести на низшие уровни, вплоть до фонологического (интонация). Не исключено и участие в передаче части информации паралингвистических, в том числе кинетических, средств. Это касается, в первую очередь, волюнтаривной и оценочной, эмотивной и экспрессивной частей смысла. С упрощением (сокращением) формы усложняется само значение, увеличивается семантическая плотность единицы плана выражения: *Retortenbaby — durch künstliche Befruchtung entstandenes Kind*; *Ratenschreck — Mensch, der die auf Abzahlung gekauften Waren weiterverkauft*; *abnabeln — zur Selbstständigkeit erziehen*. И наоборот: количественное усложнение (удлинение) формы высказывания сопровождается упрощением (уменьшением объема) семантики каждой отдельной единицы. Значение как бы распределяется на все компоненты высказывания с разной степенью равномерности: *dem lieben Gott sein Reitpferd — Esel*; *einen schlauen Bauch haben — altklug sein*; *nicht für Geld und gute Worte — Ausdruck der Ablehnung*. Определенную роль в таких случаях играют фоновые знания коммуникантов, а также их компетентность в конкретной ситуации, отраженной речевым актом. Это делает возможным оперирование такими предложениями, как: *Он начал воевать еще до погон* [то есть до введения в Советской Армии погон в 1943 году]. *С Женевой у нас связаны большие надежды* [то есть с советско-американской встречей на высшем уровне в Женеве в ноябре 1985 года]. *После тетки Ирину не узнать* [после того, как Ирина провела летние каникулы в деревне у тетки].

Все традиционно выделяемые уровни (и подуровни) неоднородны в стилистическом плане. В синонимической трансформации высказывания могут принимать участие как стилистически однородные единицы: *Arbeit — Tätigkeit*; *Plackerei — Schuftelei — Ochsentour* — внутрителивая синонимия, так и стилистически разнородные: *Motorbraut — Automitfahrerin*; *Tretomobil — Fahrrad* — межстилевая синонимия. Ограничимся рассмотрением двух сфер: нейтральной и разговорной, понимая под последней, вслед за В. Д. Девкиным, все, отступающее от определенного культурного стандарта, часто сниженное, воспринимаемое таковым носителями языка и зафиксированное с соответствующими пометами в словарях³.

Расположим, как это и принято, уровни (и подуровни) языка один над другим: А, Б, В, Г (см. рис.). Разделим каждый из них по горизонтали на две стилистические сферы: нейтральную (левую) и разговорную (правую), обозначив разговорные единицы всех уровней строчными буквами: а, б, в, г. Знак п введен для обозначения второго, третьего, п-го члена синонимического ряда. Между единицами наблюдаются следующие типы синонимических корреляций:

Уровни	Стили	
	нейтральные	разговорные
Предложение	$A \rightleftarrows A_n$	$a \rightleftarrows a_n$
Словосочетание	$B \rightleftarrows B_n$	$b \rightleftarrows b_n$
Слово	$B \rightleftarrows B_n$	$b \rightleftarrows b_n$
Морфема	$\Gamma \rightleftarrows \Gamma_n$	$z \rightleftarrows z_n$

1. $A - A_n, B - B_n, \dots$ — одноуровневая внутрестилевая синонимия нейтральных единиц.

2. $a - a_n, b - b_n, \dots$ — одноуровневая внутрестилевая синонимия разговорных единиц.

3. $A - a, B - b, \dots$ — одноуровневая межстилевая синонимия.

4. $A - B, B - A, A - B, \dots$ — разноуровневая внутрестилевая синонимия нейтральных единиц.

5. $a - b, b - v, a - v, \dots$ — разноуровневая внутрестилевая синонимия разговорных единиц.

6. $A - b, B - a, A - v, \dots$ — разноуровневая межстилевая синонимия.

Последняя группа является своеобразной диагональной синонимией. Языковой материал дает примеры межстилевой синонимии как смежных уровней ($b - B$: automatisches Zählwerk — Adamsapfel; $v - B$: Tanz — militärischer Angriff; $b - A$: elftes Gebot — Laß dich nicht ertappen; $r - B$: Bomben-, Mords-, Affen- — sehr, außerordentlich), так и дистанционно расположенных, несмежных уровней ($a - B$: das Gänseblümchen wird entblättert — Biologieunterricht; $r - B$: -muffel — Mensch, der entgegen der Mode oder dem Fortschritt am Hergebrachten festhält; $v - A$: eins a, Klasse, fetzt — es ist ausgezeichnet. Боратая палитра синонимии разговорного и нейтрального объясняется различиями в объеме их значений и многообразными возможностями их языкового оформления.

Объем значения разговорного слова может быть меньше объема значения нейтрального: Ding, Sache, Zeug, Mist. Это количественно небольшая группа слов размытой семантики, к которым говорящие прибегают, забыв точное наименование объекта. Во многих случаях точное наименование вообще избыточно, понятно из ситуации или второстепенно⁴. Такие разговорные единицы принято называть диффузами. Они потенци-

ально синонимичны многочисленным нейтральным словам, обозначающим представителей самых различных классов денотатов. Их нейтральные синонимы — слова более частного, конкретного значения. К диффузам примыкают слова-морфемы, серийно образующие по определенным моделям целые ряды коллоквиальных единиц, напр.: *Bombenrolle*, -durst, -idee, -sensation, -erfolg; *Affenfahrt*, -geschwindigkeit, -zahn; *Sexschlange*, -sirene, -rolle, -kanone, -haubitze; *Kummerkasten*, Mecker-, Pflaster-, Flimmer-, Guck-; *Giftbude*, Kultur-, Bruch-, Kletter-; *Eintagszahn*, Auspuff-, Stamm-, Steil-, Knatter-, Wackel-; *Mordsdurst*, -eifer, -erfolg, -appetit, -ärger, -kerl. Разговорные диффузы и их нейтральные корреляты — всегда одноуровневые синонимы.

Объемы значений разговорного и нейтрального могут быть равны. Разговорное вторично называется то, что уже названо нейтральными средствами. Его функция — характеристика, оценка именуемого, передача связанных с ним эмоций или усиление выразительности. Экспрессивное значение у него доминирует над денотативным. Т. М. Беляева и В. А. Хомяков называют такие коллоквиализмы аналогами⁵. Как правило, они одноуровневые, хотя встречаются и разноуровневые. Эти слова подчеркивают степень, уровень какого-либо качества, напр.: *blutiger Anfänger* (см. также перечисленные выше слова с компонентами *Mords-*, *Bomben-*, *Affen-*). Среди одноуровневых аналогов выделяется группа однокоренных, когда вся нейтральная единица или ее корень входит в структуру коллоквиализма на правах компонента: *Kicheralter* — *Backfischalter*; *Mondscheinschnitte*, *Zeitungsschnitte* — *dünne Brotschnitte*; *Henkersmahlzeit* — *letzte Mahlzeit vor der Abreise*; *Meckerbuch* — *Beschwerdebuch*; *Filmrolle* — *Abortpapierrolle* (в последнем примере обыгрывается омонимия слова *Rolle*).

Во многих случаях нейтральное и разговорное при денотативной идентичности могут быть охарактеризованы как коннотативные гипонимы и гиперонимы, вплоть до коннотативной антонимии: *Gesicht* — *Fresse*; *Fernseher* — *Glötzophon*. Примеры разнокоренных аналогов: *Blechkuh* — *Büchsenmilch*; *Gehirnathlet*, -akrobat — *Denker*; *Lausoleum* — *Entwesungsanstalt*; *Danebenrater* — *Fehlratender*; *Wohnschrank* — *Einzimmerwohnung*; *Giftbude* — *Apotheke*; *schicke Schickse* — *elegante Dame*. У некоторых аналогов сохраняется словообразовательная модель нейтрального, подкрепляемая теми же аффиксами: *Entbräunung* — *Entnazifizierung*; *abbohren*, *abluchsen*, *abfetzen*, *abhauen*, *abspicken*, *abschmieren* — *vom Mitschüler abschreiben*.

Однокоренное родство или идентичная структура сопутствуют нередко созданию аналогичных разговорных словосочетаний: *auf jeden (keinen) Käse* — *auf jeden (keinen) Fall*; *guten Hunger* — *guten Appetit*; *unter uns Pastorentöchtern* — *unter uns Eingeweihten*; *ehrliche Haut* — *ehrlicher Mensch*. Несколько примеров разноструктурных и разнокоренных предложений и слово-

сочетаний-аналогов: die Wände begießen — den Einzug in die neue Wohnung fröhlich feiern; am Drücker bleiben — seinen Einfluß beibehalten; die Liebe geht durch den Wagen — der Autobesitzer hat eher Liebesansichten, als der Mann ohne Auto; die Unterwäsche guckt heraus — der Autoreifen ist stark abgenutzt; es hat gefunkt (geknallt, geschnackelt) — es hat eine erregte Auseinandersetzung gegeben. Среди разноуровневых синонимов встречаются как случаи упрощения, так и усложнения формы нейтрального. Упрощение: aufreißen — Bekanntschaft mit jm schließen; spicken — ins Fenster blicken; Bruchbude — abbruchreifer Bau; feuchter Abend — Abend mit reichlichem Alkoholverzehr. Усложнение: seine Batterie aufladen — sich erholen, Thema Eins — Erotik; fünfte Jahreszeit — Fasching; sich ein Ding abknöpfen — sich abmühen; Firma Klemm und Lange — Diebischsein. Думается, небезосновательно и выделение аналогичных описаний. Это те случаи, когда ни в разговорном, ни в нейтральном инвентаре нет номенклатурного наименования соответствующего объекта: Manager der Liebe — Besitzer eines Absteigehotels; aus der Faust essen — ohne Gabel und Messer essen; der Amtsschimmel trabt — bürokratische Engherzigkeit macht sich geltend; heißer Empfang — Empfang mit Demonstrationen; bevölkerungspolitischer Blindgänger — Ehemann ohne Nachkommen. Все разновидности аналогов выполняют, в первую очередь, перифрастическую функцию.

Свойственная аналогам равнообъемность значений встречается реже, чем кажется на первый взгляд. Язык в силу своей экономности, а человек из-за ограниченных возможностей памяти избегают дублетов. И если появляется новое имя для уже названного (нейтрального), то оно стремится закрепить за собой помимо стилистической информации чисто семантическую индивидуальность, которая явилась бы языковой фиксацией какой-то одной из множества возможных разновидностей определенного класса однородных денотатов. Это, по В. А. Хомякову, универбы — разговорные единицы, объем значения которых больше объема значения нейтрального⁶. Они отличаются от своих нейтральных коррелятов как стилистическими, так и нестилистическими (собственно семантическими, даже денотативными) моментами. Это всегда разноуровневые единицы, так как адекватная передача содержания коллоквиализма нейтральными средствами требует как минимум словосочетания: Asphaltblase — kleines Auto; die Abkoche — Lokal mit überhöhten Preisen; schlabbern — geräuschvoll essen; Tröster — Daumen des Säuglings; Knochenbrecher — Fahrzeug ohne Gummibereifung; Maskenball — Exerzieren mit Gasmaske; mogeln — empfangnisverhütende Mittel verwenden; anheizen — einen Erfolg anbahnen. Такие коллоквиальные единицы относятся к нейтральным соответствиям как частное к общему, видовое к родовому: Pferdekur — Erholungsreise zu Pferde; Retourkutsche — Erwidderung

mit ähnlichen Worten; Festivalitis — übertriebenes Bestreben, Festspiele zu veranstalten; Budenzauber — ausgelassenes Fest in der Wohnung; Mulus — noch nicht immatrikulierter Abiturient. Среди них встречаются универбы, этимологически родственные нейтральным коррелятам: auto(fahrer)chinesisch — Kraftfahrersprache; Entwarnungsfrisur — hochgekämmte Frisur; Schmalsspura-kademiiker — nicht vollwertiger Akademiker; Bekleidungsstrand — Strand für Nicht-Nacktbadende; Etuikleid — enganliegendes Kleid.

Разговорные универбы всем своим значением, а не только его коннотативной частью, являются гипонимами относительно нейтрального гиперонима. Разновидность универбов — однословные имена раздельнооформленных нейтральных эквивалентов. Весь комплекс информации как бы стягивается в одно слово, образуемое на базе основного, ключевого элемента расчлененного наименования: Zubringer — Bus, der Fluggäste zum Flugzeug befördert; Besatzer — Besatzungssoldat; fenstern — durch das offene Fenster einbrechen; buttern — Butterbrote essen; fachsimpeln — ein Fachgespräch führen; ehapaaren — trügerisch als Ehepaar ausgehen; Azubis — die Auszubildeten (Schüler und Studenten). Таких слов много и в русском языке: *проворонить, насобачиться, околпачить, поливалка, электричка* и др. Разговорные универбы возникают из потребности назвать что-либо по его индивидуальному признаку. При этом не всегда есть коллоквиальное обозначение для объекта, не имеющего этого признака или обладающего противоположным признаком. Например, есть слово *der Pantoffelheld*, обозначающее безвольного, полностью подчиняющегося жене мужа, «подкаблучника», но нет специального обозначения мужа, не обладающего такой особенностью или характеризующегося противоположным образом. Думается, что для обозначения «нормального», а также властного по отношению к жене мужа будет употреблено нейтральное слово *Ehemann*. Таким образом, *Ehemann*, с одной стороны, является нейтральным гипонимом разговорного *Pantoffelheld* и доминантой соответствующего синонимического ряда, а с другой — заполняет лакуну его разговорного противочлена — гипонима по качеству «главенствующая роль в семье». Потенциально данная лакуна может быть окказионально заполнена, если в речевом акте возникнет потребность в подобной номинации.

Номинативная потребность вызывает к жизни окказиональные единицы, вмещающие в себя целый комплекс смысла, понятный коммуникантам из ситуации, поэтому в разговорной речи распространены такие «тяжелые» слова, концентрирующие в себе семантическую сумму целого предложения или ситуации: Theaterklasse — Schulklasse, die ins Theater geht; Kartoffelsitzung — eine Sitzung, in der Kartoffelversand zur Debatte steht; Sexport-Artikel — Filmschauspieler(in) mit schwellenden Körper-

formen auf Auslandsreise. При стабильности, повторяемости подобных единиц они приобретают словарный статус: **abstinken** — in einer Wolke von Parfüm davongehen; **Zuckerwasserabitur** — Abschlußprüfung, die nur zum Studium an der Pädagogischen Hochschule berechtigt; **Kinderklau** — Fabrikant, der unter den Schulpflichtigen Arbeitskräfte anwirbt; **Stammtischlöwe** — Ehemann, der sich am Stammtisch energisch ausgibt, aber sich daheim von der Frau beherrschen läßt.

Особое место среди конденсатов занимают единицы, называющие актуальные для носителей языка объекты окружающей действительности, не имеющие краткого однословного номенклатурного имени, которым было бы легко оперировать. Этот пробел, как правило, заполняется разговорными средствами: **Kummerkasten** — Briefkasten für Bittschreiben Hilfsbedürftiger; **Gummilins** — Photoobjektiv mit veränderlicher Brennweite; **Vergißmeinnicht** — Anschreibebuch mit Notizen über pflichtwidriges Verhalten; **Gehirnwäsche** — seelisch — geistige Umstimmung mit psychologischen Mitteln; **Gehirnakrobat** — Mitglied der Philosophischen Fakultät; **Drücker** — Zeitschriftenwerber, der von Tür zu Tür auf Kundenfang geht, **Pressevertriebsagent**; der **Crack** — einer, der in einem Wettbewerb die besten Chancen hat (**Trabcrack**, **Fußballcrack** **Rummenigge**, **Wimbledon-Crack** **Boris Becker**, **Achtelfinale -Crack**, **Ribblesdale-Rennen-Crack** «**Dish Dash**»). Семантическим процессам при создании подобных слов-конденсатов помогает часто «народная этимология», как бы проливающая свет на называемую особенность объекта: **Demokratur** — Demokratie mit diktatorischem Einschlag; **Bürgerkrieg** — Kampf des Bürgers gegen Behörden; **Kanäleon** — Besitzer eines Fernsehgerätes, mit dem er Sendungen auf mehreren Kanälen empfangen kann; **guckofonieren** — durchs Fenster Nachrichten übermitteln; **Bilanzelot** — Fachmann für doppelte Buchführung; **Gg-Mädchen** — dummes, aber sinnliches Mädchen (**Cg** ist abgekürzt aus «geistlos» und «geil»).

Метаязык словарных толкований подобных конденсатов отличается подробностью, предельной прецизацией всех смысловых (в том числе неденотативных) оттенков, напр.: **Konservenchrist** — Christ, der seine Religion nur aus Zweckmäßigkeitsgründen bekennt; **Schlüsselarie** — Trick, mit dem Bild einer Filmschauspielerin und einem Schlüssel Fremden angelacht Zugang zu Mädchen zu verschaffen; **Stimmen-Leihanstalt** — Fernsehsendung, bei der die Schauspieler den Gesang mimen und Sänger, die nicht im Bild erscheinen, die Singstimmen singen; **Er-sie-es** — Wachbeamtin mit der Gestalt einer Frau, dem Benehmen eines Mannes und dem Gesicht eines Kindes.

Существование всех отмеченных разновидностей синонимии разговорного и нейтрального удовлетворяет обем взаимоположным тенденциям в развитии языка: тенденции к обобщению и стремлению к дифференциации. Они одновременно

фиксируют общее и частное, особенное у объектов окружающей человека действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гак В. Г. Структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971.

² В статье использованы словари: *Duden*. Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache: In 6 Bd./Hrsg. und bearb. von wiss. Rat und Mitarb. der Dudenred unter Leitung von G. Drosdowski. Mannheim; Wien; Zürich, 1976—1981; *Duden*. Sinn- und sachverwandte Wörter und Wendungen; In 10 Bd: Bearb. von W. Müller. Mannheim; Wien; Zürich, 1972. Bd 8; *Klappenbach Rh., Steinitz W.* Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: In 6 Bd. Berlin, 1961—1978; *Küpper H.* dtv-Wörterbuch der deutschen Alltagssprache: In 2 Bd. München, 1971; *Idem.* Hochdeutsch — Umgangssdeutsch. Gesamtwortverzeichnis: In 6 Bd. Hamburg, 1965. Bd 3; *Idem.* Illustriertes Lexikon der deutschen Umgangssprache: In 8 Bd. Stuttgart, 1982—1986.

³ Девкин В. Д. Проблемы немецкой разговорной речи (лексика и синтаксис): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1974.

⁴ Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка. Л., 1985.

⁵ Там же. С. 84—86.

⁶ Там же. С. 86—87.

Е. М. Андрашко
(Киев)

СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ЕДИНИЦА СИНТАКСИСА

Те языковые явления, которые включаются в поле словосочетания, в значительной мере изучены и описаны в грамматических исследованиях и общих трудах по грамматике. Комплексное же исследование и описание словосочетаний французского языка отсутствует. Темой статьи являются словосочетания с предлогом *sous* в качестве связующего элемента. Предлог *sous* употребляется в основном в глагольных словосочетаниях, поэтому описываются компоненты словосочетания, для которых характерна сочетаемость с предлогом *sous*, и анализируются функциональные значения предложной конструкции *sous+N*. Материалом послужили словари французского языка и некоторые произведения художественной, публицистической и общественно-политической литературы XIX—XX веков. Общий объем исследуемого материала 5000 глагольных словосочетаний типа *V+sous+N*. При всем разнообразии состава словосочетаний их структура может быть представлена следующим образом: главный член — средство связи — зависимый член. Изменение взаимоположения компонентов в некоторых типах словосочетаний не изменяет данной формулы. Предлог значительно теснее связан с зависимым членом словосочетания, чем с главным, поэтому при инвертивном порядке членов в препозицию к главному члену ставится предлог вместе с зависимым членом.

В роли главного члена словосочетания типа *V+sous+N*

выступают глаголы разнообразного семантического содержания и грамматической направленности. В роли зависимого члена выступает имя существительное или его эквивалент. Встречаются имена существительные самых различных лексико-грамматических категорий: собственные и нарицательные, конкретные и абстрактные, одушевленные и неодушевленные. Средством связи между этими двумя знаменательными компонентами выступает предлог *sous*. При наличии артикля предложная конструкция приобретает большую независимость и мобильность в предложении, что создает разнообразие ее позиционных и функциональных возможностей. Для определения диапазона лексической вариативности предложной конструкции как функционального синтаксического элемента имена существительные распределены нами по семантическим группам. Имена существительные, выступающие в роли членов предложной конструкции *sous*+N, могут обозначать и охватывать различные сферы жизнедеятельности.

Синтаксические связи предлога *sous* не ограничиваются именем существительным, как и всякий другой предлог, он может управлять и местоимением. Валентные связи предлога *sous* достаточно широки: управляемое слово может быть существительным или местоимением разных категорий.

Предложная конструкция *sous*+N может распространяться. В зависимости от позиции распространяющегося слова по отношению к предложной конструкции можно выделить два вида распространения: препозитивное и постпозитивное. В нашем материале выявлены такие структурные модели препозитивного распространения предложной конструкции: 1) *sous*+Adj.+N: *sous la continuelle menace* (Zola); 2) *sous*+déterminatif+N: a) *sous* +déterminatif possessif+N: *sous ses yeux* (Prévost); b) *sous*+déterminatif démonstratif+N: *sous ce poids* (Prévost); c) *sous*+déterminatif indéfini+N: *sous chaque coup* (Malraux); d) *sous*+déterminatif relatif — interrogatif+N: *sous quel aspect* (Héribat); 3) *sous*+Adj. num.+N: *sous trois formes* (Boer).

При постпозиции распространяющего слова предлог приближен к имени существительному. В этом случае наблюдается большая смысловая спаянность сочетания предлога с существительным, чем при препозитивном распространении. Выделены следующие модели постпозитивного распространения: 1) *sous*+(N+Adj.): *sous un azur parfait* (Gide); 2) *sous*+(N+N prép.): a) *sous*+(N+de+Ne): *sous le ciel d'Italie* (Fréville); b) *sous*+(N+à+N): *sous la bouilloire à thé* (Fernandez); c) *sous*+(N+en+N): *sous les cytises en fleurs* (France); d) *sous*+(N+sans+N): *sous la nuit sans étoiles* (Zola); 3) *sous*+(N+de+Inf): *sous le prétexte d'y travailler* (Bourget); 4) *sous*+(N+N): *sous le ciel couleur de rouille* (Zola); 5) *sous*+(N+prop. sub.): *Elle recommençait à s'attarder sous les caresses qui la faisaient rire* (Zola).

Конструктивные возможности препозитивного распространения предложной конструкции значительно ниже чем постпозитивного, что объясняется тяготением предлога к имени существительному и тенденцией к уменьшению объема предложной конструкции при препозитивном распространении. Вид артикля также влияет на распространение: имя существительное с определенным артиклем распространяется реже, чем с неопределенным артиклем, что обусловлено самой природой оппозиции *article défini* — *article indéfini*.

Предложная конструкция *sous*+N может выражать почти все виды обстоятельственных отношений: пространственные, временные, причины, способа действия, орудийно-инструментальные, условия, а также отношения подчиненности. Пространственное значение определяется как основное синтаксическое значение конструкции, что объясняется этимологией предлога *sous*. Все синтаксические функции его развиваются на основе этого, наиболее древнего значения: *Vous rappelez-vous, mon général, quand nous étions sous Metz* (France). *Là était une tombe sous un grand arbre* (Maurois). Под влиянием семантики слов, между которыми предлог устанавливал синтаксическую зависимость, он может служить для передачи временных отношений: ... *Il avait tour à tour été pair sous Louis XVIII, sous Charles X, sous Louis Philippe* et il était sénateur *sous Napoléon III* (Zola).

Предложная конструкция *sous*+N может иметь и значение способа действия, отвечая на вопрос «comment?»: *Je vois tout sous un jour nouveau* (France); *il est rare que nos crimes nous apparaissent sous l'aspect d'une enfant blessée à mort* (Mauriac).

Предложная конструкция *sous*+N может получать оттенки причинности: *Sous le vent mou de la nuit, l'air palpitait comme une eau* (Malraux). Употребляясь в орудийно-инструментальном значении, она указывает на средство, орудие, инструмент, при помощи которого совершается действие: *Qu'importaient les inconnus de la foule tombée en route, écrasés sous les roues!* (Zola).

Употребление предложной конструкции для выражения значения условия, как и для выражения орудийно-инструментальных отношений, встречается значительно реже. Условие, при котором возможно выполнение действия, раскрывается после предлога *de* или союза *que*: ...*il s'engageait, sous de certaines conditions de garantie, à retirer le corps de troupes français...* (Zola).

Предложная конструкция *sous*+N может иметь значение внутренней зависимости, подчиненности, обусловленное лексическим содержанием N, то есть конструкции в сочетании с существительными семантики типа: *direction* f, *protection* f, *autorité* f, *patronage* m, *présidence* f, *dépendance* f: *Il se trouvait encore sous la dépendance de sa mère* (Zola).

Обстоятельственная функция предложной конструкции *sous*+N способствует ее большой мобильности в предложении. Традиционным положением *sous*+N является постпозиция по отношению к предикативному узлу предложения: P+*sous*+N. При этом возможны следующие варианты: наиболее частотна контактная локализация, при которой *sous*+N следует непосредственно за предикативным узлом Pc+*sous*+N: *La Compagnie chancelait sous le coup terrible* (Zola); дистантная локализация, при которой между предикативным узлом и предложной конструкцией могут находиться какие-либо другие члены предложения: Pd+nⁿ+*sous*+N: *Elle se promène en robe noire sous la charmillle* (France).

Предложная конструкция *sous*+N может предшествовать предикативному узлу: *sous*+N+P или вклиниваться между двумя главными членами — S+*sous*+N+P: *Sous ce rayon direct, sous ce silence, je cessai mes questions* (Hérial). *Sous quel aspect faisait-elle sa connaissance!* (Hérial). Она может даже отделяться точкой, выходя за нормативную границу предложения и образуя самостоятельную синтагму. В этом случае мы наблюдаем явление сепаратизации, то есть крайнего обособления: *Sais-tu où tous les trois, je les ai retrouvés? A vingt pieds sous le sol...* (Benoit); *Vous m'enterrez dans le jardin. Sous le prunier du Japon* (Hérial). Эта мобильность предложной конструкции свидетельствует о ее относительной самостоятельности в предложении и о свойственной ей как обстоятельному члену тенденции к обособлению.

Таким образом, свободные глагольные словосочетания современного французского языка с предлогом *sous* встречаются в произведениях художественной литературы, в публицистике, научной и общественно-политической литературе, иначе говоря, почти во всех функциональных стилях языка. Предложная конструкция *sous*+N, выступая в синтаксической функции обстоятельства, может выражать следующие отношения: пространственные, временные, причины, способа действия, орудийно-инструментальные, условия, внутренней зависимости и подчиненности.

По отношению к предикативному узлу предложения эта предложная конструкция может находиться в постпозиции, в препозиции, а также вклиниваться в структурно-смысловое ядро предложения между подлежащим и сказуемым. Во всех случаях она может занимать дистантное положение вплоть до выхода за нормативную границу предложения и образования самостоятельной синтагмы. Размещение предложной конструкции перед главным членом, особенно в начале предложения, тесно связано с ослаблением синтаксических связей между компонентами словосочетания. Предложная конструкция превращается в слабоуправляемый детерминант, относящийся ко всему предложению в целом.

Статья затрагивает вопрос о словосочетании и предложении, о взаимоотношении между компонентами словосочетания и членами предложения, т. е. проблему связи лексики и грамматики в языке. Справедливо, что «в речи создается сложный клубок взаимодействия различных языковых единиц: лексических, морфологических и синтаксических»¹ и что «семантические различия и тождества до некоторой степени отражаются в синтаксических различиях и тождествах»². В разных сферах языка связь лексики и грамматики различна. В области словосочетания и предложения отношения между лексикой и грамматикой наиболее отчетливы.

Природа и сущность словосочетаний раскрывается в связи с синтаксической структурой предложения, ибо только в предложении лексика становится средством коммуникации. Словосочетания выделяются на основе семантико-синтаксических связей, существующих в предложении. Это, естественно, вызывает вопрос о соотношении членов предложения и частей словосочетания. С одной стороны, объединение членов предложения, например определения и определяемого, глагола-сказуемого и его дополнения, глагола-сказуемого и обстоятельства, дает словосочетания различного типа, с другой стороны, словосочетание может выступать в качестве одного из членов предложения, ибо известно, что «члены предложения — это синтаксические категории, возникающие в предложении и отражающие отношения между его частями. Сюда обычно относятся категории подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и обстоятельства... Живые, действенные члены предложения устанавливаются на основе анализа предложения и разграничения функций, которые несут слова и группы слов в строе предложения»³.

Изучение словосочетания должно вестись в его отношениях к выделяемым членам предложения. Это положение вызывается тем обстоятельством, что изменения, происходящие в структуре словосочетания, могут приводить к иному членению предложения и, следовательно, к изменению анализа его по членам предложения. Исторические изменения, происходящие в составе словосочетания, оказываются связанными с изменением структуры предложения. Например, превращение глагола-сказуемого и его прямого дополнения из словосочетания в устойчивую фразеологическую единицу, имевшее место в ряде случаев истории английского языка, привело в невозможности выделить дополнение в качестве отдельного члена предложения при некоторых глаголах и, следовательно, к иному членению предложения.

Превращение свободного словосочетания в устойчивую единицу происходит одновременно с изменением средств выражения синтаксической связи глагола-сказуемого и дополнения. Намечаются два основных пути, по которым может идти эволюция словосочетания: грамматизация — превращение словосочетания в аналитическую конструкцию и лексикализация — превращение словосочетания во фразеологическую единицу. Но эти изменения не являются просто изменениями внутри словосочетания, затрагивающими только данную синтаксическую единицу. В результате названных процессов происходит переразложение предложения. Вместо словосочетаний, состоящих из двух членов предложения, при лексикализации и грамматизации на их основе возникает один член предложения, выраженный фразеологической единицей или аналитической конструкцией⁴. Поэтому исторически такие фразеологические единицы современного английского языка, как *to take part*, *to take care* и т. д., в начальный период своего развития входят в область синтаксиса, а по результатам принадлежат к области фразеологии.

Метод трансформации для установления различий в семантических и синтаксических свойствах несвободных словосочетаний, как и всякий точный метод, помогает исключить субъективный подход к несвободным словосочетаниям. Рассмотрим некоторые типы словосочетаний: *to show the white feather*; *to give a laugh*; *to take place*; *to make a mistake*. Данные словосочетания классифицируются с точки зрения их трансформационных возможностей. Могут быть заданы следующие виды операций: 1) возможность или невозможность пассивных конструкций; 2) замена или подстановка артикля; 3) возможность расширения словосочетания с определением; 4) замена числа существительного словосочетания; 5) возможность постановки логического вопроса к членам словосочетания; 6) возможность замены одного из членов словосочетания синонимом.

Заданные виды трансформаций имеют неодинаковую релевантность для разных типов словосочетаний. Наличие нетождественного трансформационного потенциала для разных моделей определяет характер отношений внутри моделей в плане содержания, помогает установить степень идиоматичности рассматриваемых вариантов, а также различия в семантических и синтаксических свойствах сочетаний.

Возможность варьирования трансформаций обусловлена лексическим содержанием компонентов модели. Она зависит от семантических свойств компонентов словосочетания, от степени лексической опустошенности первого и второго компонентов. Несвободное словосочетание, в котором первый компонент выражен глаголом с широким лексическим значением, представляет собой более тесно спаянное сочетание, чем единица с первым компонентом — глаголом, менее лексически опустошенным.

Степень спаянности всего сочетания зависит и от характера второго компонента. Устойчивое сочетание со вторым компонентом, выраженным существительным и имеющим только связанное употребление, более тесно спаяно, чем единица, второй компонент которой — существительное, употребляемое в свободном синтаксическом сочетании.

Невозможность трансформационных преобразований обуславливает семантическую неделимость, которая отражается в синтаксической неразложимости сочетаний. И наоборот, словосочетания, отвечающие всем операциям, отличаются самостоятельностью элементов, а следовательно, разложимы и синтаксически.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б.* Современные синтаксические теории. М., 1963. С. 148.

² *Апресян Ю. Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963. С. 109.

³ *Виноградов В. В.* Идеалистические основы синтаксической системы проф. Пешковского // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 38.

⁴ См.: *Мещерякова М. П.* Пути формирования устойчивых словосочетаний типа «глагол+существительное» в английском языке // Семантико-системные отношения в языке. Свердловск, 1984.

В. П. Хабиров
(Свердловск)

СЛОЖНОЕ СЛОВО, СЛОВСОЧЕТАНИЕ ИЛИ ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС?

В настоящей статье определяются специфические для языков изолирующего типа комплексы, которые разными исследователями рассматриваются либо как сложные слова, т.е. принадлежащие уровню слов, либо как словосочетания (синтагмы), входящие в уровень словосочетаний. В языках данного типа отграничение сложных слов от структурно совпадающих с ними словосочетаний (синтагм) приобретает типологическую значимость, так как «типологические свойства любого языка наиболее полно выявляются в сфере слова»¹.

При решении вопроса о границах слова, сложного слова и словосочетания пользуются многими известными критериями. Из грамматических критериев можно отметить критерий цельноформленности, возможности вставки, использование данного сочетания морфем в качестве предложения, возможность самостоятельных синтаксических связей компонентов, т.е. критерий синтаксической валентности.

Критерий цельноформленности, который был выдвинут А. И. Смирницким², разработан на материале индоевропейских

языков и поэтому часто не может быть в полной мере применим по отношению к языкам изолирующего типа в силу особенностей их грамматики. Например, недостаточная морфологическая оформленность слова и ограниченность использования формообразовательных средств языка санго (ЦАР) ³ привели некоторых исследователей ⁴ к использованию в основном только весьма ненадежного семантического критерия при выделении сложного слова этого языка. Порядок следования компонентов в таких «сложных словах» совпадает с порядком следования компонентов в синтагмах. В плане выражения эти двукомпонентные образования не имеют каких-либо специфических особенностей, позволяющих противопоставить их словосочетаниям. Более того, к ним применим критерий возможности вставки, например *dà nzàrà* (дом|бога) — *dà tí nzàrà* (дом|детерминатив|бога) — «церковь», а также критерий синтаксической валентности. Компоненты этого образования имеют возможность вступать в самостоятельные синтаксические связи, напр.: *kòtā dà tí nzàrà* (большой|дом|детерминатив|бога) — «большая церковь». Это позволяет определить двукомпонентные образования в санго не как сложные слова, а как синтагмы: дополнительную (детерминативную) синтагму с непосредственным и опосредованным присоединением компонентов и определительную синтагму ⁵.

Дополнительная синтагма с непосредственным присоединением компонентов представляет собой сочетание двух имен с прямым порядком слов: дополняемое — дополнение, где второй компонент зависимый. Характер отношений между компонентами — отношение дополнительности (детерминации) или же относительного определения. В плане содержания дополнительная синтагма имеет одинаковое значение с относительными прилагательными русского языка, но второй компонент синтагмы не прилагательное (хотя и определение), а существительное. С помощью дополнительной синтагмы, в которой первым компонентом является слово *wà* — «человек», может обозначаться понятие деятеля и характеризоваться вид активности или состояния последнего: *wà zibà* (человек|слепоты) — «слепой». С помощью дополнительной синтагмы, где вторым компонентом — дополнением является слово *wáḽī* — «женщина, самка», *kóḽī* — «мужчина, самец», образуется понятие, выражающее принадлежность первого компонента — дополняемого к определенному полу, напр.: *mólèngé wáḽī* (ребенок|женщины, женский) — «девочка», *mólèngé kóḽī* (ребенок|мужчины, мужской) — «мальчик».

С помощью дополнительной синтагмы с обратным порядком слов, в которой первый зависимый компонент *wáḽī* — «самка», *kóḽī* — «самец», а второй — название животного, образуется

понятие, выражающее принадлежность животного к определенному полу: *wālī ngāsā* (самка|козы, козлияная) — «коза», *kōlī ngāsā* (самец|козы, козлиный) — «козел».

Дополнительная синтагма, в которой первым компонентом является слово *mōlēngē* — «ребенок, детеныш», передает понятие возраста, напр.: *mōlēngē bāgàrà* (детеныш|коровы) — «теленок», *mōlēngē ndàràmbà* (детеныш|кролика) — «крольчонок».

Дополнительная синтагма, в которой второй компонент представляет собой существительное *kété* — «малый (малое количество, малый размер)» или *kōtā* «большой (большое количество, большой размер)», служит для выражения некоторых терминов родства: *bàbá kōtā* (отец|большой/старший) — «старший брат отца», *bàbá kété* (отец|малый/младший) — «младший брат отца». По мнению некоторых исследователей, данные образования представляют собой сложные слова, так как, во-первых, они употребляются без детерминатива *tí*, а во-вторых, отличаются порядком следования элементов от существующих в санго образований, но имеющих несколько иной оттенок значения: *kōtā bàbá*, *kété bàbá*. Но в образованиях *bàbá kōtā*, *bàbá kété* и других возможна вставка служебного элемента — детерминатива *tí*: *bàbá tí kōtā*, *bàbá tí kété* без изменения значения. Это будет все та же дополнительная синтагма, только с опосредованным присоединением компонентов. Что касается нарушения порядка следования элементов (*bàbá kōtā*, *kōtā bàbá*), то слова *kōtā*, *kété* могут быть и существительными, и прилагательными. В случае с образованием *bàbá kōtā* компонент *kōtā* является существительным, а в образовании *kōtā bàbá kōtā* — прилагательным, определяемым как таковое по его позиции в определительной синтагме при распространении именных членов⁶; все образование, таким образом, будет определительной синтагмой. Никакого нарушения порядка следования компонентов здесь нет.

Первым компонентом в дополнительной синтагме может быть отглагольное существительное, образованное с помощью номинализирующего суффикса *-ngō* и обозначающее «факт действия». В дополнительной синтагме употребляется отглагольное существительное, образованное от процессных глаголов. Примерами дополнительной синтагмы такого рода могут быть следующие: *fāngō pāmà* (факт убийства|животного) — «охота», *sarāngō dà* (факт строительства|дома) — «строительство».

Вторым типом дополнительной синтагмы является синтагма с опосредованным присоединением компонентов с помощью генитивной частицы или детерминатива *tí*. Представляется воз-

возможным выделить следующие виды предметных отношений, существующих между компонентами дополнительной синтагмы. Это посессивность: *wālī tī m̀k̀k̀p̀zì* — «жена вождя»; происхождение: *k̀l̀l̀ tī Bangui* — «мужчина (из) Банги»; репрезентация: *f̀òt̀ò tī mbì* — «моя фотография (с моим изображением)»; материальная оценка предмета: *ng̀ tī k̀k̀k̀* — «барабан из дерева (деревянный)»; качественная оценка предмета: *ng̀ tī d̀* — «вода холода (холодная)», назначения: *t̀ tī ng̀* — «кастрюля для воды»; качественная оценка субъекта: *b̀b̀ tī k̀t̀* — «младший брат отца»; принадлежность субъекта к определенному классу людей: *z̀ tī k̀b̀l̀* — «человек болезни (больной)»; принадлежность субъекта к определенному полу: *ìt̀ tī wali* — «кровный родственник, относящийся к женскому полу, — сестра»; принадлежность субъекта к определенной профессии: *z̀ tī f̀ng̀ p̀m̀t̀* — «человек, имеющий отношение к убийству зверя, — охотник». Последний пример представляет собой сложную дополнительную синтагму, состоящую из двух частей. Дополняющее здесь — дополнительная синтагма с непосредственным присоединением компонентов (*f̀ng̀ p̀m̀t̀*) первый член которой — отглагольное существительное, обозначающее «факт действия», а дополняемое *z̀* — «человек», имеющее непосредственное отношение к этому действию.

Определительная синтагма — это именная синтаксическая конструкция, зависимый компонент которой относится к разряду прилагательных. Отличие дополнительной синтагмы от определительной состоит в том, что в дополнительной синтагме определение качества всегда относительно, например значение синтагмы *d̀ p̀z̀r̀* одновременно и «дом бога» и «дом божий» (значение детерминации-дополнительности). Если в этой синтагме «дом» определяется по отношению к богу, относительно бога, то в определительной синтагме *k̀t̀ d̀* — «большой дом», *p̀nd̀r̀ d̀* — «красивый дом» «дом» определяется относительно самого себя, абсолютно — «большой, красивый». Отсюда можно заключить, что *p̀z̀r̀* — «бог» в синтагме *d̀ p̀z̀r̀* — относительное определение к *d̀* — «дом», а *k̀t̀* — «большой», *p̀nd̀r̀* — «красивый» в синтагмах *k̀t̀ d̀, p̀nd̀r̀ d̀* — абсолютные качественные определения. Порядок следования элементов в определительной синтагме — «определяющее — определяемое»: *v̀k̀ l̀* (*черный|глаз*) — «зрачок глаза». Определяющим в определительной синтагме может быть и отглагольное существительное, образованное от квалификативных глаголов, например таких, как *z̀* — «быть острым», *d̀* — «быть холодным» и др.: *z̀ng̀ l̀* (*острое|лезвие*), *d̀ng̀ ng̀* (*холодная вода*). Следует заметить, что, очевидно, подобные же образования называют

в языках Юго-Восточной Азии лексическими комплексами, например в бирманском языке: *пхдах рабас' кхньум* (дом|показатель принадлежности|я) — «мой дом», обычно включая их все-таки в грамматику⁷.

В креольском языке ток-писин (неомеланезийский), возникшем на базе англоязычного пиджина, языком-источником которого является английский язык, образования типа *het bilong haus* (голова|показатель принадлежности|дома) — «крыша дома» трактуются как сложные слова, основным критерием отграничения их от грамматически омонимичных словосочетаний является их семантическая целостность⁸. Аргументом против трактовки образования *het bilong haus* как словосочетания является то, что слово *het* имело бы в таком случае «широкое и обобщенное словарное значение»⁹. Однако и в английском языке, являющемся источником пиджина, слово *head* имеет широкое значение; реализуемое в словосочетаниях, так же, как и в ток-писин.

Что касается языка санго, то основу его словосложения составляют слова, состоящие из двух компонентов. Сложные слова санго из трех компонентов представляют собой заимствования из этнического санго (языка-источника) с целью обогащения словарного запаса и большего сближения с языком-источником.

Сложные слова в санго можно подразделить на конструкции: а) асинтаксические и эндоцентрические; б) синтаксические и экзоцентрические. Данные параметры послужили критерием для разграничения сложных слов и словосочетаний (синтагм) в межэтническом санго. Синтаксическими конструкциями являются такие, в которых порядок следования компонентов совпадает с порядком слов в синтагмах. В асинтаксических конструкциях компоненты находятся в комбинациях, не характерных для синтаксиса данного языка. В отличие от эндоцентрической конструкции экзоцентрическая конструкция представляет собой сложное слово, принадлежащее к иному классу слов по сравнению с его центральным (опорным) элементом. Примерами двукомпонентных эндоцентрических и асинтаксических конструкций, образованных из словосочетаний (из предикативной синтагмы), являются следующие: *lá-kúí* (солнце|умирать) — «вечер»; *dà-gbì* (дом|гореть) — «пожарная машина».

Признаком цельнооформленности этих сложных слов является употребление второго компонента — глагола без обязательного для предикативной синтагмы элемента *à* (показатель подлежащего). Предикативными синтагмами, от которых произошли данные сложные слова, будут следующие: *dà à gbì* (дом|он|горит) — «дом горит»; *lá à kúí* (солнце|оно|умирает) — «солнце заходит».

Признаком цельнооформленности трехкомпонентных слож-

ных слов wà-míngǔ-wá (человек|гасить|огонь) — «пожарный», wà-māndāng-yé (человек|акт обучения|предмету) — «ученик» является употребление второго компонента — глагола без показателя подлежащего à (первый пример) и отсутствие детерминатива tí перед вторым компонентом (второй пример) — обязательного элемента дополнительной синтагмы межэтнического санго. Все эти образования с опорным компонентом wà представляются асинтаксическими, так как их структура не свойственна межэтническому санго. Они заимствованы из языка-источника и служат для номинации лиц по профессиональному или иному занятию.

Двукомпонентные сложные слова, представляющие собой синтаксические и экзоцентрические конструкции, называют предмет или лицо, предназначенные для выполнения действия, обозначенного первым компонентом-глаголом: bàtā-dà (хранить|дом) — «домосед»; bàtā-mè (хранить|грудь) — «бюстгальтер».

К сложным словам в санго можно отнести и частично идентифицированные слова, словообразовательную историю которых трудно объяснить, не прибегая к родственным языкам якома и нгбанди, например: kò-gàgà (мужское начало|родственники) (нгбанди) — «родственники мужского пола», wò-mbà (женское начало|человек, живущий рядом) (якома) — «сестра». Кроме терминов родства к частично идентифицированным словам можно отнести и некоторые другие: yā-nga (сердцевина|рот) (якома) — «рот»; pḁā — pḁḁḁḁ (утро|рассвет) (якома, нгбанди) — «утро».

Таким образом, самыми надежными критериями выделения сложных слов, их отграничение от других номинативных образований в языках изолирующего типа являются грамматические критерии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Солнцев В. М. Типологические свойства изолирующих языков. Языки Юго-Восточной Азии. Вопросы морфологии, фонетики и фонологии. М., 1970. С. 12.

² Смирницкий А. И. К вопросу о слове // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.

³ Хабиров В. П. Язык санго // Африка: Энциклопедический справочник: В 2 т. М., 1987.

⁴ Vouiquiaux L. Dictionnaire sango-français. P., 1978.

⁵ Хабиров В. П. Описание синтаксиса простого предложения языка санго // Всесоюзная конференция «Африка в 80-е годы: итоги и перспективы развития»: Тез. докл. и научн. сообщений. М., 1984.

⁶ Хабиров В. П. Классы слов в языке санго // Реализация языковых единиц в тексте. Свердловск, 1986.

⁷ Еловков Д. И. Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии. Л., 1977. С. 91.

⁸ Дьячков М. В., Леонтьев А. А., Торсуева Е. И. Язык ток-писин (неомеланезийский). М., 1981.

⁹ Там же. С. 38.

Понятие уровней, введенное американскими дескриптивистами, имеет разное толкование и употребляется в разных, зачастую противоречащих друг другу смыслах. Оно относится и к онтологии языка, и к описанию языковой системы, и к способу систематизации. Первоначально данное понятие использовалось при анализе неизвестных языков, в исследовании которых ученым приходилось идти от фонем к морфемам, а затем к предложениям. Методы анализа по уровням предписывали строгое разграничение и поэтапное движение вперед. В то же время разработка уровней дает представление об уровневой организации самого языка, т. е. уровни рассматриваются как свойство языковой системы, как одна из структурных характеристик этой системы — некая универсалия, общая для всех языковых категорий.

Однако в теории уровней не было четкости и обоснованности в выделении различных уровней языка, хотя многие лингвисты полагали, что «проблема уровней языковой системы является проблемой номер один современной лингвистики»¹.

Хорошо известно членение фактов языка на звуковые, фонетические, на лексику и грамматику, а внутри грамматики — выделение морфологии и синтаксиса. Можно полагать, что это были первые попытки стратификации системы языка, которые можно рассматривать как рядорасположение. Современные уровневые теории рассматривают уровни (ярусы) языка как иерархически зависимые структурные страты и предполагают соотношение высоких и низких субстанций или форм. Именно соотношение неравнозначных структур определяется термином «иерархичность». Сами иерархические отношения можно охарактеризовать как структуры «входящие» («входит в...» — для менее сложных языковых единиц) и «содержащие» («состоит из...» — для единиц более высокого уровня)².

Количество выделяемых уровней неодинаково у разных ученых. Советские языковеды выделяют пять уровней³. Э. Бенвенист выделяет четыре уровня: фонематический, меризматический (уровень дифференциальных признаков фонем), морфологический, категорематический⁴. Таким образом, уровни можно определить как подсистемы общей системы языка, которые переплетаются и через свои единицы связаны иерархическими отношениями. При функционировании вовлекаются все уровни языка. В наиболее общем виде уровень языка — упорядоченная совокупность относительно однородных единиц, которые вступают между собой в синтагматические и парадигматические отношения.

Возможно ли соединение широкого, «проблемного» толко-

вания уровневой теории с анализом узкого, конкретного материала разных языков? Приложение теоретических положений к анализу фактического материала в данном случае важно как для правильной оценки теоретических положений, так и для практики преподавания иностранного языка в вузе и в школе — известно, что практика питает теорию. Вместе с тем существует разрыв между сугубо научным толкованием слова и его употреблением в речи и словом в его практическом понимании как неотъемлемым элементом повседневной практики человеческого общения. Вопрос практического применения научных изысканий, в особенности в области лексики, является далеко не праздным, если принимать во внимание и тот факт, что в последние годы получили распространение идеи структуралистов, пренебрегающих диалектическим единством формы и содержания, о том, что значение слова — категория чисто экстралингвистическая, поэтому следует сосредоточить усилия исследователей на форме. Это положение не может не вызвать возражений. Проблема усложняется еще и отсутствием «единой общетеоретической основы, на фундаменте которой можно было бы разработать единую, строгую и достоверную методологию, т. е. такую совокупность методик исследования, которая обеспечила бы объективно надежные результаты»⁵. Поэтому перед исследователями языка проблемы значения слова, взаимосвязи компонентов значения в его структуре (при всем разнообразии научных подходов, терминологии и богатстве фактического материала) часто предстают как *terra incognita*.

Рассмотрим группу слов, обозначающих детали внешнего облика человека, отдельно взятое слово *face* в английском языке и его русский эквивалент *лицо*.

Сопоставительное изучение значений слов *face* и *лицо* показало, что они эквивалентны в основных значениях в силу сходной предметной соотнесенности. Однако в данном случае неясно, подвергается сопоставлению слово или его значение. Здесь есть некоторая непоследовательность. Поскольку семантические объемы разноязычных слов, сходных в отношении выражаемого ими основного понятия, не совпадают, обнаруживается своеобразное перекрещивание значений в системе разных языков, и исследователь, как правило, приходит к сопоставлению значений и употреблений. Вследствие более или менее непосредственной направленности на референт парадигматически закрепленные главные значения эквивалентных слов довольно точно совпадают. Различия семантических систем обнаруживаются, главным образом, при сопоставлении наиболее четко обусловленных синтагматических употреблений в речи.

Если при сопоставлении объемов семантических структур опираться на данные словарей, то можно выявить неожиданную, на первый взгляд, семантическую линию *лицо* \longleftrightarrow *nose*, которая раскрывается на уровне фразы *to count/to tell noses* —

сосчитать присутствующих лиц. В подобном же значении и в контексте to count/to tell heads, а также в контексте 50 dinners at two dollars a head (Hornby)⁶ можно проследить семантическую линию *лицо* ↔ *head*. На примере before smb's face — *перед носом у кого-либо* видна семантическая линия *face* ↔ *нос*: The wretch! The apostate! The false, mean, odious villain, has before my very face proposed to Mercy! (Bradbury). — *Негодяй, изменник, фальшивый, низкий, дрянной человек! У меня под самым носом сделал предложение Мерси!* На примере ФЕ to stare sb. in the face и to sb's face прослеживается семантическая линия *face* ↔ *глаза*, напр.: The truth, the unpalatable truth stared him in the face (Kunin). — *Ему пришлось смотреть в глаза истине, горькой истине.* По аналогии: from face to foot (уст.) *face* ↔ *голова*. С опорой на данные русского толкового словаря раскрывается семантическая связь *рот* ↔ *person*: *восемь ртов в семье, лишний рот в семье*⁷. Таким образом, семантические объемы расширяются и дополняются, и можно проследить принадлежность таких слов, как head, face, pose, mouth, eye etc. к одному семантическому полю, в основе которого лежит объединяющий признак, или «специфическая корреляция структурности»⁸.

Для того чтобы раскрыть полнее систему эквивалентности между двумя словами, нужно подвергнуть планомерному сопоставлению все речевые ситуации, контексты в двух языках. Только тогда можно получить полную и объективную картину взаимодействий единиц разных лексических разрядов и на основе анализа последних установить, например, что английскому существительному *face* эквивалентны не только русское слово *лицо*, но и значения этого слова — «выражение лица», «облик (обличье)», «гримаса», «наглость (нахальство)», «поверхность», «лицевая сторона», «честь» и т. д., напр.: Immediately his face altered, his eyes darkened. — *Мгновенно выражение его лица изменилось, глаза его потемнели.* The new houses have entirely changed the face of the neighbourhood (Bradbury). When he tried to kiss her, she made a little face at him and escaped by turning away (Kunin). — *Когда он сделал попытку поцеловать ее, она состроила легкую гримасу и отвернулась.*

Возможны также случаи эквивалентности английского существительного прилагательному в русском языке, напр.: *face value* — *номинальная стоимость*. Но эквивалентность не всегда покрывает все возможности перевода. Как отмечает Ю. Найда, «the statement of equivalences, whether in dictionaries or in translations, cannot be absolute...»⁹. Типовой перевод, являясь, несомненно, правильным, служит в то же время как бы отправным пунктом, толчком для дальнейших поисков слова, которым можно наиболее точно выразить не только значение слова в определенном контексте, но и его коннотации, стилистические нюансы, связанные с уровнем употребления слова. Кроме того,

в любом многозначном слове наблюдается определенная семантическая диффузность, затрудняющая расчленение значения, что в словарях отражается в произвольной дробности подачи материала и некоторой искусственности в его членении. Например, вычленение значения «выражение лица» (look, expression) может казаться надуманным, ибо любое из уже приведенных предложений можно перевести, используя русский эквивалент *лицо*. То же касается и словосочетаний *a face of a dying calf; a straight face: The father's sailing eyes came down and looked at his son's nervous, frowning face* (Prittchett). — *Отец посмотрел на нервное, хмурое лицо сына*; *He passed on with a blank face* (Maugham). — *С отрешенным лицом, он продолжал*, где русский эквивалент содержит значение «выражение лица».

Рассмотренные примеры наглядно подтверждают на конкретном языковом материале, что семантические системы двух языков не совпадают и не могут механически накладываться друг на друга, даже в случае «абсолютного» соотношения экстралингвистических объектов. Предложенный материал демонстрирует ограниченные возможности словаря: составители стремятся представить семантическую структуру слова вне текста, в отрыве от реальных его употреблений, с одной стороны, а с другой — стремятся показать семантическую структуру слова в результате его взаимодействия с другими элементами текста, в его конкретности, в речевых употреблениях. Дополнительные трудности создает метаязык толкования, т. е. способ, которым мы представляем содержание слова, как лексемы в языке, так и конкретной глоссы в тексте. Только исследование лексической сочетаемости позволит установить соотносимые ЛСВ в пределах семантических структур сравниваемых слов. Можно полагать, что ЛСВ эквивалентных слов являются в той или иной степени фразово-обусловленными; определить же лексический состав фразово-обусловленного варианта можно из общего тематического контекста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слюсарева Н. А. О некоторых проблемах иерархической организации языка // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 269.

² Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977. С. 85—89.

³ См.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. Гл. II; Звегинцев В. А. Семасиологический уровень языка // *Studii si cercetari lingvistice*. 1960. XI. N 3 и др.

⁴ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. Гл. X. С. 129—140.

⁵ Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974. С. 51.

⁶ Примеры взяты из следующих источников: *Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford University Press, 1980. P. 395; *Bradbury R. Fahrenheit 451*. М., 1983; *Kunin A. V. English-Russian Phraseological Dictionary*. 4th Edition. М., 1984. P. 259; *Prittchett V. S.*

The Fly in the Ointment. Fin-Openers. Short Stories. M., 1985. P. 49; *Maugham W. S.* Theatre. M., 1979. P. 237.

⁷ Словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова. М., 1970. С. 261.

⁸ Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969. С. 22.

⁹ Nida E. A. Language structure and translation. N. Y., 1975. P. 19.

А. А. Живоглядov
(Южно-Сахалинск)

МЕЖУРОВНЕВЫЕ СВЯЗИ В АНГЛИЙСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Ономастические исследования последних лет, проводимые на материале английского языка, затрагивают довольно широкий круг проблем. Английские антропонимы рассматриваются в синхронном плане с точки зрения звукобуквенного состава личных имен, способов фонографической передачи на русском языке, функционирования в составе устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, их актуализации в речи, функционально-семантических особенностей в целом¹. Топонимы английского языка привлекают внимание лингвистов при изучении проблем фонетической вариативности, структурной организации географических названий в рамках отдельного региона, функционирования в художественной литературе, семантико-стилистического потенциала в парадигматическом и синтагматическом аспектах².

Можно сказать, что в настоящее время основные группы ономастической лексики современного английского языка (антропонимы и топонимы) получают (или стремятся получить) освещение на всех уровнях языковой иерархии, т. е. на уровне фонемы (для письменной речи — графемы), морфемы, слова, словосочетания, предложения и текста. Такое положение отражает реально существующие системные связи в английской ономастике и диктует необходимость в разработке и применении комплексных методов анализа ономастической лексики, и прежде всего двух основных ее групп — антропонимов и топонимов. В статье предпринята попытка наметить возможные пути решения этой проблемы при помощи экспликации межуровневых связей в английской ономастике в парадигматике и синтагматике, т. е. в плане системных отношений и в реальном речевом функционировании имен собственных.

Фонема и соответствующая ей в письменной речи графема, или буквенный символ, как известно, не являются носителями самостоятельного значения, играя в языке лишь смыслоразличительную роль. Это особенно видно в тех случаях, когда буквенный символ, выступающий вместо имени собственного, остается без последующей расшифровки, как, например, в известном разговоре диккенсовских персонажей — мистера Галпиджа и мистера Спайкера (из романа «Дэвид Копперфильд»): «When the question was referred to Lord — I need n't name him», said

Mr. Gulpidge, checking himself — «I understand», said Mr. Spiker, «N.» Mr. Gulpidge darkly nodded — «was referred to him, his answer was, 'Money, or no release'». «Lord bless my soul!» cried Mr. Spiker. «'Money, or no release'», repeated Mr. Gulpidge, firmly. «The next in reversion — you understand me?» «K.» said Mr. Spiker... (Dickens, 379). Здесь говорящие специально создают атмосферу тайны, недосказанности, значительности, прежде всего собственной значительности в глазах непосвященных (невольных) слушателей. Однако такое функционирование имени собственного на уровне фонемы не является характерным. Наоборот, чаще в речи мы наблюдаем соположение акронимов, т. е. инициальных аббревиатур с полными формами имен, и всякая тайна, недосказанность исчезают. Ср.: I had bought my ticket and was waiting for the *L. A.* bus when all of a sudden I saw the cutest little Mexican girl in slacks come cutting across my sight. '*Los Angeles* coach now loading in Door Two', says the announcer, and I get on (Kerouac, 163). His name — *Percival Grantley Woodhuis* — is anathema to some; <...>. But in Halls of residence he was known and will be remembered by generation who came, met and left him as *P. G.* (Williams, 131—132). «Поддержка» акронимов со стороны полных форм имен есть ничто иное, как проявляющаяся на синтагматической оси межуровневая связь «фонема (графема) — слово (словосочетание)».

Уровень фонемы соотнесен с уровнем графемы, как сложное с суммой. Однако на этом математические параллели и заканчиваются, так как в языке дважды два далеко не всегда четыре. На морфемном уровне приобретает новое качество — языковая материя «одоухотворяется», звуки начинают означать, цепочка символов «присоединяет» к себе значение. В ономастике «оживление» языковой материи проявляется двояко. Во-первых, имя начинает оцениваться носителями языка с точки зрения его «привлекательности» или «непривлекательности». Так, исследователи отмечают наличие «эмоциональной привлекательности» (affective charm) у английских имен собственных, возникающей в результате «сцепления» (concatenation) звуков. По мнению А. Минтона⁴, такой привлекательностью обладают топонимы, в фонографическую оболочку которых включены следующие звуковые элементы: [a^r], [ɛl], [mo^r]. Например:

[a ^r]	[ɛl]	[mo ^r] + [a ^r]
Harwick Homes	Delham	Altamore Farm
Marbourne Homes	Delworth Homes	Avonmore Park
Mar-Gen Homes	все имена, начинаю-	Barmore Heights
Marlane Homes	щиеся на Bel, Bell,	Ritzmore Park
Milbar Heath	Belle	

С другой стороны, некоторые имена считаются «злополучными» (unfortunate names), имеющими неприятные ассоциации. Сюда, например, относятся антропонимы типа Ura Hogg, Ima

Hogg, Fancy Collar, коррелирующие по звучанию с апеллятивами. «Оживление» внутренней формы имени через апеллятивную мотивировку — второй аспект межуровневой связи «фонема — морфема». Эта связь всегда использовалась в поэтической ономастике для создания различного рода стилистических эффектов, направленных ассоциаций, каламбурной игры слов. Например, из XV века до нас дошел стишок следующего содержания:

The Rat, the Cat, and Lovell, our dog,
Rule all England under the Hog! (Weekley, 143).

В этом политическом куплете обыгрываются имена трех приспешников Ричарда III — Sir Richard *Ratcliffe* (убит в битве при Босворте в 1485 г.), Sir John *Catesby* (умер в 1486 г.) и Sir Francis *Catesby* (в 1488 г. найден замурованным в склепе, где, по-видимому, погиб голодной смертью; ранее носил титул Viscount *Lovell*). Отношение к данным лицам резко отрицательное, что в немалой степени связано с «дурной» славой самого Ричарда III. Конкретное выражение этого отношения — в каламбурной игре слов с явной «зоологической» тематикой: rat — «крыса», cat — «кот», lovell — из старофранцузского *lou-vel* (little wolf было распространенной кличкой собак в Англии XV века), hog — намек на королевский герб, на котором был изображен вепрь, и на самого короля, Ричарда III, имевшего прозвище The Hog (Боров).

Связь уровня морфемы с уровнем слова в ономастике проявляется в наличии особых форм имен, называемых гипокористиками. Они образуются практически от любого однословного именованного лица (личного, «среднего», фамильного) или любого однословного наименования географического объекта (топонима) при помощи морфемного усечения с возможной последующей суффиксацией. В этих случаях регулярно выделяются: а) апокопа: Al (=Albert, Alexander, Alexandra, Alfred), Hef (=Heffelbower), True (=Truebody), Berks (=Berkshire), Gib (=Gibraltar) etc.; б) аферизис: Arget (=Margaret), Bella (=Arabella), Lade (=Adelaide), Tony (=Anthony), 'Bama (=Alabama), 'Sippi (=Mississippi) etc.; в) синкопа: Aline (=Adeline), Fric (=Frederic), Pip (=Pirrip), Em'ly (=Emily), Jo'burg (=Johannesburg), Frisco (=San Francisco) etc.

Суффиксация к усеченной основе образует так называемые вторичные дериваты. Самым продуктивным суффиксом вторичных дериватов является -у с вариантами -ie, -ey, напр.: Abby, Abbie, Abbey (=Abigail), Charly, Charlie, Charley (=Charles), Davy, Davie, Davey (=David), Morry, Morrie, Morrey (=Morris), Californy, Cally (=California), Delly (=Delaware), Philly (=Philadelphia), Minnie (=Minnesota).

Партитивные отношения, регулярно проявляющиеся в речевом функционировании онимов, манифестируют живую связь уровней слова и словосочетания. В ономастике эта связь тем

более актуальна, что имя собственное гарантированно выполняет свою виртуальную предназначенность указателя определенного и конкретного объекта (субъекта) только будучи несколькословным. Поэтому в подавляющем большинстве случаев в текстах однословные формы имен выступают как «часть» по отношению к своему «целому» — несколькословным формам. Ср.: All day, from *Cape Mendocino* to *Point Conception* the south wind blew steadily...→... five hundred miles from *Mendocino* to *Conception*, there was rain... (Stewart, 129); *Roy Hobbs* pawed at the glass before thinking to prick a match.→*Roy* shut his eyes to the sight... (Malamud, 9).

Однословные формы имен, следовательно, являются представителями несколькословных, что сближает их с акронимами как несамостоятельными элементами текста, нуждающимися в той или иной поддержке со стороны полных (несколькословных, исходных) форм имен собственных. Данный вывод не просто констатирующий. Он важен для определения исходного пункта лингвистического анализа имен собственных, который, по нашему мнению, должен начинаться не с однословных форм, уровня слова, как это довольно еще часто делается, а с уровня словосочетания, с развернутой фразеосхемы английских онимов.

В предложении имя собственное занимает одну из центральных позиций — позицию субъекта. Этим определяется не только связь ономастического слова или словосочетания с уровнем предложения, но и последующее функционирование имени собственного в составе этого предложения на уровне текста. Войдя в предложение, оним становится элементом текста, причем элементом весьма важным, так как обычно с него и начинается повествование, представление предметного мира художественной действительности читателю: His name was *Charlie Mears*... and he lived in the south of *London*... (Kipling, 294). *Jack Reed* was the son of a United States Marshal, a prominent citizen of *Portland Oregon* (Dos Passos, 35).

Акт номинации, соответствующий тому фрагменту мира, который принимается за данность, исходный пункт сообщения, можно определить как интродуктивную номинацию. Она чаще всего основана на использовании собственных имен, и с ее помощью предмет речи не только «представляется», но и получает весьма существенные «первичные» связи со сходными или принимаемыми в качестве таковых предметами реальной и художественной действительности, напр.: At the sink they found a Pai-ute chief whom they called *Truckee*. Squating, he drew them a map in the sand. <...> So they crossed the desert, and went up along the swift river which they called *Truckee* for the map-drawer (Stewart, 35).

В тексте интродуктивная номинация регулярно используется как основа для развертывания повествования в словесный портрет, описание предмета речи. Ср.: *Mrs. Waterbrook*, who

was a large lady — or who wore a large dress; I don't exactly know which, for I don't know which was dress and which was lady — came sailing in. From the window of my room I saw all *London* lying in the distance like a great vapor, with here and there some lights twinkling through it (Dickens, 375).

Итак, на всех уровнях языковой иерархии имя собственное получает некоторое свое выражение, предстает в одной из своих сторон. Любая из этих сторон достойна отдельного, детального изучения и анализа, так как изменение «внешнего облика» имени является не просто механическим следствием его уровневой «ассимиляции», а выражением гораздо более существенных процессов семантического развития онимов. Так, на уровне морфемы «откладываются» в действительном смысле личные для говорящего имена, употребление которых свидетельствует о том, что предмет речи включен в субъективный микромир участников коммуникации, стал их достоянием, насыщен индивидуальными эмоциями. При помощи таких имен регулярно выражается аффективно-дружественное или аффективно-фамильярное отношение к предмету речи, что позволяет говорить о свойственном для них особом типе лексического значения — эмоциональном (или эмотивном) значении.

На уровне слова и словосочетания функционируют имена, предназначенные для выделения предмета и его идентификации «для всех», т. е. для любого члена данного языкового коллектива и вне зависимости от каких-либо дополнительных условий или речевой ситуации. Здесь особенно ярко проявляется главная способность и главное назначение онимов — быть «стрелкой», направленной на определенный и конкретный предмет (объект или субъект). Такие имена обладают другим типом лексического значения — номинативным и реализуют основные идентифицирующие функции — «паспортную» (антропонимы) и «адресную» (топонимы).

В тексте рождаются имена, способные к двойному означиванию, т. е. к указанию на определенный и конкретный предмет и к одновременному его описанию, характеристизации. Начало этого процесса, как мы показали, обеспечивается объективными свойствами интродуктивной номинации, где происходит своеобразное приращение дополнительной информации к имени собственному. При определенных условиях эта информация может стать социально (узуально) принятой, общеобязательной для всех членов языкового коллектива, что и ложится в основу формирования так называемых «перенесенных» имен собственных, которые по своей способности к обобщению практически уже не уступают именам нарицательным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Болотов В. И. Актуализация антропонимов в речи (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971; Ермолов

вич Д. И. Функционально-семантические особенности индивидуализирующих знаков (на материале именованных лиц в английском языке): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981; *Ефимова Н. А.* Фразеологическая антропонимия в современном английском языке и ее семантические особенности: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979; *Кузнецова В. И.* Фонетические основы передачи английских имен собственных на русском языке. Л., 1960; *Хриненко Ю. Н.* Английские неофициальные личные имена (опыт исследования звукобуквенного состава): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.

² См.: *Ирисханова К. М.* Функционирование топонимов в художественной литературе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978; *Леонович О. А.* Топонимы Калифорнии. Лингвистический анализ названий населенных пунктов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1970; *Мартынова М. Н.* Фонетические варианты заимствования топонимов в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971; *Перкас С. В.* Парадигматические и синтагматические аспекты лингвистического потенциала топонимов в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1980; *Станслер В. А.* Семантика и синтаксис английских топонимов: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.

³ Здесь и далее использованы следующие источники (с указанием в тексте статьи в скобках фамилии автора и страницы): *Dickens Ch.* The personal history and experience of David Copperfield. The Young. Boston, 1985; *Kipling R.* The finest story in the world // Kipling R. Poems Short Story. М., 1983; *Williams N. D.* Skael Torass. Havana, 1976; *Kerouas J.* The Mexican girl // The best short stories from The Paris Review. N. Y., 1961; *Malamud B.* The natural. Harmondsworth, 1967; *Stewart G. R.* Storm. N. Y., 1941; *Dos Passos J.* 1919. Second in the trilogy. U. S. A. N. Y., 1984; *Weekley E.* The romace of words. L., 1961, P. 143.

⁴ *Minton A.* Namen of real-estate development // Names. Journal of the American name society. Berkeley, 1961. V. 9. N 1. P. 29.

И. А. Гиниатуллин (Свердловск)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕДИНИЦ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЕЙ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

В последнее время в отечественной и зарубежной литературе проявляется значительный интерес к исследованию рекламы. При этом основное внимание сосредоточено на социологическом и психологическом аспектах¹, лингвистическая же сторона явления, несмотря на наличие ряда интересных специальных работ², изучается в меньшей степени. В настоящей статье рассматриваются некоторые коммуникативные, функциональные и структурные особенности текстов рекламных объявлений.

С коммуникативной точки зрения для этих текстов характерна односторонняя направленность коммуникации, при которой текст порождается только одной из вступающих в контакт сторон. Данная особенность сочетается с относительной ограниченностью речевого продукта. Несмотря на некоторые колебания в зависимости от типа объявлений, их объем сравнительно невелик, а текст в целом соответствует, по нашему мнению, единице типа «коммуникативное» или «речевое событие»³.

Рекламные тексты теснейшим образом связаны с неязыковыми средствами выражения — оформительской живописью,

графикой, шрифтами, фотографией, кино, музыкой. Практически каждый рекламный текст входит в систему «рекламное явление», включающую в себя какие-либо из перечисленных экстралингвистических средств.

Характерная черта функционирования рекламных текстов — массовость их адресата. По численности аудитории их можно сравнить с сообщениями о событиях исключительной важности. Причина этого явления — в применении тщательно разработанной и изощренной техники экспонирования рекламы. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что в данном случае речь идет о языковом общении, которое исходит из коммуникативной потребности одной стороны, выступающей инициатором общения. «Никто в мире, кроме вас самих, не ждет вашего объявления, — пишет специалист в области рекламных текстов В. О. Шваб, обращаясь к своим коллегам, — вы — незваный гость, интервент»⁴.

Одной из самых характерных коммуникативных черт рекламных текстов в капиталистическом обществе следует считать чрезвычайно низкий уровень информативности и достоверности. Специалисты буржуазной рекламы исходят из того, что «истинность не является основным фактором формирования убежденности»⁵. В рекламных текстах язык призван, по сути, быть не средством общения, а средством дезинформации и манипулирования сознанием человека. В этом смысле реклама напоминает другую коммуникативную сферу — буржуазную пропаганду.

Один из коммуникативных параметров рекламных текстов — высокая степень концентрации средств речевого воздействия, ярко выраженная апеллятивность. Малый размер объявления и отсутствие потребности общения у адресата, с одной стороны, необходимость побудить к «покупочному» действию при отсутствии деловой аргументации, с другой, вызывают насыщение рекламных текстов эффективными средствами речевого воздействия.

Исследователи языка рекламы выделяют следующие функции рекламного текста: *Herstellung der Kommunikation* (установление контакта, начало коммуникации), *Darstellung* (изображение, показ), *Auslösung* (приведение в действие)⁶. Специалисты по рекламным текстам ФРГ, отходя от традиционной формулы американской рекламы AIDA (*attention, interest, desire, action*), определяют эти функции более дифференцированно⁷: 1) *Aufmerksamkeit erregen* (привлечь, возбудить внимание); 2) *einen Vorteil zeigen* (показать какую-либо выгоду, преимущество, пользу); 3) *den Vorteil beweisen* (доказать эту выгоду, преимущество, пользу); 4) *das Bedürfnis wecken, den Vorteil wahrzunehmen* (пробудить потребность воспользоваться выгодой, преимуществом); 5) *zum Handeln auffordern* (побудить, призвать к действию). Как видно, в последнем варианте «изображению» соответствуют вторая, третья и четвертая функ-

ции, в принципе же речь идет об одной и той же функциональной схеме.

В структуре текстов рекламных объявлений различаются следующие элементы: 1) заголовок или вводная фраза; 2) собственно текст (иногда разделяемый подзаголовками); 3) так называемый слоган, представляющий собой наиболее яркое предложение объявления, «гвоздь» рекламной программы, реализуемой в данном объявлении; 4) своеобразные «приложения» к тексту в виде небольших бланков-заказов на рекламируемый товар или талонов на получение дополнительных информационных материалов. Не все элементы присутствуют в каждом объявлении: не всегда имеется слоган, иногда структура не содержит собственно текста, часто отсутствует «приложение». Структура рекламных объявлений может варьировать также за счет изменения позиции слогана, который передвигается из конечного положения в текст или даже в предтекстовую позицию.

Рассмотрим первый из компонентов рекламных объявлений. Заголовки или вводные фразы должны в первую очередь привлечь внимание к объявлению, заставить читателя задержаться на объявлении, просмотреть его или прочесть в целом. Вместе с тем заголовок «приближает» читателя к рекламируемому продукту, нередко называя последний и уже сразу обещая какие-то преимущества и выгоды, связанные с обладанием им. Иначе говоря, выполняя первую функцию рекламного объявления, заголовок сразу приступает к реализации остальных. Для этой цели широко используются мотивы, связанные с материальной выгодой: возможностью получить, приобрести что-либо бесплатно или дешево, сэкономить, выиграть, легко заработать значительную сумму и т. п., напр.: *Kostenlos!*; *Wir möchten die Reparaturkosten für Ihren Fernseher bezahlen!*; *Opel zeigt Ihnen, wie Sie bildschön sparen können!*; *Sechs Formen der Geldanlage. — Welche wählen Sie?* ⁶

Приведенные заголовки относятся к так называемому «позитивному» типу, они обещают читателю нечто выгодное, полезное или приятное. Наряду с этим в рекламе широко практикуется и «негативный» тип заголовка, который намекает на то, что читатель сможет избежать какой-то ошибки, чего-то угрожающего или неприятного, если он воспользуется рекомендацией объявления, напр.: *Ein Ratschlag für Frauen, deren Ehemänner das Geld nicht zusammenhalten. Von einer Frau; Augen auf! Es geht um Ihr Geld!*; *Es ist eine Schande, daß Sie nicht viel Geld verdienen, wenn jene Leute es so leicht fertigbringen!*

Весьма интенсивно эксплуатируются в заголовках и мотивы, связанные с сохранением здоровья: *Magen gut, alles gut!*; *In letzter Zeit bin ich so unkonzentriert und leicht reizbar. Was soll ich machen?; Rheuma?*

Активно и нередко беззастенчиво разрабатывается в рекламных заголовках тема «Дети — семья»: *Na schön, vielleicht*

ist yello nichts für Sie. Aber ob Ihr Kind genauso denkt? (рекламируется специальная доска и бумага для рисования); Das Kind, das alle Herzen gewann; Multibionta: der Familie zuliebe (реклама поливитаминов); Ist Ihnen Leben eines Kindes 1 Dollar wert? (объявление дорожной службы, контролирующей состояние автомобильных тормозов).

Мотивы, к которым обращаются заголовки рекламы, далеко не исчерпываются перечисленными. К ним относится также стремление казаться привлекательнее (Sommersprossen?; In 12 Tagen schlanker!; Schöne Nägel in 2 Wochen и т. д.), избавиться от слабости (Lebensmut!; Haben Sie auf Partys Hemmungen?), подражать сильным и знаменитым (Sherlock Holmes wäre stolz auf diesel Revolver gewesen), продвинуться по службе (Wurden Ihnen andere Leute von die Nase gesetzt?), управлять другими (Wie man Freunde gewinnt und Menschen beeinflusst), принадлежать к привилегированному слою общества (Passt es zu Ihrem Stil, ein billiges Hemd zu tragen?), без особого труда приобрести некоторые интеллектуальные ценности (Wie ich an einem Abend mein Gedächtnis verbessere; Bereits nach 10 Minuten beginnen Sie mit dieser Gratis-Simultan-Schalplatte Englisch, Französisch oder Italienisch zu sprechen!) и т. д.

Приведенные выше примеры показывают, что заголовки рекламных объявлений по своей языковой форме довольно значительно отличаются от классического заголовка, для которого характерна статичная, жесткая субстантивная конструкция. В рекламных объявлениях, конечно, встречаются заголовки этого типа (например, Fernseh — Farb — Filter, Möbelgleitrollen и т. п.), но их число, по нашим наблюдениям невелико. Недостаточная динамичность и выразительность компенсируется в подобных случаях изобразительно-графическим оформлением объявления.

Типично для рекламных заголовков использование коммуникативных структур и языкового материала устной и даже разговорной речи, напр.: In letzter Zeit bin ich so unkonzentriert und leicht. Was soll ich machen? В данном случае заголовок имитирует «подслушанное» высказывание потенциального клиента, который делится своей проблемой с собеседником, надеясь получить ответ. Форма прямой речи призвана не только привлечь внимание к объявлению, но и установить контакт с читателем, вызвать у него эффект подсознательной идентификации с говорящим.

Сочетание констатирующего и проблемно-вопросительного предложений весьма распространено в таких заголовках. Нередко в них сразу помещается и название рекламируемого продукта (Na, schön, vielleicht ist yello nichts für Sie. Aber ob Ihr Kind genauso denkt?). Личное местоимение Sie и соответствующее ему притяжательное местоимение Ihr, употребленные в последнем примере, являются одним из излюбленных языковых средств

авторов объявлений и обеспечивают индивидуальную обращенность заголовку.

Нередко в качестве заголовка употребляется условное придаточное предложение, способное при отсутствии главного вызвать в силу своей природы определенную логическую напряженность, разрешаемую при дальнейшем чтении объявления, напр.: *Wenn Sie den ganzen Tag auf den Beinen waren...*

Употребительными в рекламных заголовках являются также выделенные в самостоятельные предложения дополнительные придаточные, которые вводятся вопросительными словами: *Warum wir dem Winter einen warmen Empfang bereiten können; Wie Mercedes hilft, daß uns Versorgung keine Sorge macht.* Такие конструкции представляют развернутый ответ на вопрос собеседника или рассказ о каком-либо эпизоде, интересном для собеседника. Употребление этих конструкций в рекламных заголовках должно ассоциироваться с интересным, достойным внимания.

Обращает на себя внимание применение специальных частных риторических средств (семантические оппозиции *der Winter — ein warmer Empfang; Versorgung — keine Sorgen*), которые призваны усилить речевое воздействие заголовков. Широкое распространение в рекламных заголовках находят разнообразные словосочетания: инфинитивные группы (*Nie mehr schnarchen; Gesund bleiben — jung bleiben*), предложные конструкции (*Frei von Erröten; Erholbarer Schlaf durch Galama*), сочетания наречия и существительного с относящимся к нему прилагательным (*...immer frische Füße; von jetzt an die neue Atika*) и др.

Характерная черта таких словосочетаний — динамичность. Значение организующих элементов словосочетания обычно содержит представление о движении, изменении состояния или качества (напр.: *nie mehr ...; frei von ...; von jetzt an...*), инфинитив по своей семантике ассоциируется с процессом; статичное перечисление существительных *...Herz, ...Nerven, ...Schlaf* «приводится в движение» предлогом *durch*. Впечатление динамичности возникает при восприятии заголовков-словосочетаний еще и оттого, что каждый из них представляет собой основу логических предикатов многих возможных самостоятельных высказываний: *Nie mehr schnarchen müssen wäre schön!; Es ist schon lange der Wunsch meiner Frau, mich nie mehr schnarchen zu hören; Nie mehr schnarchen habe ich mir vorgenommen aber das geht nicht.* Эта возможность развертывания редко реализуется читающим заголовок, однако за счет речевого опыта она может фиксироваться подсознанием и влиять на него определенным образом.

Впечатление динамичности, оставляемое словосочетанием-заголовком, может усиливаться знаками пунктуации, например многоточием (*...immer frische Füße*), тире (*Gesund bleiben — jung bleiben*) или точкой, которая отсутствует в конце обычного

заголовка, но часто используется в рекламе (Von jetzt an die neue Atika.). Точка в рекламном заголовке играет роль сильного графического раздражителя, придавая словосочетанию характер самостоятельного, законченного и особым образом акцентированного высказывания.

Степень компрессии и динамической силы кратких заголовков возрастает, если они усиливаются до восклицания, напр.: Preisschlager für Filmfreunde! Neuer Haarwuchs! In 12 Tagen schlanker! Neu!

Довольно типичны для рекламных объявлений вопросительные заголовки различной структуры и степени развернутости: Können Sie es sich leisten, woanders zu kaufen?; Ist etwas faul an Ihren Wertpapieren?; Schlechte Schulnoten? Altersangst? Употребительность заголовков-вопросов объясняется, видимо, двумя обстоятельствами. Во-первых, вопросительные конструкции относятся по своей коммуникативной природе к устноречевым образованиям, а это соответствует характерной для рекламных заголовков ориентации на устную речь. Во-вторых, вопросительное речевое действие способно своей формой заострить внимание коммуниканта на соответствующем предмете.

Названные свойства присущи также императивным конструкциям. Обычно они используются для того, чтобы придать заголовку вид тактичного квалифицированного совета: Nehmen Sie Schuppen nicht auf die leichte Schulter. In Ihrer Apotheke gibt es SELUKOS; Machen Sie Kontrast zum Abendlicht: kühle Diamanten. Однако и категоричный императив находит применение в рекламных заголовках: Trink Dich eiskalt durch den Sommer!; Augen auf! Es geht um Ihr Geld! Коммуникативно-психологическая стратегия таких заголовков состоит в том, что их энергичность, уверенность или бесцеремонность смогут привлечь внимание потенциального клиента, импонировать ему.

Таким образом, с лингвистической стороны реализация коммуникативных функций рекламных заголовков обеспечивается целым комплексом языковых средств, значительная часть которых заимствуется из устноречевого личного общения. Этот регистр используется как в форме прямого копирования коммуникативно-эффектных устных высказываний, так и путем применения различных грамматических структур или отдельных лексико-грамматических элементов устной речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Куренина С., Сухановская Р. Печатная торговая реклама. М., 1966; Ривз Р. Реализм в рекламе. М., 1969; Феофанов О. А. США: реклама и общество. М., 1974; Шерковкин Ю. А. Массовая реклама как фактор формирования общественного сознания на социально-психологическом уровне // Общественная психология и коммунистическое воспитание. М., 1967; Эдвардс Ч., Браун Р. Реклама в розничной торговле США. М., 1967 и др.; Jacobi H. Werbepsychologie. Ganzheit- und gestaltpsychologische Grundlagen der Werbung. Wiesbaden, 1963; Kropff H. F. G. Angewandte Psychologie in

Werbung und Vertrieb. Stuttgart, 1960; *Salber W.* Wirkungseinheiten. Psychologie von Werbung und Erziehung. Wuppertal; Ratingen; Düsseldorf, 1969 u. s. a.

² См., напр.: *Леонтьев А. А.* Основные направления прикладной психолингвистики СССР // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972; *Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н.* Язык рекламных текстов: Учебное пособие для фак. журналистики вузов. М.: Высш. шк., 1981; *Brandt W.* Die Sprache der Wirtschaftswerbung. Olms, 1973; *Römer R.* Die Sprache der Anzeigenwerbung. Düsseldorf, 1968 и др.

³ *Kleine Enzyklopädie. Deutsche Sprache.* Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1983. S. 361—362; *Сусов И. П.* Проблемы языкового общения, его единиц и правил // Всесоюзная научная конференция «Коммуникативные единицы языка»: Тез. докл. М., 1984. С. 113—116.

⁴ *Schwab V. O.* Der erfolgreiche Werbetexter. München, 1973. S. 13.

⁵ Ibid. S. 84.

⁶ *Möckelmann J.* Form und Funktion der Werbeslogans. Untersuchung der Sprache und werbespsychologischen Methoden in den Slogans // Göppinger Arbeiten zur Germanistik. 1970. N 26.

⁷ *Schwab V. O.* Op. cit. S. 11.

⁸ Примеры взяты большей частью из периодики ФРГ, некоторые американские заголовки цитируются по книге В. О. Шваба.

В. Е. Ананин
(Челябинск)

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ МИКРОСИСТЕМЫ «ЭМОЦИИ»

Для изучения и моделирования семантического пространства эмоциональности представляет интерес наблюдаемое в языке противопоставление лексических значений эмоционального переживания по их предикатной направленности. Это противопоставление обнаруживается при сравнении парадигм однокоренных слов, обозначающих эмоции.

Наблюдения над словарными толкованиями однокоренных слов со значением эмоционального переживания (существительное — глагол — прилагательное — причастие) выявляют ряд общих для разных парадигм типов значений, совокупность которых образует семантическую модель рассматриваемых рядов слов. Такого рода модель была проанализирована на материале русского языка¹.

Так, семантические структуры существительных — названий эмоций в качестве основного лексико-семантического варианта (ЛСВ) содержат значение, которое можно условно определить как собственно название эмоции (feeling of wonder, feeling of shame, feeling of fear, feeling of joy etc.). Это значение обычно получает развернутое толкование в словаре, а соответствующий ЛСВ затем используется в дефинициях других ЛСВ и однокоренных слов. В рамках сопоставления парадигм однокоренных слов со значением эмоционального переживания данное значение F (от Feeling) выступает как тип значения, присущий всем парадигмам.

Наряду с указанным типом значения, семантические струк-

туры ряда существительных — названий эмоций имеют еще одну параллель — ЛСВ со значением «something that causes F» или «a cause for F» (wonder — thing or event that causes wonder, fear — a cause for fear, shame — something that causes shame и т. д.). Приведенные ЛСВ также репрезентируют один общий тип значения, сближающий рассматриваемые парадигмы.

Сопоставление словарных толкований глагольных членов парадигм однокоренных слов со значением эмоционального переживания позволяет распределить их по двум группам. К первой относятся глаголы, значение которых (или ЛСВ) выражается общей формулой «to feel F» (to wonder, to fear, to enjoy), ко второй — глаголы со значением «to cause F» (to surprise, to bore, to disgust). Изучение дефиниций прилагательных и причастий рассматриваемых парадигм также дает два инварианта значения — «feeling F» (angry, contemptuous, bored, surprised) и «causing F» (wonderful, shameful, boring disgusting).

Таким образом, при сопоставлении парадигм однокоренных слов со значением эмоционального переживания выделяются следующие типы значений, образующие семантическую модель такой парадигмы: субстантивные значения: «F» (собственно название эмоции): «a cause for F»; глагольные значения: «to feel F», «to cause F»; атрибутивные значения: «feeling F», «causing F».

В полученной модели прослеживается регулярное противопоставление единиц парадигмы по направленности их значений — одни из них ориентированы на носителя эмоционального переживания («F», «to feel F», «feeling F»), другие — на событие, стимулирующее данное переживание («a cause for F», «to cause F», «causing F»). Первые являются потенциальными предикатами субъекта переживания (somebody's surprise, anger, somebody wonders, fears, somebody is ashamed, contemptuous), вторые — потенциальными предикатами эмоциогенного события, факта, предмета (something is a wonder, a bore, something disgusts, distresses, something is surprising, interesting). Эта закономерность позволяет заключить, что в языковом сознании признак «эмоциональное переживание» закрепляется в двух формах: как эмоциональный признак субъектной предикации и как эмоциональный признак предметной предикации.

Существование двух форм эмоционального признака объясняется двойственной природой самой эмоции. Двойственность эмоции состоит в том, что она представляет собой и специфическое субъективное переживание, и способ существования отражаемого объективного содержания в индивидуальной психике. Одним из основных положений теории эмоциональных переживаний является тезис о предметности эмоций: «Предметная отнесенность эмоции, ее обязательная направленность, «адресованность» некоторой структурной единице познавательного образа — капитальный феноменологический факт, удо-

влетворяющий всем формальным требованиям для того, чтобы при решении проблемы эмоций занять место одного из главных постулатов»². Обязательную предметную отнесенность эмоции подтверждает, в частности, то, что эмоциональное переживание невозможно описать, не обращаясь к ситуации, с которой это переживание связано³. Для субъекта, таким образом, эмоция не существует иначе, как в образе отражаемой сущности. В силу этого эмоциональный признак абстрагируется не только как признак, приписываемый субъекту переживания, но и как признак вещей, событий и т. д. Входя в содержание лексического знака, эмоциональный признак делает лексическое значение функционально ориентированным — оно может выступать либо как предикат субъекта переживания, либо как предикат эмоциогенного события. Предикатная направленность является, таким образом, обязательным элементом семантики слов со значением эмоционального переживания.

Дифференциация субъектно ориентированных и предметно ориентированных значений эмоционального переживания дает возможность более полно раскрыть парадигматику лексики, обозначающей эмоции. При данном подходе семантическая микросистема «эмоции» предстает как единство двух подсистем лексических значений: первую образуют единицы со значением эмоционального признака субъектной предикации («F», «to feel F», «feeling F»), вторую — единицы со значением эмоционального признака предметной предикации («a cause for F», «to cause F», «causing F»). Раздвоенность семантической микросистемы «эмоции» усложняет внутрисистемные связи образующих ее лексических единиц.

При условии, когда две связанные по смыслу единицы не противопоставляются по предикатной ориентации их значений, смысловые связи слов реализуются в категориях синонимии (disgust — aversion), гипо- и гиперонимии (resentment — anger), антонимии (to interest — to bore). В тех же случаях, когда две семантически близкие единицы имеют разную предикатную направленность значений, между ними устанавливаются специфические для рассматриваемой микросистемы корреляции, в которых значения коррелятов содержат один и тот же эмоциональный признак. Такие корреляции прослеживаются на внутрисловном, внутрилексемном и межсловном уровнях. Они носят системный характер для лексики, обозначающей эмоции, поскольку любой эмоциональный признак закрепляется в двух формах. Каждому значению эмоционального переживания (субъектной предикации) соответствует семантический континуум, в котором данное эмоциональное переживание фиксируется как предметно предиктируемый признак.

Семантический инвариант рассматриваемых корреляций реализуется в абсолютной форме во внутрисловных (а) и внутрилексемных (b) противопоставлениях: а) wonder («F») — won-

der («a cause for F»); shame («F») — shame («a cause for F»); fearful (feeling F») — fearful («causing F»); b) to wonder («to feel F») — wonder («a cause for F»); shame («F») — shameful («causing F»); bored («feeling F») — boring («causing F»). Приведенные значения связаны генетически на основе общего эмоционального переживания, но одно из значений является предикатом субъекта переживания, а другое — предикатом эмоционального события, факта.

Рассматриваемый инвариант смыслового взаимодействия лексических единиц может быть выделен и тогда, когда эмоциональный признак предметной предикации имеет не самостоятельное лексическое обозначение, как во внутрисловных и внутрилексемных корреляциях, а является компонентом значения. Так, например, компонент значения слова *unusual* — эмоциональный признак предметной предикации «causing wonder» (*unusual* — syn *wonderful*)⁴, компонент значения слова *dull* — эмоциональный признак предметной предикации «causing boredom» (*dull* — syn *boring*), компонент значения слова *offensive* — эмоциональный признак предметной предикации «causing disgust» (*offensive* — syn *disgusting*). Взаимодействие указанных компонентов значения с соответствующими эмоциональными значениями субъектной предикации лежит в основе лексико-семантических корреляций *wonder* — *unusual*, *boredom* — *dull*, *disgust* — *offensive*.

Лексико-семантические корреляции рассматриваемого вида фиксируются в словарных определениях слов — названий эмоций: *wonder* — the feeling of surprise, admiration and awe which is excited by something new, unusual, strange, great, extraordinary; *disgust* — repugnance caused by something offensive; *contempt* — reproachful disdain as for something vile or dishonourable; *shame* — distressed feeling caused by wrong, dishonourable or foolish behaviour; *fear* — feeling caused by the nearness or possibility of danger or evil и т. д. При этом, как видно из толкований, между значениями коррелятов устанавливаются причинно-следственные отношения.

Свидетельством устойчивого характера смысловой связи коррелятов является регулярное воспроизведение корреляций на синтагматической оси: *Puzzled, he wondered at their strange behaviour* (H. Robbins); *The unconscious, irregular tattoo of a bored man performing a dull task* (R. Ludlum); *He felt ashamed as he remembered his foolish bravado earlier in the morning* (J. Jakes); *The fact is that he makes no clear distinction between imagined fear and fear of material danger* (G. Household).

Таким образом, микросистема «эмоции» наряду с традиционно описываемыми отношениями единиц характеризуется специфическими лексико-семантическими корреляциями, в которых лексические значения противопоставлены по предикатной направленности эмоционального признака. Поскольку меж-

ду коррелятами устанавливаются отношения причины и следствия, они определяются как причинно-следственные корреляции микросистемы «эмоции».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Жуковская Е. Е. Семантический анализ некоторых глаголов эмоционального состояния и их производных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

² Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.

³ Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12; Wierzbicka A. Semantic Primitives. Frankfurt, 1972.

⁴ Использованы материалы словарей: Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 1982; Hamlyn Encyclopedic World Dictionary. London; New York; Sidney, Toronto, 1979; Webster's New World Thesaurus. N 4, 1975; Webster's New Twentieth Century Dictionary. N. Y., 1978; The American Heritage Dictionary of the English Language. Boston, 1982.

Л. В. Назаренко
(Москва)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОРФЕМНОГО И ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ В СФЕРЕ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ

**(на материале английских производных
существительных с суффиксом -ing)**

Образования на -ing неоднородны по своему составу: они характеризуются различиями в словообразовательных структурах, широким диапазоном семантического варьирования и разными функциями в речи. Среди анализируемых существительных значительную часть составляют имена действия, образованные с помощью словообразовательного суффикса -ing от глагольных основ по высокопродуктивной открытой словообразовательной модели: bathing («купание»), going («ходьба»), airing («проветривание, просушивание»), painting («раскрашивание») и т. д. Среди образований на -ing можно выделить существительные со значением собирательности: shipping («суда, морской флот»), bedding («постельные принадлежности») и др. В современном английском языке не исключена также возможность получения производных на -ing от основ других частей речи, например прилагательных, наречий и словосочетаний: afterings («домой»), greening («зеленое яблоко») и т. д.

Производящая основа и словообразовательный аффикс вступают в словообразовательные отношения друг с другом: исходная единица при этом меняет форму и содержание, а производное слово является формально производным и семантически мотивированным. Данный способ словообразования можно охарактеризовать как линейный, поскольку здесь происходит синтагматическое изменение, развертывание исходного символа¹.

Однако в лексический состав английского языка наряду

с «истинно» аффиксальными производными входят слова *landing* («площадка для приземления»), *building* («здание»), *bridging* («настил, помост»), *backing* («сторонники») и другие, возникшие в результате семантического развития слова, усложнения его содержания². Благодаря метонимическому переносу отглагольные существительные на *-ing* приобретают значения места действия: *turning* («поворот»), результата действия: *clipping* («газетная вырезка»), субъекта действия: *backing* («сторонники») и др. Итак, разнотипные словообразовательные процессы порождаются однотипными словообразовательными отношениями³. Лексико-семантическое словообразование можно трактовать как нелинейную деривацию, изменяющую весь знак в целом: одна и та же материальная оболочка наполняется другим содержанием⁴.

Таким образом, слова с *-ing* порождаются разными способами: в результате аффиксации и лексико-семантически — и с разной семантикой: абстрактные и конкретные существительные, имена действия и производные со значением собирательности, имена, выражающие состояния и эмоции человека, существительные с предметным значением и т. д. Различия в «происхождении» анализируемых слов не отражаются на их морфологической структуре: во всех случаях суффикс *-ing* маркирует производность, вторичность, а сами существительные подвергаются членению на морфемы. При морфологическом анализе имена действия, возникшие на их основе конкретные существительные и лексические единицы, образованные от глагольных и именных основ, демонстрируют одинаковую морфологическую структуру. В некотором смысле можно утверждать, что морфологическая структура производных на *-ing* не влияет на дифференциацию значений.

На словообразовательном уровне анализа производится синхронная реконструкция словообразовательного акта⁵ и раскрывается история анализируемого слова, которая отражается в его словообразовательной структуре. Так, при аффиксальной деривации составляющие производного слова — производящая основа и словообразующий формант, отсылочная и формирующая части, — взаимодействуя друг с другом, порождают формально производное и семантически мотивированное слово. Формальная производность аффиксальных существительных выражена суффиксом *-ing*. Основа и аффикс при этом способе словообразования функционально активны.

Иначе обстоит дело со словами типа *painting* («картина»), *clearing* («прогалина, поляна»), *beading* («отделка из бус») и др. Хотя по морфологической структуре они относятся к аффиксальным словам, но созданы не сложением основы и аффикса, а в результате метонимического переноса. Суффикс *-ing* в этом случае пассивен, он не является словообразовательным средством, не несет функциональной нагрузки.

Вторичные предметные значения отглагольных существительных развиваются в два этапа: на первом образуются имена действия по словообразовательной модели $V + \text{ing} \rightarrow N_{\text{ing}}$ (линейная деривация), на втором — происходит семантическое преобразование слова $N_{\text{ing}}^1 \rightarrow N_{\text{ing}}^2$ (нелинейная деривация).

Таким образом, мы можем констатировать, что английские производные существительные на *-ing* при тождестве морфемных структур имеют различные словообразовательные структуры и значения. Наличие сведений о «происхождении» анализируемых слов может стать ключом к их прочтению, а семантика слов указывает на способ их возникновения. Контекст позволяет безошибочно различать *building*¹ («строительство») и *building*² («здание»), *writing*¹ («писание») и *writing*² («литературное произведение») и др. Следовательно, глубинные семантические признаки производных на *-ing* отчасти выведены на уровень морфологической структуры, отчасти заключены в их словообразовательной структуре.

Как квалифицировать омонимичные производные слова с тождественной морфологической структурой, разными словообразовательными структурами и значениями? Считать ли их лексико-семантическими вариантами одного слова или разными словами-омонимами (семантическими омонимами)? Большинство исследователей справедливо усматривают обусловленную материальным тождеством слова связь между значениями действия и места действия, действия и результата, действия и субъекта действия и т. д. и считают их лексико-семантическими вариантами одного слова. Однако, объединяя *writing*¹ («писание») и *writing*² («литературное произведение») в одно слово, нельзя отрицать качественного своеобразия многозначности анализируемых существительных. И. П. Скарулис объясняет отличие полисемии отглагольных существительных на *-ing* от полисемии слов других категориальных разрядов различной соотношенностью с действительностью: имена действия (синтаксические дериваты) соотносятся с денотатом-процессом, а вторичные, предметные значения (лексические дериваты) — с денотатом-вещью⁶. К вариантам одного слова можно отнести слова *shipping*¹ («погрузка, отправка») и *shipping*² («суда, морской флот»): они образованы от основ разных частей речи и связаны по значению (возможность образования одного слова от слов разных частей речи не вызывает сомнения у большинства исследователей). Признавая *landing*¹ («приземление») и *landing*² («площадка для приземления»), с одной стороны, и *shipping*¹ («погрузка, отправка») и *shipping*² («суда, морской флот»), с другой — вариантами одного слова, можно отнести их к классу словообразовательных омонимов.

Словообразовательными омонимами можно считать одноименные однокоренные слова или варианты слов с тождественной морфологической структурой, в которых различия в слово-

образовательной структуре сопровождаются различиями в значениях⁷. Вслед за П. А. Соболевой, можно утверждать, что словообразовательные омонимы могут быть как лексико-семантическими вариантами одного слова (если между ними сохраняются прочные семантические связи через производящие слова), так и разными словами (если семантическое тождество слова нарушено)⁸. Анализируемые существительные являются словообразовательными омонимами и вариантами одного слова. Варианты типа *shipping*¹ («погрузка») и *shipping*² («суда, морской флот») отличаются словообразовательной структурой ($V + \text{ing} \rightarrow N_{\text{ing}}$; $N_{\text{ing}}^1 \rightarrow N_{\text{ing}}^2$), словообразовательным значением (значение действия и значение собирательности) и характеризуются семантическими расхождениями. В других парах, например *building*¹ («строительство») и *building*² («здание»), один из вариантов (имя действия) обладает словообразовательным значением, другой (конкретное существительное) — семантико-деривационным, которое есть «регулярная моделируемая связь значений лексико-семантических вариантов в семантической микросистеме многозначного слова»⁹. Доводы И. Г. Ольшанского в пользу близости словообразовательного и семантико-деривационного значений по степени обобщенности и по регулярности кажутся вполне убедительными. Производные *painting*¹ («рисование») и *painting*² («рисунки»), *crossing*¹ («пересечение») и *crossing*² («переход»), имеющие различное происхождение, различное словообразовательное или семантико-деривационное значение, могут быть квалифицированы как словообразовательные омонимы, которые остаются при этом вариантами одного слова. На основании вышеизложенных критериев исключаются из разряда словообразовательных омонимов слова в парах *barking*¹ («лай») и *barking*² («сдиранье коры»), *drilling*¹ («обучение, тренировка») и *drilling*² («сверление»), поскольку они имеют одинаковую словообразовательную структуру и одинаковое словообразовательное значение. Их омонимия возникает в результате отражения омонимии производящих основ, а не в результате применения деривационной операции.

Таким образом, производные существительные на *-ing* характеризуются неоднородностью семантических и словообразовательных структур. Лингвистический анализ на морфологическом и словообразовательном уровнях позволяет обнаружить тесную связь строения производного существительного на *-ing* и его семантики. Одноименные однокоренные слова, имеющие различия в деривационной истории и значении, можно считать словообразовательными омонимами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. О типологии процессов деривации. Пермь, 1982.

² См.: Ольшанский И. Г. Полисемия существительных в языке и тексте. М., 1982.

³ Соболева П. А., Сидельникова Г. Н. Деривационный и реляционный аспекты словообразования // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982.

⁴ Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. Указ. соч.

⁵ См.: Кубрякова Е. С. Текст и синхронная реконструкция словообразовательного акта // Лингвистика текста: Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Топрева. М., 1976. Вып. 3.

⁶ См.: Скарулис И. П. К вопросу о соотношении синтаксической и лексической деривации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.

⁷ См.: Барченкова М. Д. Деривационная полифония и омонимия // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982; Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980; Харитончик З. А. О словообразовательной омонимии производных единиц // Особенности словообразования в терминосистемах и литературной норме. Владивосток, 1983.

⁸ См.: Соболева П. А. Указ. соч.

⁹ Ольшанский И. Г. Указ. соч. С. 43.

О. Г. Путырская
(Свердловск)

КОРРЕЛЯЦИЯ ПРЕФИКСОВ И ПРЕДЛОГОВ В ДИАХРОНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В современном французском языке довольно широко распространены две группы префиксов, генетически восходящих к предлогам¹. В одну группу входят префиксы, сохранившие в синхронии формальное тождество и семантическую связь с живыми предлогами. Одновременно они функционируют и как предлоги, и как словообразующие элементы, например префиксы-предлоги *sous-*, *roug-*, *a-*, *de-* и др. Другую группу составляют префиксы, не имеющие в синхронии параллельных предлогов, но сохранившие формальную и семантическую связь с ранее существовавшими предлогами, о чем свидетельствует диахронический анализ, например современные префиксы *co-*, *trans-*, *ante-*, *post-*, *pré-*.

При изучении процесса становления системы префиксации необходимо выявить связь лексической и грамматической семантики префиксов и предлогов как единиц разных уровней, а именно: преломление семантики предлогов, функционирующих в качестве префиксов на уровне словообразования. Наиболее активные межуровневые переходы предлог — префикс происходили в латинском языке, а в истории собственно французского языка — в старофранцузский период. В латинском языке существовал наибольший конформизм и наиболее регулярное семантическое соответствие между системами предлогов и префиксов. Близок к этому состоянию и старофранцузский язык, однако именно в нем началось развитие специфической французской системы предлогов и префиксов.

По данным современных исследователей, система предлогов насчитывает более 350 единиц², которые выражают широкий спектр значений (пространственное, временное, причинное, модальное, объектное, орудийное, адресатное и др.), в разных сочетаниях содержащихся в отдельных предлогах. Многообра-

ние значений (их насчитывают более 20) обусловлено преобладанием тенденции аналитизма во французском языке и значительной функциональной нагрузкой предлога. Внутри системы предлогов также преобладает аналитизм: более 90 % предлогов морфологически сложны и выражают свое значение расчлененно.

В ходе развития системы предлогов языком было утрачено большое количество простых предлогов в пользу сложных. Так в старофранцузский период исчезли предлоги *inter*, *trans*, *ex*, *e*, *ab*, *ad*, *pro*, *dis*, *post* и др. Сложные предлоги можно встретить уже в старофранцузский период, например: *k'elle deo ganeiet qui maent sus en ciel*³.

В современном французском языке функционирует небольшое количество простых односоставных предлогов — 21, т. е. лишь 8 % от общего числа. Сочетаемость морфологически простых предлогов шире, чем сложных, очень широк диапазон их значений, например *a* выражает 18 значений, *d* — 15 и т. д. Большинство морфологически простых предлогов имеют в своей семантике два значения, которые одновременно в семантике сложных предлогов содержатся редко, — локальное и темпоральное. Возможно, эта особенность простых предлогов и облегчает их переход на уровень словообразования — в класс префиксов, где они проявляют именно временные и локальные значения и реже модальные. Остальные значения предлогов не обнаруживают регулярной связи со значениями параллельных префиксов.

В развитии префиксации, напротив, преобладала тенденция к синтетизму. Она проявилась в том, что префиксы подвержены лексикализации, и существование формально идентичного предлога — обязательное условие поддержки префикса в прежнем статусе. Так, с утратой предлога *inter* в старофранцузский период лексикализован и соответствующий префикс (cf.: *interdire*). Та же судьба постигла и префикс *tre-* (cf.: *trepasser*) в среднефранцузский период. На пути к лексикализации находится *é-*; префикс *dis-* в современном языке вытесняется префиксом *de-*. Причину лексикализации префиксов можно объяснить утратой фонетической характеристики, ослаблением значений и, как следствие, ограничением сочетаемости с основами. Правда, в языке известны случаи, когда префикс, не поддерживаемый предлогом, вновь становится продуктивным, как это произошло с префиксом *post-*. По данным лексикографических источников, более половины слов с этим префиксом возникло в XX веке и более четверти из них — в последние десятилетия. Причем эти слова фиксируют временное и локальное значения латинского префикса, но утратили модальное значение (напр.: *postabeo* — «считать менее важным»). Однако подобные явления нерегулярны.

Прослеживая связь префиксов и предлогов в разные пе-

риоды развития языка, можно заметить, что формальный и семантический параллелизм чаще проявляется в классической латыни и раннефранцузский период. В старофранцузском языке начинаются формальные расхождения между предложениями и префиксами. Эти расхождения видны в формальной вариативности префиксов, например предлог *pro* дает два префикса *pro-*, *proir-*, предлог *sus* — *sur-*, *sus-* и т. д. Позднее постепенно развивается семантическая вариативность.

Во все периоды развития языка параллельные предлоги и префиксы имеют сходные особенности функционирования и семантики. Для них характерно связанное употребление и определенный объем лексических и грамматических значений. Сходные особенности по-разному обнаруживаются на разных языковых уровнях. На уровне словообразования связанное употребление префиксов обусловлено их словообразующей функцией, ограниченной сочетаемостью с основами; связанное употребление предлогов объясняется их синтаксической функцией транслативов и индикаторов. Самое же характерное — преломление грамматической и лексической семантики префиксов и предлогов на разных уровнях.

При сохранении семантической связи предлогов и префиксов развитие лексических значений префиксов идет по пути метафоризации значения предлогов. Например, локальное значение предлога *in*, достигая высокой степени абстракции в префиксе *in-*, переходит в значение привативности или отрицания, наблюдается также синкретизм значений отрицания и привативности. Подобное явление может быть проиллюстрировано и развитием предлогов *de*, *contre*, *e*, *ex* и др.

Локальное значение предлогов *inter* и *contre* тоже подвергается метафоризации и развивается в значение взаимности действия. Значение ранее существующего предлога в современном языке проявляется крайне редко (*intervenir*). Так, в старофранцузском: *s'entraiment* («любят друг друга»), *etracoler* («обнимать друг друга»), *entredoter* («бояться друг друга»), то же и *contraimer*, *contreflatter*. Локальное значение приближения префиксов *a-*, *in-* развивается в старофранцузский период в значение фактитивности, происходит перенос признака, действия, значение которых заключено в словообразующей основе: *abriconer* («сделать трусом»), *affoler* («заставить обезуметь»), *encendrer* («превратить в пепел»), *enamer* («полюбить»). Как следствие структурной неавтономности префиксов в словообразовании проявляется сужение объема конкретных лексических значений и развитие абстрактных. Кроме того, префиксы, параллельные предлогам, становятся носителями значений, не свойственных предлогам.

Грамматическая метафоризация выражается в том, что временное значение предлога в префиксе преобразуется в значение способа действия и вида; тогда префикс выражает характер

протекания действия — завершенность, интенсивность, ослабленность. Особенно характерно значение усиления действия: *tres-penser* («продумать»). Усиление действия выражают в старофранцузском и предлоги *por* (лат. *pro*): *porparler*, *porpenser* и *de: debrisier*.

Таким образом, система предлогов и система префиксов развивались в противоположных, но взаимоуравновешивающих направлениях: система предлогов — в сторону аналитизма, система префиксов — в сторону синкретизма. Между параллельными предлогами и префиксами сохраняются регулярные семантическое и формальное соотношения. Преломление значений предлогов, функционирующих в качестве префиксов на уровне словообразования, произошло по пути лексической или грамматической метафоризации.

Дальнейшее изучение межуровневых связей параллельных префиксов и предлогов позволит расширить представление о процессе становления системы префиксов в современном французском языке, а также о лексической и грамматической семантике префиксов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы опираемся на мнение А. Доза о том, что «приставками обычно служат прежние предлоги и даже наречия, из которых многие еще живут в языке». См.: Доза А. История французского языка. М., 1956. С. 163—164.

² Столь значительное количество предлогов объясняется, вероятно, тем, что современными исследователями изучаются и функциональные предлоги, обладающие единственным, иногда связанным, значением. См., напр.: Тер-Авакян Г. А. Значение и употребление предлогов во французском языке. М., 1983.

³ См.: Скрелина М. М. Хрестоматия по истории французского языка. М., 1981. С. 13.

В. Н. Бурчинский
(Горький)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕФИКСЫ КАК КОНСТИТУЕНТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ

Концепция функционально-семантической категории (ФСК) подразумевает объединение разнородных элементов на основе инвариантного и функционального принципов и их сочетания. В ФСК входят взаимодействующие и связанные семантико-функциональной общностью элементы, относящиеся к разным уровням языка, имеющие грамматический, лексический или словообразовательный характер, поэтому ФСК может трактоваться как комплексная категория¹.

Средства, способные выразить идею отрицания в современном французском языке, разнообразны. Это грамматические

форманты, лексико-грамматические средства в форме простого или сложного отрицания, предлоги, сложные союзы. К отрицательным средствам относят и лексические единицы со значением отрицания, а также словообразовательные префиксы.

Общим инвариантом для всех средств отрицания является сема «отрицание». Однако реализация общей функции может быть различной в зависимости от принадлежности средств отрицания к тому или иному уровню. Так, грамматические средства устанавливают отрицательную связь между элементами высказывания, а отрицательные префиксы образуют новую лексическую единицу, участвуя в формировании семантической структуры предложения, отражающего данную денотативную ситуацию.

Объем значения отрицательного префикса широк. Однако многие префиксы полисемичны и омонимичны, поэтому определить их отрицательную функцию порой трудно. Наиболее широко принята следующая формулировка: отрицательный префикс — это «приставка, сообщающая слову значение, противоположное тому, которое выражается основой»². Но и она слишком общая и недостаточно точная, так как, пользуясь ей, к отрицательным префиксам можно отнести префиксы не только с отрицательным, но и реверсивным, привативным и другими значениями.

Введение и однозначное оперирование терминами «противоположные понятия» (между которыми возможно третье, среднее и которые не только отрицают друг друга, но и несут в себе нечто положительное, например *белый* — *черный*) и «противоречащие понятия» (между которыми нет среднего промежуточного понятия, которые исключают друг друга, например *белый* — *небелый*)³ поможет разобраться в характере общности грамматических и лексических средств отрицания и уточнить границы отнесения префиксальных средств к ФСК отрицания.

Синтаксическим отрицанием обуславливается противоречащее значение, устанавливается семантическая отрицательная связь («разъединенность») между элементами высказывания: *он пришел* — *он не пришел*. Словообразовательные же префиксы могут создавать как противоположные (*faire* — *défaire*), так и противоречащие значения (*plaire* — *déplaire*). Для концепции ФСК основополагающими являются функциональный и семантический признаки конститuentов, поэтому отрицательными будем называть префиксы, которые способны сообщать основе противоречащее значение в употреблениях, реализующих это значение. Только в таком случае грамматические и словообразовательные элементы соотносятся семантически и функционально.

Критерием выделения отрицательных префиксов может служить семантический анализ производного слова и производящей основы. Если сравниваемые понятия имеют противореча-

щие значения, можно считать значение префикса отрицательным (possible — impossible). Более точным методом определения отрицательного значения префикса является метод трансформации. Преобразовывая конструкцию, содержащую слово с отрицательным префиксом, в конструкцию с грамматическим отрицанием, будем считать значение префикса отрицательным, если обе конструкции, отличаясь друг от друга по структуре, семантически остаются эквивалентными⁴: Le petit rire du docteur *déplut* à Philippe... (M. de Saint Pierre) → Le petit rire du docteur *ne plut pas* à Philippe.

Рассмотрим употребление отрицательных префиксов с разными частями речи. Большинство префиксов, при помощи которых образуются глагольные противочлены, не отвечают необходимым требованиям для их включения в ФСК отрицания, так как невозможно выделить в префиксе сему «отрицание», не образуется пара противоречащих значений, а также невозможно осуществить трансформацию, употребив грамматические средства отрицания с беспрефиксной основой (*désarmer* ≠ *ne pas armer*), отсутствует функциональная соотносимость с грамматическими средствами отрицания.

Потенциально отрицательные префиксы полисемичны. Префикс *dé-* (*des-*) может обозначать снятие (*desherber*, *détartre*), обратное действие (*défaire*) и т. д. *Mé-*, *mal-* часто антонимичны *bien*: *médire*, *maltraiter*. *Non-* перед глаголом встречается редко, почти исключительно в субстантивированных образованиях: *non-être*, *non-recevoir*, *non-savoir*. Для глагола не характерно использование префиксов с отрицательным значением. Противочлены с противоречащими значениями, которые могут быть трансформированы в отрицательную синтагму с грамматическими средствами отрицания, редки: *méconnaître*, *mésestimer*; *désapprouver*, *désobéir*, *déplaire* и др.⁵

Отрицательные префиксы широко используются при образовании существительных. Однако распространение этих префиксов различно. Некоторые: *mé-* (*mes-*); *dé-* (*des-*); *a-* (*an*) — дали только несколько существительных, напр.: *mésentente*, *désordre*, *désapprobation*, *asymétrie*.

In- в новых образованиях выражает преимущественно отрицательное значение. Существительные с *in-* чаще всего образованы от прилагательного с суффиксом. В зависимости от того, образуется ли беспрефиксное существительное от основы прилагательного, используются разные трансформационные конструкции для проверки отрицательного значения префикса (функциональной соотносимости с грамматическими средствами отрицания): *Impossibilité* → *le fait de ne pas être possible*; *inconfort* → *le fait de ne pas avoir de confort*. Формальная пара существительных не всегда соответствует семантической паре. Существительное с отрицательным префиксом, в котором последний сохраняет отрицательный характер, может отрицать

только одно значение положительного существительного (*action/inaction, conduite/inconduite*) или приобретает дополнительные значения (*justice/injustice; prudence/imprudence; il a commis une imprudence*). Существительное с *in-* теряет переходность, которую мог иметь его положительный противочлен. Семантически существительное с *in-* указывает только на состояние, а без *in-* — на состояние и на действие: *satisfaire les désirs* → *la satisfaction des désirs*, но * *insatisfaction des désirs* ⁶.

Существительные с префиксом *non-* все чаще встречаются в современном французском языке ⁷. Тенденция к замене *in-* на *non-* в отрицательных существительных усиливается. *Non-* всегда придает основе противоречащее значение, переосмысления значений новообразований не происходит, не возникает дополнительных оттенков значений. Научный язык предпочитает термин с *non-*: *non-réalité; irréalité* может иметь дополнительное аффективное значение. Отрицание с *non-* всегда возможно, когда не существует формы с *in-*: *non-accord*. Язык предпочитает *non-* в случае отрицания существительного, выражающего процесс, чтобы сохранить его переходность.

При употреблении *non* с существительным безошибочным формальным признаком, отличающим *non-*префикс от *non* — формы простого отрицания, является его положение по отношению к артиклю. *Non* между артиклем и существительным — отрицательный префикс ⁸, создающий новую лексическую единицу: ... *les non-anarchistes préféraient avoir affaire à lui* ... (Malraux).

Наибольшее распространение среди префиксов с отрицательным значением, используемых для образования прилагательных, получили префиксы *in-* и *non-*; роль других префиксов незначительна и ограничивается отдельными единицами, напр.: *mécontent, maladroît, anormal, désagréable, discontinu*. Эти прилагательные могут быть заменены отрицательной глагольной синтагмой.

Префикс *in-* с отрицательным значением используется с простыми прилагательными, потенциальными прилагательными, с *participes passés, participes présents*.

Простые прилагательные (т. е. прилагательные без суффиксов), не имеющие лексических противочленов, образуют оппозиции типа *égal/inégal, utile/inutile*. Потенциальные прилагательные могут существовать виртуально от переходного глагола, употребляются в пассивных конструкциях с модальностью *puvoir*, выражаемой суффиксом *-ble*: *ce texte est intraduisible* = *ce texte ne peut pas être traduit* ⁹.

Употребление отрицательных потенциальных прилагательных лимитировано именной синтагмой (не могут сопровождаться *par*: * *illisible par...*). Использование *participes passés* и *participes présents* с отрицательным префиксом ограничивается незаконченными пассивными предложениями, в которых они имеют

значение прилагательных: ... il restait *intraitable* (Faure); Sa mort ... passa à peu près *inaperçue* (Benoit); ... le tourisme le laissait *insatisfait* (Faure), но *il était *insatisfait* de tourisme. Прилагательные, образованные от глагольной основы с помощью грамматических средств отрицания, реализуют функцию «разъединения», выражая отрицательную семантическую связь между существительным и всей группой прилагательного (причастия), носящего глагольный характер: C'étaient des dépenses *non* limitées par le gouvernement или C'étaient des dépenses qui *n'étaient pas* limitées par le gouvernement.

С префиксом *in-* конкурирует *non-*, неизменяемый в любом контексте и не вызывающий изменения значения самого прилагательного. Этот способ словообразования соответствует тенденции к наименьшему сопротивлению¹⁰. В образованиях с *non-* идея отрицания выражена отчетливо, образования же с *in-* не исключают дополнительного эмоционального значения, могут быть использованы метафорически (*quelle aventure impayable!*). С префиксом *non-* не существует ни вторичных, ни парасинтетических образований, т. е. прилагательное с префиксом образует всегда пару с прилагательным без префикса.

Pas перед прилагательным, не имеющим связи со сказуемым (прилагательное синтаксически выполняет роль определения), функционально эквивалентно отрицательному префиксу, участвует в формировании значения прилагательного: ...elle portait des chaussures usées, et une blouse de ménage *pas* propre (Triolet); Toujours le même vieux ... dans son habit noir *pas* broissé (Guilloux). В других случаях *pas* выражает отрицательную семантическую связь между элементами высказывания.

С отрицательным префиксом *in-* встречаются только наречия на *-ment*, образованные от отрицательных прилагательных с *in-*. Это всегда вторичные образования: *incessant* → *incessamment*, *inconscient* → *inconsciemment*. Наблюдается тенденция к исчезновению наречий этого типа. Новые образования, прежде всего от отрицательных потенциальных прилагательных, кажутся теоретически возможными, но практически не встречаются¹¹.

Таким образом, словообразовательные отрицательные префиксы являются полноправными конституентами ФСК отрицания на основе семантической и функциональной общности с другими средствами отрицания.

К отрицательным относятся префиксы, способные сообщать основе противоречащее значение и только в тех случаях, когда это значение реализуется. Критерием выделения отрицательных префиксов может служить возможность трансформации в конструкцию с грамматическими средствами отрицания при сохранении семантической эквивалентности. Понятие «отрицательный префикс» для французского языка явление скорее синтагматики, так как в парадигматике данные формы полисемичны. Исключение составляет префикс *non-*, который входит и в словообра-

зовательную парадигму, и в группу форм простого отрицания.

Отрицательные префиксы синонимичны, различаются преимущественной сочетаемостью с той или иной частью речи, продуктивностью, стилистической маркированностью. Для глагола и наречия использование словообразовательных префиксов с отрицательным значением не характерно. Существительные и прилагательные образуют отрицательные противочлены преимущественно с помощью префиксов *in-* и *non-*. При определенных условиях в качестве префикса прилагательных может выступать также *pas-*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971. С. 10.

² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 352.

³ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 486—487.

Эти термины логики получили распространение и в лингвистике, ср. напр.: Апресян Ю. Д. Лексические антонимы и преобразования с ними // Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973. С. 328.

⁴ Ср.: Новиков Е. А. Аффиксы современного немецкого языка со значением отрицания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.

⁵ См.: Kalik A. La caractérisation négative // Le français moderne. 1971. N 2. Gaatone D. Etude descriptive du système de la négation en français contemporain. Genève, 1971; Dubois J. Grammaire structurale du français: le verbe. P., 1967.

⁶ См.: Gaatone D. Op. cit. P. 19.

⁷ Некоторые цифровые данные см.: Kalik A. Op. cit. P. 142; Pinchon J. Les préfixes négatifs *in-*, *non-*, *a-* // Le français dans le monde. P., 1971. N 83. P. 46.

⁸ *Non*, стоящее перед существительным с артиклем, реализует функцию «разъединения»: Mais aussi une tendance naturelle ... à trouver en toute paire non l'association mais le duel (H. Bazin). *Pas* перед существительным всегда реализует функцию «разъединения», отделяется от существительного артиклем, предлогом *de*, местоимением.

⁹ См.: Dubois J. Op. cit. P. 145.

¹⁰ См.: Kalik A. Op. cit. P. 144; Pinchon J. Op. cit. N 80. P. 44: "non est plus "maniable" que ses concurrents".

¹¹ См.: Gaatone D. Op. cit. P. 20.

А. Г. Турбин
(Челябинск)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УРОВНЕЙ ЯЗЫКА И РЕЧИ: ВЫЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА

Валентность и сочетаемость традиционно привлекают пристальное внимание ученых. Оба понятия нередко рассматриваются в тесном взаимодействии. Широко распространено такое их понимание, при котором второе является составной частью первого, соотносясь с ним, как вид с родом. Так, валентность трактуется как совокупность возможных синтаксических связей глагола, с учетом синтаксической функции каждого из присоединяемых элементов (актантов, по Л. Теньеру), а также их

принадлежности к определенной семантико-грамматической группировке — одушевленным, неодушевленным и т. п.¹ В других исследованиях, начиная с Л. Теньера, валентность понимается более узко, как совокупность двух из трех указанных выше характеристик². Не менее широк и спектр понимания сочетаемости: в одних работах сочетаемостью называют явление, трактуемое выше как валентность в широком смысле³, в других — только семантико-грамматический характер окружения⁴. В нашей работе речь пойдет о сочетаемости в последней трактовке.

Имея сходные содержательные параметры, валентность и сочетаемость отличаются также приблизительно одинаковым способом установления и описания, при котором учет всех возможных функциональных характеристик глагола сопровождается выявлением их регулярного характера. Изучение валентных и сочетаемостных характеристик привело к составлению многочисленных словарей, а также других изданий, которые фиксируют указанные свойства глагола, что дает основание считать их относящимися к уровню системы языка⁵.

Несмотря на теоретическую и практическую значимость словарей и пособий, их недостаток в том, что валентность и сочетаемость трактуются в них лишь с речевой стороны — как совокупность всех возможных употреблений; различий между основными и второстепенными характеристиками глаголов не делается. Однако общеизвестно, что многие глаголы имеют потенциальную способность соотноситься практически с неограниченным количеством элементов, которые и составляют периферию сочетаемости глагола. Одни характеристики подобного рода зарегистрированы в словаре и отмечены в пособиях, другие нет (что в определенной степени снижает их информативную ценность). Так, ни в одном словаре не приводится употребление глагола *boire* с постглагольным элементом — одушевленным: *Regarde-moi cette fille ... le garçon à droite, elle le voit* (Merle). Это говорит о том, что не все даже зафиксированные в словаре употребления в равной степени регулярны для данного глагола: некоторые из них малоупотребительны или окказиональны. Следовательно, их нельзя отнести к системному уровню из-за недостаточной четкости статуса.

Основной акцент в изучении глагольной сочетаемости с целью ее описания должен быть сделан не только и не столько на выявление возможных употреблений, сколько на установление преимущественной сочетаемости глагола, определение некоего сочетаемостного ядра, или инварианта, как стержня сочетательной способности данного глагола. Этот же принцип должен быть и в основе составления словарей сочетаемости переходных глаголов.

Задача определения основной сочетаемости не была бы так сложна, если бы с самого начала можно было определить, какие категории (какого характера и ранга), выявляемые в имен-

ных элементах, наиболее релевантны для глагольной сочетаемости⁶, а затем — какой именной элемент преимущественно сочетается с тем или иным глаголом. Характер преобладающего элемента выражается многими формально-синтаксическими признаками, в первую очередь — частотой его употребления при данном глаголе. Если учесть, что наиболее слабая воспроизводимость постглагольного элемента при функционировании отражает сильную «устойчивость» на уровне системы, то искомый элемент можно определить, проделав так называемую трансформацию стирания: *il tua son ennemi* → *il tua*⁷.

Наиболее четко элементы преимущественной сочетаемости устанавливаются при операции обратного характера — восстановлении стертого элемента, избыточного в определенных контекстных условиях⁸. Категориальные характеристики последнего выявляются при соотнесении с антецедентом (реже постцедентом), что позволяет представить их на формально-синтаксическом уровне, ср.: *Quel mal j'ai eu, Simon ... Je t'expliquerai* (Gibeau). → *Quel mal j'ai eu, Simon... Je t'expliquerai ce mal*. Реконструкция правого окружения глагола *expliquer* осуществляется путем корреляции с антецедентом — словом *mal*.

Последовательное применение метода восстановления позволяет выявить семантико-грамматический характер элементов, составляющих основу преимущественной сочетаемости глаголов. В первую очередь, это элементы одушевленные и неодушевленные. Характер элемента, восстанавливаемого на уровне одушевленности/неодушевленности, достаточно ясен даже при отсутствии эксплицитного антецедента: *Je parlais de la femme qui avait appelé par la fenêtre (Simenon)* → ... *La femme qui avait appelé qn par la fenêtre (-animé)*; *Nora, près d'une lampe, fumait (Simenon)* → *Nora, près d'une lampe, fumait qch (-inanimé)*.

Путем восстановления постглагольного элемента можно обнаружить и другие значения — конкретность, абстрактность и вещественность, являющиеся результатом дальнейшего дробления неодушевленности: *Il y avait des jours, où on allait badigeonner à Censier (Decoin)* → *On allait badigeonner des murs, des maisons (-concret)*; *C'est bien possible, dit le medecin. Il n'acheva pas (Merle)* → *Il n'acheva pas sa phrase, sa parole (-abstrait)*; *S'il lui prenait idée de boire, elle le regardait avec indulgence (Simenon)* → *S'il lui prenait idée de boire du vin, de la vodka (nom de matière)*.

Свойство глагола сочетаться по преимуществу с тем или иным элементом: одушевленным (An), неодушевленным конкретным (Concr), неодушевленным абстрактным (Abstr), неодушевленным вещественным (Mat) — можно квалифицировать как постоянную, регулярную характеристику системного характера, не зависящую от условий функционирования, хотя и выявляющуюся функциональным путем. Учет основной сочетаемо-

сти всего корпуса переходных глаголов позволяет наметить классификацию, в основе которой лежат сочетаемостные модели либо их варианты⁹:

1. Одушевленный элемент — глагол — неодушевленный элемент (Na — V — Ni):

а) одушевленный элемент — глагол — конкретный элемент (Na—V—Ni concr): Il prit un paquet de tabac gris dans sa poche (Gibeau);

б) одушевленный элемент — глагол — абстрактный элемент (Na—V—Ni abstr): Emilie et Belette n'avaient pas prononcé une parole (Aymé);

в) одушевленный элемент — глагол — вещественный элемент (Na—V—Ni mat): Pierre but un grand verre de vin blanc (Prédaille).

2. Одушевленный элемент — глагол — одушевленный элемент (Na—V—Na): Alors, cette nuit on n'a tué personne? (Simenon).

К первой группе относятся глаголы *faire, donner, prendre, mettre, poser, manger, boire, demander, dire, pousser, bâtir, brûler, accrocher, savoir, connaître, voir, entendre, écouter, regarder*. Вторую группу составляют глаголы *tuer, blesser, violer, entraîner, mener, saluer, remercier, congédier, aimer, hair, détester*.

Описанная характеристика переходных глаголов отражает их сочетаемостные свойства, так сказать, по горизонтали, есть и параметр сочетаемости, отражающий указанное свойство по вертикали. Речь идет о том, что именной элемент, с которым сочетается тот или иной глагол, кроме семантико-грамматического характера, обладает и функциональным. На это указывают значения определенности, неопределенности, указательности, повторяемости и т. д., выражаемые артиклями и иными детерминативами и образующие единый категориальный ряд (номенклатуру) детерминированности. Полная номенклатура указанных значений и их иерархия устанавливаются на основе метода восстановления стертого элемента в постглагольной позиции. Восстановление производится в контекстах с дистанцией (незаполненной) позиции элемента от антецедента, что обеспечивает различный характер детерминированности элементов. Применение «принципа расстояния» сочетается со смысловыми трансформациями.

Наиболее тесно позиция стертого элемента связана с антецедентом экстралингвистического характера (референтом), существующим только в данном акте речи и опирающимся на дейкис: *Tu accepterais un prêt de Bouchute, et pas de moi!.. Allons, prends (secouant les billets au bout de son bras) (Merle)*. Трансформация сигнализирует нам о наличии значения указательности в восстановительном элементе: *Allons, prends ces billets*.

В языковых типах контекста позиция стертого элемента в большей степени удалена от antecedента, чем в экстралингвистическом. Восстановление осуществляется здесь путем субституции с опорой на категории antecedента: A ma droite, un garçon, connais pas (Merle).→ A ma droite, un garçon, je ne le connais pas.

В следующем типе контекста, также языковом, анализируемая позиция находится от своего antecedента на расстоянии столь значительном, что при трансформации восстанавливается существительное с определенным артиклем, свободно замещаемое придаточным предложением: Un des agents, celui qui écrivait, jeta un coup d'œil (Simenon).→ Un des agents, celui qui écrivait le procès-verbal, la liste etc.→ Un des agents, celui qui écrivait ce qu'on lui avait ordonné...

Наконец, стертая позиция не имеет корреляции с реальным языковым antecedентом, вследствие чего восстановление производится только по сочетаемости глагола: Quelques femmes seules... chassaient au coin de la rue Brey (Simenon).→ ... Chassaient les clients au coin de la rue Brey. В результате трансформаций детерминированность именных элементов может быть представлена в виде таблицы:

Формальные элементы-определители и их значения	Формальные элементы-заместители и их значения
ce (+N) (значение указательности)	—
—	il, elle, le, la, les (значение повтора)
le (+N) (значение определенности)	—
un (+N) (значение считае-мой неопределенности)	—
le (+N), du (+N), de (+N) (значения обобщенности, не считае-мой неопределенности, отсутствия референта)	—

Выделенные элементы относятся к наиболее прогнозируемым. В их характеристиках выражается субъективное восприятие говорящим основных именных сущностей (многие другие понятия, например притяжательность, являются производными от указанных выше), видение данного элемента говорящим субъектом. Номенклатура демонстрирует все возможные ступени этого видения — от значения наиболее детерминированного (указательность) к наименее детерминированному. Элемент первого уровня сигнализирует о наличии референта в непосредственной близости от говорящего и соотносится с конкретным актом высказывания. Элементом второго уровня отмечается референт, не находящийся в сфере непосредственного внимания субъекта, но упоминаемый в тексте. Характеристика третьего уровня качественно сходна со второй, но восстановленный элемент взаимодействует с antecedentом, восприятие которого субъектом менее явно. Эти значения следующим образом толкуются в перифразах: 1) указательность: *se (+N)* — «этот, тот, что я вижу здесь, сейчас»; 2) повторяемость: *il, le* — «он, указанный предмет»; 3) определенность: *le (+N)* — «тот предмет (явление), о котором речь шла ранее». Последним параметром характеризуется референт, неопределенность которого не дает возможности эксплицитной интерпретации.

Итак, номенклатура отражает весь комплекс возможных presupпозиционных характеристик одного и того же элемента. Выявляясь функционально, она тем не менее остается регулярной, независимой от конкретных условий функционирования, системной по характеру. Она сопоставима со всеми переходными глаголами, каждый из которых употребляется либо с элементами-показателями всех указанных значений, либо с какими-то из них, и в этом смысле универсальна. Соотнесение выделенных глагольных групп с данным универсальным рядом позволяет уточнить второй параметр сочетаемости каждого из глаголов, относящихся к названным группам. Проведение работы такого рода — объект более подробного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Caput J. et J.-P.* Dictionnaire des verbes francais. P., 1969.

² *Tesnière L.* Eléments de syntaxe structurale. P., 1959; *Helbig G., Schenkel W.* Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, 1978.

³ *Гаврилова Л. И., Шигаревская Н. А.* Сочетательные связи французских глаголов. М., 1978.

⁴ Сочетаемость в данной трактовке лежит в основе ряда работ, выявляющих зависимость глагольной семантики от семантических характеристик элементов окружения; см., напр.: *Скредина Л. М.* Изменение валентных свойств фундаментальных глаголов французского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1971; *Брускова Л. Н.* К проблеме глагольного значения в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974; *Ленца А. Л.* Функционально-семантическая характеристика глагола avoir в современном французском языке. М., 1975.

⁵ См.: *Dictionnaire du francais contemporain*. P., 1971; *Caput J. et J.-P.*

Ор. cit.; *Helbig G., Schenkel W.* Ор. cit.; *Бурлаков М. А., Дречевич И. Е., Ми-
раи М. А.* Сто трудных французских глаголов. М., 1980; *Гаврилова Л. И.,
Шигаревская Н. А.* Указ. соч.

⁶ На сложность проблемы указывает отсутствие единого мнения о под-
разделении имен на семантико-грамматические группировки (подклассы).
См., напр.: *Илия Л. И.* Очерки по грамматике современного французского
языка. М., 1970; *Басманова А. Г.* Именные грамматические категории в со-
временном французском языке. М., 1977; *Гак В. Г.* Теоретическая грамма-
тика французского языка: Морфология. М., 1979.

⁷ *Dubois J.* Grammaire structurale de français: le verbe. P., 1967.

⁸ *Турбин А. Г.* Глаголы неполной предикации в современном француз-
ском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. С. 7—10.

⁹ *Скредина Л. М.* Указ. соч. С. 7—8.

Э. Ф. Махова
(Свердловск)

КОНТРАСТ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРОЯВЛЕНИЯ ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ

(к вопросу эстетической терминологии
в ее лингвистическом аспекте)

Эстетический термин представляется малоизученным с лингви-
стических позиций. Как специальное понятие эстетики эстетиче-
ский термин должен обнаружить специфичность ее фундамен-
тальных категорий, заключающуюся в том, что эти категории
существуют в единстве противоположностей, ср.: «прекрасное»
и «безобразное», «трагическое» и «комическое» и т. д. Очевидно,
понятия, выражающие в конкретном речепотреблении личности
(класса или общества) суть «прекрасного» (ценность), в пол-
ной мере раскрываются лишь в противоположных понятиях, вы-
ражающих «безобразное» (антиценность). Исключая друг друга,
они предполагают друг друга. Естественно предположить, что
тексты, имеющие в определенной части своего содержания вы-
ражение эстетического отношения, а в своей логической струк-
туре противопоставление, должны выявить специфику эстетиче-
ского термина в его лингвистическом аспекте.

Явление контраста как одно из выражений категории про-
тивоположности, изучающей противоречивые стороны действи-
тельности, представляет собой многоаспектное явление¹. В дан-
ной работе контраст рассматривается как структурный элемент,
свойственный текстам импрессивного и информативного ряда
(термин В. Флейшера), имеющим в своей логической организа-
ции композиционно-речевую форму (КРФ) «рассуждение». Дело
в том, что противопоставление есть один из глубинных семанти-
ческих признаков «рассуждения» наряду с каузальностью, ком-
паративностью и дизъюнкцией². Именно «рассуждение» лежит
в основе анализируемых проблемно-критических статей, так как
инвариантом структурного содержания здесь выступают при-
чинно-следственные отношения, а инвариантом предметного со-
держания — проблема, что и составляет в совокупности суть
этой КРФ³.

Анализ и критика как составные элементы содержания жанра «проблемно-критическая статья» предполагают наличие оценки. Авторы исследуемых статей по вопросам театрального искусства⁴, искусства живописи и скульптуры высказывают в ходе обсуждения проблемы отношение к объекту эстетического восприятия (ОЭВ) сообразно своей системе эстетических ценностей, выражающей их понимание идеи «прекрасного» и «безобразного»⁵.

В данной работе анализировались противопоставления, содержащие оценку с позиции признания ценности реалистического искусства (тот факт, что идея «прекрасного» этой категорией не исчерпывается и может не содержать ее, например в антиискусстве, к задаче этой статьи не имеет отношения). Понятие «реалистический», как и любое другое, отражает познанные человеком существенные признаки явлений реальной действительности. Известно, что содержание и объем понятий меняются по мере углубления знаний людей о внешнем мире⁶. Одним из способов уточнения объема этого содержания является рассмотрение его в нескольких временных пластах (в аспекте диахронии) и в каждом — в связях и отношениях с другими понятиями.

Одним из основателей реалистического понимания искусства считается выдающийся просветитель Германии XVIII в. Г. Е. Лессинг. Сам Лессинг слово «реалистический» еще не употребляет. Однако, как показал анализ оценочных суждений в его «Гамбургской драматургии»⁷, высшей эстетической ценностью для Лессинга является понятие «правда» и синонимичные ему понятия «естественный» и «жизненный» (общая сема «соответствие действительности»), что и составляет в настоящее время суть понятия «реалистический»⁸. В эстетике Лессинга эти понятия раскрывают идею «прекрасное», становясь эстетическими терминами. Почему терминами? Известно, что термин как единица языка служит для выражения определенной идеи, служит средством научного познания⁹. Является ли понятие, выражающее идею «прекрасное», термином? Марксистско-ленинская эстетика признает познавательное значение «прекрасного»¹⁰. В терминах лингвистики это, следовательно, означает, что все понятия, включаемые словоупотреблением личности в дизъюнктивную формулу «это прекрасно/безобразно», выражают эстетическое отношение к ОЭВ, раскрывают абстрактную идею «прекрасное/безобразное» и, как следствие, становятся терминами. Они несут в себе отрицательный или положительный ценностный заряд на основании положения марксистско-ленинской эстетики: эстетическое отношение всегда ценностно, другими словами, ценностное отношение полярно по своей природе, оценка, даваемая ОЭВ, либо положительная, либо отрицательная¹¹. Факт существования такого закона делает очевидным следующее: текст, содержащий оценки противопоставленных

ОЭВ, представляет собой контрастный контекст, где на концах синтагматической оси стоят исключаящие друг друга в ценностном отношении понятия. В этом смысле контраст — идеальный способ выяснения эстетических вкусов оценивающего субъекта, ср.: «Это настоящая кузница циклопов (речь идет о картине А. Менцеля «Железопрокатный завод». — Э. М.), но нынешних правдивых, а не выдуманных, не идеальных» [5, 269]. Понятие «идеальный», поставленное в один логический ряд с отрицательным понятием «выдуманный» и противопоставленное понятию «правдивый», актуализирует сему «существующий в воображении», «недействительный», становясь отрицательно заряженным. Исследование оценки под таким углом зрения дает возможность проследить механизм, регулирующий выражение эстетической оценки в тексте, и вместе с тем определить специфику эстетического термина.

Анализ полемических статей Лессинга подтвердил полярность оценок в его эстетической лексике. Регулятивом выражения оценки выступает ценностная доминанта «правда» с главной семой «соответствие действительности», проявляющая в противопоставленных понятиях противоположную сему, вследствие чего они получают отрицательный заряд, раскрывая суть антиценности «безобразное». В контекстах, где реализуется это значение, речь идет о неправдоподобной игре актеров, о немотивированных поступках персонажей пьесы, о неестественных жестах, интонациях актеров, ср.: *фантазия, невероятный, неправдоподобие, иллюзия, чудесный* (сема «мистический», т. е. нереальный), *чудовище* (сема «нереальное существо»), *романтический* (сема «не соответствующий реальному положению вещей»), *монстр, кровожадная бестия, медведица, людоедка* (сема «неправдоподобный»), *приключенческий, марионетка* (сема «нестественный», а следовательно, «неправдоподобный»), *холодный* (сема «безжизненный»), *машина* (как воплощение бездушия, безжизненности) и т. д.

В эстетических оценках современников Лессинга идея «прекрасное» также выражается понятиями «правда», «естественность», «чувство» (как «искренность»). Противопоставление ОЭВ создает для оценок ОЭВ своеобразное силовое поле, на одном конце которого сосредоточиваются понятия со знаком плюс (они выражают ценность), на другом — понятия со знаком минус как выражение антиценности.

Так, для И. Винкельмана [5, 47] прекрасна природа «без примеси воображения» (сема «соответствие действительности») и все, что «правдиво», а для И. Гердера и А. Шлегеля, сравнивающих трагедии греков и трагедии Сенеки¹², — «поэзия чувства и сердца» (потенциальная сема «искренность»), а также «глубочайшая истина». Однако для них неприемлем «высокий идеал» (как нечто воображаемое) и все, «что выходит за пределы действительного и достигает чудесного» (сема «нереальный»), а

также искусственная и головная» («рациональная») поэзия Сенеки, представляющая «пустую гиперболу» (сема «неправдоподобный»).

Анализ работ зарубежных и русских искусствоведов XIX века, для которых реальное в искусстве — ценность, подтверждает указанную закономерность: механизм адаптации понятий к оцениванию покоится на актуализации ими семы «соответствие/несоответствие» действительности, другими словами — «реальный нереальный»¹³, ср.: «Чувствуешь себя в реальном городе, населенном горожанами и крестьянами ... Более рассудительные, более отрешенные от реальных вещей флорентинцы создали идеальный и абстрактный мир за пределами нашего» [5, 130].

Понятия «абстрактный» и «идеальный», актуализируя в противопоставлении сему «существующий в воображении» (нереальный), становятся отрицательно заряженными. Приводимые ниже оппозиции демонстрируют регулирующую функцию основной семы ценностной доминанты, которая извлекает из противопоставленных понятий противоположную сему согласно своей коммуникативной задаче: обозначить, придавая знак минус, как эстетически неприемлемое все, что противостоит ей. Итак, в исследуемых статьях противопоставляются: реалисты — романистам с их *выдуманнными* и *ходульными* произведениями¹⁴; *реальная жизнь* — *идеальной жизни* [14, 187]; поразительно *реальная правда* — *идеально-прекрасному* [5, 49]; *правдивое* — *выдуманному идеализированному* [14, 269]; *реальный город* — *идеальному и абстрактному миру* [5, 130]; *истина действительности* со всеми ее неправильностями — *неправде с прибранными* и *подсахаренными* персонажами картин [5, 413]; глубина *щемящей народной действительности* — *помыслам о чем-то идеальном* в искусстве [5, 430]; *искреннее* отношение — *лжи*, раскрывающейся в последующих рассуждениях автора как *ярмарочный апофеоз*, как *паточность*, как *сны* и *аллегии* [5, 396—402]; *правда* — *лживому фольговому* (сема «ненастоящее») наравлению, *лжетурчанкам*, *лжеримлянкам*, *лжерусским*, *лжебогам* и *лжелюдям* [5, 412—416]; картина ... с ее беспредельной *правдивостью* — картинам, полным *лжи* и *выдумки* [5, 413].

Синхронический срез эстетической лексики проблемно-критических статей XX в. сделан нами из противопоставлений различных ОЭВ, интерпретируемых современными искусствоведами. Например, противопоставляется искусство Амарны скульптуре Саисского периода¹⁵, византийская живопись комниновской эпохи — реалистическому искусству эпохи Палеологов, «ведута» как главная формула пейзажного мышления XVIII в. — реалистическим пейзажам К. Коро, исторические картины Д. Энгра — его портретам как воплощению реалистических стремлений во французском искусстве, картины Констебля — его реалистическим этюдам (вся статья о Констебле построена на контрастах оценок). Анализ оценок обнаруживает в активе эстетической

лексики со знаком плюс/минус новые понятия, значительно расширяющие представление о «правдивом»/«фальшивом» в искусстве, однако критерий оценивания: соответствие действительности (как соответствие правде, природе, жизни) доминирует и по-прежнему регулирует отбор лексики для выражения оценок.

Следующие контрасты обнаруживают (как и приведенная выше эстетическая лексика из текстов XVIII и XIX вв.) ценностную несовместимость, основанную на актуализации противоположных сем, ср.: «реалистический»/«нереалистический», ибо ведущей идеей является идея *трансцендентализма* (сема «сверхъестественный»), облакаемого в форму строго *фиксированной иконографии* (сема «схематичность», и, как следствие, «неестественность»), с архитектурными зданиями, уподобляемыми *фантастическим* (сема «существующий в воображении») *декоративным* кулисам (сема «ненастоящность», т. е. «фальшивость») [5, 63]; пейзаж *очеловечен* (т. е. живой), природа *приветлива* (т. е. живая) — изображать *бесстрастно* и *холодно* (сема «безжизненный») [5, 251]; передать *без всякой идеализации* (т. е. правдиво) индивидуальные особенности лиц, *естественность* и простоту, дать *меткую* (правдивую) *спокойную* характеристику изображенных людей — но исторические картины *надуманные* (т. е. фальшивые), *холодные* (т. е. «безжизненные»), скучные, а иногда полные *манерной театральности* (т. е. неестественны) [5, 234—235]; своим дыханием заставляет *жить...—...бумажные облака* (сема «ненастоящие»); произведение искусства исчезает (сема «выражение чувства») — остается *топографический* документ (сема «рассудочность») [5, 243, 244]; несравненная грация, легкость, лучезарность (сема «чувство» как суть поэтического) — все сводится к *инвентаризации* трилистников, шпилей, кровель (сема «рациональность») [5, 245].

Анализ указанных оппозиций в аспекте лексических связей выявил следующие отношения: сравнение трех пластов эстетических терминов по вертикали (проблемно-критические статьи XVIII, XIX и XX вв.) делает очевидным их синонимическое родство. Синонимичность одного вертикального среза основывается на наличии в понятиях общей семы «соответствие действительности». Кроме того, они все однозаряжены в ценностном отношении (имеют знак плюс), так как раскрывают идею «прекрасное» в одном из ее проявлений: прекрасно то, что соответствует правде, жизни, природе, действительности, ср.: *правда, правдиво, истина, природа без примеси воображения, реальный, истина действительности, глубина действительности, правда, жить* (об образах картины), *живой* и т. д.

Синонимичность другого вертикального среза основана на общей семе «несоответствие действительности (фальшь)». Составляющие его понятия раскрывают идею «безобразное» (антиценность) и поэтому имеют знак минус, ср.: *фальшивый, холодный, анахронический, романтический, идеальный, абст-*

*рактный, наигранный, лживый, ложь, подсахаренный, выдуман-
ный, неправдоподобный, искусственный, чудесный (мистический),
трансцендентальный, бумажный* и т. д. Некоторые из синони-
мов «неожиданны», так как находятся на периферии лингвисти-
ческого сознания реципиента, однако связи текста извлекают
из потенциала или интенционала противопоставленных понятий
сема, подтверждающие это родство, «узаконивающие» его, ср.:
бесчувственный, топографический, инвентаризация (общая сема
«рассудочность») и *чудовище, идеальный* (общая сема «имею-
щий место в воображении»).

Однако если по вертикали оценочные понятия — синонимы,
то в линейной последовательности (в синтагме) они антони-
мичны. Многие из этих ценностных антиподов — языковые
антонимы, ср.: *правдивый — выдуманный, реальный — чудесный*
(сема «иррациональный»); *истина — неправда (ложь)*. Другие
контрастивы не имеют регулярных оппозиций в узусе и высту-
пают в качестве окказиональных антонимов, ср.: *живой — хо-
лодный* (потенциальная сема «неживой»); *правдивый — иде-
альный* (как «нереальный») и т. д. Некоторые из них вне
контекста трудно даже «заподозрить» в возможности быть про-
тивопоставленными, ср.: *героический — бутафорский, картонный*;
по мнению автора, «героическое» может возникнуть только из
«реальных живых» человеческих чувств и большого идейного
содержания» [5, 236].

Здесь важно отметить, что закон о полярности эстетических
оценок определяет важное качество выявленной контрастом
антонимичности понятий: им свойственно отношение противо-
поставления, которое Х. Агрикола называет отношением или/
или (*enweder-oder-Relation-Komplementarität*)¹⁶. Часть этих
антонимов находится в отношении логического противоречия
(ложь — правда), а часть противопоставлена диалектически
(индивидуальность — типология, сущность предмета — краски
и т. д.).

Итак, явление контраста особенно отчетливо обнажает сем-
ный механизм языка, играющего роль своеобразного буфера,
благодаря которому язык при включении в речь приспособли-
вает языковые единицы для выражения любых оттенков мысли,
здесь — для оценивания и регистрации открываемых человече-
ским познанием положительных или отрицательных сторон ОЭВ.
Стабильность действия этого механизма доказывает срез эсте-
тической лексики в диахронии (тексты XVIII, XIX, XX вв.).

Кроме того, контраст представляет собой идеальный способ
выявления эстетической оценки, так как включает понятие в
дизъюнктивную формулу выражения эстетического отношения
«прекрасно/безобразно».

Актуализатором оценки в контрасте выступает основная
сема ценностной доминанты «реальный» и ее антипода «нере-
альный». Каждое из этих понятий создает своеобразное поле

гравитации: вокруг ценности «реальный» концентрируются понятия с семей «соответствие действительности» со знаком плюс, а вокруг антиценности «нереальный» — понятия с семей «существующий в воображении» со знаком минус. Эти противопоставленные друг другу связями текста понятия становятся эстетическими терминами, так как выполняют коммуникативную задачу: раскрывают идею «прекрасное/безобразное». Обязательное наличие ценностной семантики определяет специфику эстетического термина.

Каждый диахронический пласт эстетической лексики образует термосистему. Это открытая система: сюда гипотетически относятся все понятия, могущие обнаружить в своем потенциале или интенционале сему «соответствие/несоответствие действительности». Это универсальная система: она приемлема для всех, для кого понятие «реалистический» представляет эстетическую ценность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Андреева Г. В.* Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.

² См.: *Брандес М. П.* Стилистический анализ. М., 1971.

³ Исследуемые статьи не представляют КРФ «рассуждение» в чистом виде, она сменяется КРФ «описание» (описание пейзажей, портретов, картин и т. д.) и КРФ «констатирующее сообщение» (данные биографии художников, исторические ситуации и т. д.).

⁴ См.: *Лессинг Г. Э.* Гамбургская драматургия. М., 1983.

⁵ В работе анализируются тексты по кн.: Искусство. Живопись. Скульптура. Графика. Архитектура: Сб. статей / Сост. М. В. Алпатов. М., 1969. Ссылки на это издание даются с указанием порядкового номера примечания и страницы в книге.

⁶ См.: *Minina N.* Semantische Felder: Пособие по лексике немецкого языка. М., 1973.

⁷ См.: *Махова Э. Ф.* Оценка как содержательное свойство текста (на материале полемической статьи) // Проблемы лингвистической интерпретации художественного текста. Свердловск, 1982.

⁸ «Реализм в литературе и искусстве — художественный метод, заключающийся в правдивом отражении реальной действительности, ее глубокого существенного содержания» (Реализм // МСЭ. М., 1959. С. 958—962).

⁹ См.: *Головин Б. Н.* Терминология // *Березин Ф. М., Головин Б. Н.* Общее языкознание. М., 1979.

¹⁰ См.: *Столочич Л. Н.* Природа эстетической ценности. М., 1972.

¹¹ Там же.

¹² См.: *Ошеров С. А.* Сенека-драматург // Сенека Луций Анней. Трагедии. М., 1983. С. 352.

¹³ Новизна слова «реализм» для XIX в. заметна в его употреблении И. С. Тургеневым: «Конечно, «реализм» — уж если взять это слово — реализм некоторых подробностей изумителен» [5, 49].

¹⁴ *Плеханов Г. В.* Письма без адреса // *Плеханов Г. В.* Искусство и общественная жизнь. М., 1956. С. 182. Далее ссылки на это издание с указанием порядкового номера примечания и страницы в книге.

¹⁵ См.: *Павлов В. В., Ходжаши С. И.* Египетская пластика малых форм. М., 1985.

¹⁶ *Agricola Chr., Agricola E.* Wörter und Gegenwörter. Antonyme der deutschen Sprache. Leipzig, 1977. S. 14.

Известно высказывание В. В. Виноградова о том, что состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан с его содержанием и зависит от характера отношения к нему со стороны автора ¹.

В состав речевых средств входят графические, фонетические, лексические, морфологические и синтаксические единицы. Особенности фонемного слова, его звуковой формы, не нарушая коммуникации, способны нести самостоятельную, никакими другими единицами не передаваемую информацию. Живое или отраженное в письменном тексте индивидуальное произношение характеризует территориально-диалектную принадлежность, социальное происхождение, степень образования, профессию литературного персонажа. Приведем пример: So you' re the chap Lily's bin ssein so much of litely? Pleased to see you, Mr. Anderson, I'm shore. And 'ow d'you like our part of the world.

I'll warraut that's what she put you up to say. Not that you ain't right about the trees. Mike all the difference, don't they? ... You know Linstead.

You don't 'ave to call me sir! What d'you think I am — a schoolteacher. Any 'ow, 'ave Lily bring you round some Sunday for dinner. Can promise you a nice bit of roast beef, if you fancy it ².

Интонация, ударение, темп, высота звука — свойства речи, выразить которые на письме очень трудно. Однако художники слова в своих попытках передать звучание речи выработали специальные приемы, передающие индивидуальное произношение героев так же выразительно, как и эмоциональное состояние. Эти приемы, называемые графонами, на фонологическом уровне представляют собой искажение или нарушение орфографических норм, не несут изменений содержательного плана, но дают дополнительную информацию о социальных, территориальных, национальных характеристиках героя, его образовании, культурном уровне. Так, в приведенном тексте часты отклонения от произносительных норм: [ei] → [ɔi]: lately → litely, make → mike; [uə] → [ɔ:]: sure → shore; [ŋ] → [n]: seeing → seen.

Элизия — одна из самых частых модификаций в написании слов, например элизия [h]: anyhow — any'ow; have — ave. Причин подобных отклонений на фонологическом уровне две — лингвистическая и экстралингвистическая. Одна вызвана быстрой небрежной речью, другая — факторами лингвистическими, а именно существованием большого числа диалектов. В приведенном примере все говорит о диалекте кокни: и отклонения на фонологическом уровне, и упоминание пригорода Лондона Linstead, и предложение What d'you think I am a schoolteacher?

Фонетико-интонационный уровень языка не только отражает

внутренний и внешний мир, но и творит его, поскольку «звуковая игра» (особенно в художественном произведении), объединяя слова, близкие своей внешней формой, сообщают дополнительную информацию всему произведению. Так, известна звуко-техника Хлебникова, Маяковского, Цветаевой, придающая особый смысл произведению.

Рассмотрим с этой точки зрения отрывок из стихотворения английского поэта Альфреда Теннисона «The Lotos-Eaters»:

The charmed sunset lingered low adown
In the red West: thro' mountain clefts the dale
Was seen far inland, and the yellow down
Bordered with palm, and many a winding vale
And meadow, set with slender galingale;
A land where all things always seemed the same!
And round about the keel with faces pale,
Dark faces pale against that rosy flame,
The mild-eyed melancholy Lotos-eaters came!³

Музыкальность стихотворений Теннисона имеет несомненный индивидуальный акцент. Достигается это единством рифмы с ономотопеической организацией слов. Почти все рифмованные слова с медленным, мягким, вялым звучанием: употреблены преимущественно слова с долгими гласными звуками а:, i:, u:, э:, дифтонгами ei, ai, ou, согласными m, n, l, s, замедляющими движение стиха. Вместе с аллитерацией и ассонансом рифма придает всему стихотворению музыкальность, которая является отличительной особенностью поэзии Теннисона. Таким образом, музыкальность создается путем виртуозного выбора слов с определенными ассоциациями, поддержанными звуковой формой этих слов.

Теннисон пришел в английскую поэзию после Вордсворта, во второй половине XIX в., когда вместо неистового романтизма появляются пассивность и меланхолия. Эти перемены отражаются и в языке поэтов. Точность Вордсворта и Кольриджа, богатство воображения и чувственность Китса сменяются неясностью, неопределенностью, смутностью Теннисона. С Вордсвортом романтическая революция началась, с Теннисоном — закончилась.

Теория звукового символизма, строящаяся на предположении о том, что отдельные звуки благодаря их акустическим и артикуляционным свойствам могут выражать определенные чувства, идеи, образы, уязвима, но комбинация повторяющихся звуков может передавать специальный смысл, тем более если повторяющийся звук получает поддержку на каком-либо другом уровне. Алан Эдгар По, например, известен своим пристрастием к комбинации слов, сходных по звучанию. Поэт использует этот прием удивительно гибко, щедро и многообразно, усиливая эмоциональное воздействие на читателя, создавая новые смыслы. Известно еще со времен античных риториков, что слова имеют

первую значимость, когда они употреблены одни, и вторую — когда они соединены с другими: когда они употреблены отдельно, их следует хорошо отбирать, когда же они соединяются с другими, их следует хорошо размещать.

Искусство не только хорошо отбирать, но и хорошо размещать, найти «звук, мелодию», которые, по признанию И. А. Бунина, определяют все последующее, вызвано необходимостью наиболее адекватно и ярко передать содержание того или иного произведения⁴. «Звук, мелодия рассказа» и есть тот загадочный ритм прозы, точного определения которому до сих пор так и не дано и который, не поддаваясь определению, звучит со страниц всех подлинно художественных произведений. Ритм и в поэзии связан с содержанием. Он или подчеркивает его, усиливает, или же, наоборот, выдает пустоту и поддельность чувств, как это обнаруживается у Драйдена в его стихотворении: *Hope is banished, / Joys are vanished, / Damon, my beloved is gone!*⁵ Тема утраты надежды, радостей, заключенная в значении лексических единиц, обычно не выражается такими резкими, незапными и такими небрежными, поверхностными стихотворными размерами. Читая стихотворение, звучащее так легко, так раздольно, сомневаешься в искренности передаваемых им чувств. Здесь ритм противоречит смыслу, становится его противоположностью.

Ритм не является привилегией исключительно поэзии. Ритмические функции прозы могут быть сравнимы с ритмами поэзии. В прозе ритм обеспечивает более глубокое понимание содержания произведения, высвечивает его эмоциональный настрой, авторское отношение к описываемому чувству, мысли. В таких случаях ритм как неотъемлемая часть содержания всего текста способствует эффективности его воздействия на читателя. Выбор того или иного ритма не случаен, он вызван необходимостью точнее передать то или иное содержание. Интересно в этом плане рассмотреть творческую манеру американского писателя У. Фолкнера, чтение произведений которого обычно связано с трудностями. Трудности эти вызваны разными причинами, одна из которых громоздкость синтаксических конструкций. Обратимся к примеру.

He was sixteen. For six years now he had been a man's hunter. For six years now he had heard the best of all talking. It was of the wilderness, the big woods, bigger and older than any recorded document: — of white man fatuous enough to believe he had bought any fragment of it, of Indian ruthless enough to pretend than any fragment of it was his to convey; bigger than Major de Spain and the scrap he pretended to, knowing better; older than old Thomas Sutpen of whom Major de Spain had had it and who knew better; older even than old Ikkemotubbe, the Chickasaw chief, of whom old Sutpen had had it and who knew better in his turn. It was of the men, not white nor black nor

red but men, hunters, with the will and hardihood to endure and humility and skill to survive, and the dogs and bear and deer juxtaposed and relieved against it, ordered and compelled by and within the wilderness in the ancient and unremitting contest according to the ancient and immitigable rules which voided all regrets and brooked no quarter; — the best game of all, the best of all breathing and forever the best of all listening, the voices quiet, weighty and deliberate for retrospection and recollection⁶.

Детально развернутая мысль, неторопливая, плавная, торжественная медлительность, величавость повествования о прошлом находят выражение в синтаксисе — в периодах с повторами, параллельными конструкциями и полисиндетоном. Языковые средства направлены на передачу воспоминаний о прекрасном прошлом, ставшем легендой. Специально отобранная лексика возводит мысль автора до общечеловеческих обобщений, ибо взаимозависимость природы и цивилизации — общая, а не локальная проблема местного населения (the Indians) и белого человека (the White Man).

Художественное произведение содержит насыщенную информацию с иерархией уровней. Каждый уровень вносит дополнительные черты в содержание, поэтому анализ текста предусматривает исследование на всех уровнях в их взаимосвязи и взаимообусловленности. «Сложная структура содержания требует и сложной системы выражения и передается не отдельными элементами, а их взаимодействием в целостной структуре сообщения. Смысл сообщения, подобно смыслу идиомы, не есть простая сумма смысла его частей», — пишет И. В. Арнольд⁷. Поэтому можно сформулировать общий принцип для анализа любого текста: всякий элемент текста должен рассматриваться на всех уровнях как часть целостной стилистической системы, как элемент функциональный, целенаправленный, осмысленный малым и большим контекстом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.

² Hilton J. Time and Time Again. L., 1968. P. 66—67.

³ Tennyson A. Major British Poets. L., 1963. P. 221.

⁴ См.: Бабореко А. И. А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М., 1967. С. 172.

⁵ Dryden J. Major British Poets. L., 1962. P. 73.

⁶ Faulkner W. The Bear // Analytical Reading. L., 1978. P. 78.

⁷ Арнольд И. В. Стилистика декодирования: Курс лекций. Л., 1974. С. 42.

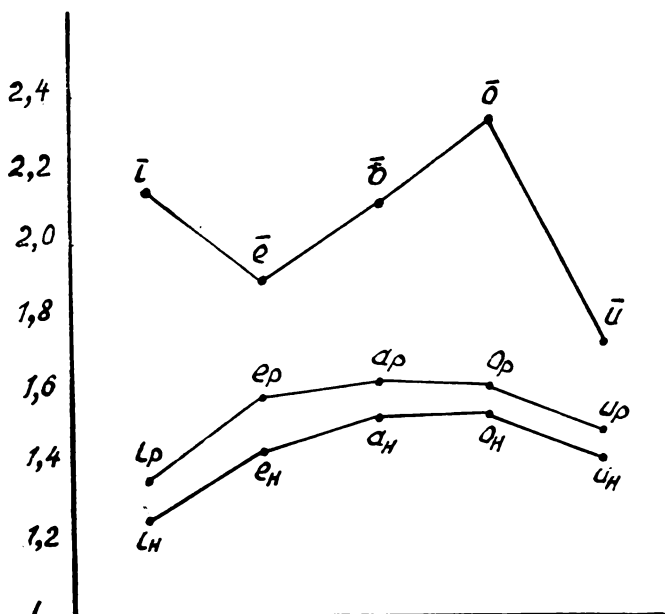
При интенсивной¹ контактной межъязыковой связи (МС)², при которой все члены определенного языкового сообщества ежедневно проводят большую часть общения с иноязычной средой на языке этой среды, происходит смена ролей, т. е. родной язык (в данном случае это франкский говор немецкого языка) становится вторичным, а язык иноязычной среды (в рассматриваемом случае это русский язык) первичным³. Это значит, что носители франкского говора при общении с русскими не используют немецких слов, тогда как при общении между собой они уже не обходятся без русских слов, ставших реальностью немецкой речи.

Владея русским языком до степени безынтерферентной речи, немцы произносят подавляющее большинство заимствований без интерференции. Безынтерферентное произношение заимствований при общении на родном языке есть показатель того, что родной язык под напором иноязычной лексики усвоил чужую фонологическую систему, составившую с фонологической системой родного языка единую фонологическую систему, без которой речь уже не обходится.

Выявление фонемного инвентаря данной системы, дистрибуции фонем и фонемного состава слова проводилось по ленинградской фонологической школе⁴.

Фонематическую роль в системе гласных русского языка играют ряд и подъем, а в системе франкского говора еще и длительность. Так как носители франкского говора употребляют в немецкой речи русские слова без интерференции, вследствие чего происходит взаимодействие фонемных отношений, то необходимо экспериментальным путем выяснить, произносятся ли ударные гласные в русских словах с длительностью, которую в немецких словах можно отнести к длительности кратких гласных или к длительности долгих гласных. Для этого на магнитофонную ленту были записаны русские и немецкие слова в произношении двух дикторов — носителей франкского говора, сняты спектрограммы этих слов, подсчитана относительная длительность ударных гласных в слове. Усредненное значение относительных длительностей ударного гласного показано на рисунке.

Из рисунка видно, что значения длительностей ударных гласных в русских словах намного ближе к значениям длительностей кратких гласных в немецких словах по сравнению со значениями длительностей долгих гласных. Особенно близки друг к другу значения длительностей i_n и i_p , а также u_n и u_p .

Знак $\bar{}$ и графемы гласного обозначают краткий гласный в немецких словах, знак p — ударный гласный в русских словах

Чтобы окончательно убедиться в том, что разница в длительности ударных гласных русских слов и кратких гласных немецких слов фонематически несущественна, т. е. что они являются диафонами, был применен критерий Стьюдента⁵. Получены следующие значения: для $i_n - i_p$ $t=0,14 < t_{05}=2,06$; для $e_n - e_p$ $t=1,16 < t_{05}=2,09$; для $a_n - a_p$ $t=1,49 < t_{05}=2,01$; для $o_n - o_p$ $t=0,53 < t_{05}=2,12$; для $u_n - u_p$ $t=0,26 < t_{05}=2,37$. Следовательно, различия в значениях двух выборок несущественны, а значит, ударные гласные русских слов можно отнести по признаку «долгий — краткий» к разряду кратких.

При определении качественных характеристик гласных рассматривались значения формант F_I и F_{II} ударных гласных в позиции после переднеязычных согласных. Среднее значение формант каждого гласного показано в таблице:

Гласные	Значения		Гласные	Значения	
	F_I	F_{II}		F_I	F_{II}
\bar{i}	418	2587	\bar{o}	435	812
i_n	435	2750	o_n	530	1060
i_p	400	2750	o_p	525	975

Гласные	Значения		Гласные	Значения	
	F _I	F _{II}		F _I	F _{II}
\bar{e}	466	2316	\bar{u}	442	725
e_H	550	2625	u_H	440	975
e_p	525	2325	u_p	375	740
\bar{a}					
a_H	525	1250			
a_p	600	1250			
	570	1250			

По значениям F_I видно, что все долгие гласные носят характер более закрытых звуков, чем гласные группы «н» и гласные группы «р», за исключением u_p . Близкие значения как первых, так и вторых формант i_H и i_p , a_H и a_p свидетельствуют о тенденции сближения качества этих гласных в немецких и русских словах говора. Значения формант гласных группы «н» свидетельствуют о их более открытой и передней артикуляции по отношению к долгим гласным и гласным группы «р».

Особое положение в системе гласных фонем занимает гласный смешанного ряда верхнего подъема [ы]. Так как этот гласный встречается только в заимствованных из русского языка и поэтому не имеет противопоставления по долготе — краткости, отнесем фонему [ы] по аналогии к кратким гласным.

Кроме рассмотренных «простых» гласных фонем, в звуковой системе франкского говора есть две «сложные гласные фонемы, называемые дифтонгами, или двугласными»⁶: [ai] и [au], которые встречаются в говоре только в немецких словах. Следует заметить, что долгий гласный [ō] произносится носителями франкского говора в конце звучания с дифтонгоидным u-образным оттенком, напр.: [pɾō^ut] — Brot, [lō^uva] — loben.

Все гласные франкского говора встречаются в начале, середине и в конце слова, гласный [ы], несмотря на исключительную редкость, встречается и в начале лексемы⁷.

Если исходить из встречаемости гласных фонем во франкском говоре, то их можно подразделить на гласные, встречающиеся в немецких и заимствованных из русского языка словах — [i], [e], [a], [o], [u], только в немецких словах — [ī], [ē], [ō], [ū], [ai], [au], только в русских словах — [ы].

Фонетические чередования гласных наблюдаются в говоре в русских словах главным образом в речи среднего и молодого поколений, тогда как в речи подавляющего большинства представителей старшего поколения такие чередования являются

редкостью. Старшее поколение почти не допускает редукции безударных гласных в произношении русских слов, напр.: [dom — do'ma], [got — go'da], [l'es — l'e'sa] и т. п.

Фонетическое чередование гласных, являющееся результатом их редукции в безударном слоге, имеет в немецком языке (и в частности, в исследуемом говоре) несколько иной характер. Немецкое начальное ударение почти всегда падает на коренной слог и выделяет корень как носитель значения слова, имеет смысловой характер. Относительная же сила ударения становится грамматическим фактором, т. е. обозначает соподчинение элементов слова или словосочетания по их смысловой значимости⁸. Особенно показательны сложные слова, напр.: [hausk'ʊvl'] — Hausgiebel, [hūnr,fl'aiʃ] — Hühnerfleisch.

Там, где какой-либо элемент слова в смысловом отношении ослабляется, он ослабляется также в акцентном отношении и подвергается редукции как окончание или приставка. Если глагольное окончание и окончание мн. ч. существительных -en, как и гласный приставки ver-, редуцировались в -a, то в окончании мн. ч. существительного -er гласный претерпел полную редукцию, напр.: [far'k'auva] — verkaufen, [f'rau] — Frauen.

Особый интерес вызывает характер редукции в приставках ge- и be-, имеющих большое значение в словообразовании и словоизменении. Степень редукции зависит от характера последующего согласного, причем при одних и тех же фонетических условиях редукция этих приставок различна. В исследуемом говоре гласный приставки ge- выпадает полностью перед глухими спирантами и h, перед сонорными и звонким спирантом v, напр.: [kfl'oʏa] — geflogen, [ksuŋa] — gesungen, [k'ʃō̃a] — geschoren, [knuma] — genommen, [kv'eʒa] — gewaschen; h образует с предшествующими слабыми p и k соответствующую сильную аспирату (be+h=p^c, ge+h=k^c); [k'oŋga] — gehangen, [k'at] — gehabt, [p'al'da] — behalten. Выпадение гласного в приставке be- наблюдается в говоре редко. Интересно, что в одном и том же фонетическом положении гласный может в одних случаях произноситься, в других — выпадать, напр.: [psova] — besoffen, [p'e'suna] — besonnen, [p'al'da] — behalten.

В речи среднего и молодого поколения носителей франкского говора наблюдается тенденция произносить гласный приставок ge-, be- согласно произносительной норме русского языка, т. е. при изменении формы слова или словообразовании, когда ударение перемещается на другой слог, наблюдается чередование гласных, напр.: [p'en' — p'i'n'ok], [l'en' — l'in'it's'a] и т. п. Этот навык русской речи переносится в немецкую речь носителей говора, и они часто произносят вместо [k'e'prox] — [k'i'prox] — gebracht, [p'etrunga] — [p'itrunga] — betrunken.

Исторические чередования распространены в говоре и несут, как правило, определенные морфологические функции⁹. К историческим чередованиям относятся прежде всего чередования корневых гласных фонем [a||e], [ē||e], [o||e], [ō||ē] [u||i], [ū||ī], [au||ai], объединяющиеся под названием умлаута. Умлаут используется:

1) в образовании множественного числа, напр.: [kans — k'ens] — Gans — Gänse, [fēda — f'ēda] — Faden — Fäden.

В большинстве своем чередование по умлауту является единственным средством, указывающим в говоре на различие между единственным и множественным числом. В некоторых случаях, кроме чередования коренного гласного, показателем множественного числа является суффикс -г, напр.: [haus — haizr] — Haus — Häuser, [pant — p'endr] — Band — Bänder и т.п.;

2) при образовании претерита конъюнктива сильного глагола: [vēr — v'er] — war — wäre;

3) в образовании сравнительной степени прилагательных, напр.: [k'al't — k'el'dar — k'el'ʃta] — kalt — kälter — am kältesten, [k'ros — k'rēzar — k'rēʃta] — gross — grösser — m' grössten;

4) в образовании существительных, обозначающих лицо (nomina agentis), напр.: [k'rēva — k'revr] — graben — Gräber, [p'aka — p'ek'ar] — backen — Bäcker, а также при образовании существительных от прилагательных (Adjektivabstrakta), напр.: [k'al't — k'el't] — kalt — Kelt, [k'rös — k'rēs] — gross — Grösse и т. п.;

5) в образовании уменьшительных существительных, напр.: [l'amp — l'embl'] — Lampe — Lämpchen, [fēda — f'ēdl'] — Faden — Fädchen, [rok — rekl'] — rock — Röcklein;

6) в образовании прилагательных с суффиксами -ig, -lich, -isch, напр.: [cūfal' — cūf'el'ix'] — Zufall — zufällig, [vort — v'ertl'ix'] — Wort — wörtlich, [hōn — h'ēniʃ] — Hohn — höhnisch;

7) в образовании глаголов, напр.: [k'am — k'ema] — Kamm — kämmen, [kl'ēr — kl'ēra] — klar — klären, [krōn — k'rēna] — Krone — krönen, [kl'ūt — kl'īja] — Glut — glühen.

Чередование корневых гласных используется и при образовании форм сильных глаголов и в словообразовании. Такое чередование объединяется под названием аблаут (Ablaut). В формах сильных глаголов (во франкском говоре форма претерита отсутствует) по аблауту наблюдаются следующие чередования гласных: [ī||ō], [ī||o], [ī||ē], [i||u], [i||e], [e||u], [e||o] [ē||ā], [ē||ū||ō], [ai||i], напр.: [p'īy'a — k'e'poya] — biegen — gebogen, [fl'īza — kfl'oza] — fliessen — geflossen, [l'īy'a — kl'e'y'a] — liegen — gelegen, [v'īn'g'a — kvuŋga] — winken — gewunken, [sica — kseza] —

sitzen — gesessen, [ˈnema — ˈknuma] — nemen — genommen, [ˈhˈelˈva — ˈkˈolˈva] — helfen — geholfen, [ˈkˈeja — ˈkaŋa] — gehen — gegangen, [ˈʃvˈera — ʃvur — ˈkʃvora] — schwören — Schwur — geschwören, [ˈraiva — ˈkriva] — reiben — gerieben.

Аблут можно встретить и в словообразовании, напр.: [pˈint — pant — punt] — Bind — Band — Bund, [kˈern — kˈorn] — Kern — Korn, [ʃpˈrōx — ʃprux] — Sprache — Spruch.

Крайне редко в говоре встречается чередование по преломлению (Brechung), например в словообразовании: [lˈixˈt — lˈaixˈta] — Licht — läuchten.

Приведенные примеры свидетельствуют о довольно большой вариативности чередования гласных во франкском говоре.

Таким образом, при определенных социальных условиях, когда интенсивный контакт с иноязычной средой осуществляется всеми членами определенной языковой группы, последние овладевают языком окружающей среды до степени безынтерферентной речи на языке окружения. Через слова языка окружения, без которых общение между членами языковой группы становится невыносимым, в фонологическую систему родного языка проникают фонологические отношения звуковой системы языка окружения. Интенсивность и полнота такого воздействия (проникновения) зависит как от социальных и временных (экстралингвистических) условий контакта, так и от потенциальных (имманентных) возможностей звуковой системы воспринимающего языка. В результате межъязыковой идентификации фонем говорящие приравнивают единицы одного языка к единицам другого ввиду их сходства по форме или дистрибуции, а часто по тому и другому. В силу этого ударные гласные русского языка приравниваются носителями франкского говора к кратким гласным своего говора. Более того, начинает вырабатываться сходная артикуляция, пример тому — близкие по значениям форманты i_n и i_r , a_n и a_r : артикуляционная база воспринимающего языка сближается с артикуляционной базой языка окружения. Если же в звуковой системе воспринимающего языка отсутствует какая-либо фонема, наличная в языке окружения, то она заимствуется воспринимающим языком. До интенсивного контакта с русским языком в фонологической системе франкского говора отсутствовала фонема [ы]. Однако со временем вместе с русскими словами эта фонема вошла в звуковую систему франкского говора и стала ее постоянным элементом.

Вариативность долгих гласных франкского говора не пересекается с вариативностью гласных русского языка, что препятствует процессу идентификации. Этим объясняется сохранение напряженной артикуляции долгих гласных, которые состав-

ляют вместе с дифтонгами специфику вокализма франкского говора, отличающую его от вокализма русского языка.

Чередование гласных корня служит продуктивным способом выражения грамматических отношений в словообразовании и словоизменении. С редуцированной внешней флексией (и аналитическими средствами) исторические чередования гласных образуют основу грамматической системы говора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Донгаузер В. П. Фонологизация аллофонов в условиях двуязычия // Фонетика и орфоэпия. Красноярск, 1984.

² Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.

³ Weinreich U. On the description of phonelik interference // Word. 1957. Vol. 13. N 1.

⁴ Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1960.

⁵ Бровченко Т. А., Варбанец П. Д., Таранец В. Г. Метод статистического анализа в фонетических исследованиях. Одесса, 1976.

⁶ Никонова О. Н. Фонетика немецкого языка. М., 1958. С. 43—44.

⁷ Зиндер Л. Р. Еще об «ы» и «и» // Славянская филология. Л., 1969.

⁸ Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956.

⁹ Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. Морфология в описании языков. М., 1983.

А. С. Бричко
(Киев)

МОДАЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ В СИСТЕМЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Языковая категория модальности — явление сложное, многомерное, не поддающееся однозначному определению¹. Она представляет собой систему составляющих ее содержание значений и целого ряда грамматических и лексических средств выражения.

Структура группы французских модальных единиц, выражающих значения уверенности / сомнения неоднородна по своему составу, однако можно выделить наиболее типичные структурные формы: однословные модальные единицы, которые на пись-

ме изображаются как один элемент (например, [^]sûrement, certainement, probablement), многословные — двух-, трехэлементные модальные образования (например, en effet, bien sur, de toute évidence, il est probable). Многословные модальные единицы могут быть словосочетаниями: sans doute, sans conteste, en fait, bien entendu, en vérité и др. и предложениями: il semble, il est certain, il est possible, il est hors de doute, il paraît, c'est incontestable и др. Словосочетания и предложения (назовем их модальными речениями) тесно примыкают к модальным наречиям. Они представляют собой неразложимые лексикализовавшиеся единства, семантически идентичные отдельному модальному наречию.

Замена модальных речений на однословные модальные наре-

чия, выражающие значения уверенности / сомнения, не влечет за собой изменения смысла высказываний. Например: *Il est possible que je me trompe* (Curtis); *Je me trompe peut-être...* (Idem).

Обратимся к следующим примерам: *Jean est arrivé, c'est certain*; *Jean est certainement arrivé*; *Jean est bien sûr arrivé*. Все три высказывания идентичны по содержанию: в них дается оценка факта, выражается уверенность в его осуществлении. Функции модальных единиц в приведенных примерах совпадают. Во всех случаях модальные единицы разных структурных типов позволяют субъекту речи, не выраженному эксплицитно, осуществить коммуникативное намерение — дать оценку факту, не выделяя своего «я». При этом собеседнику ясно, что высказываемая оценка достоверности сообщения принадлежит говорящему. Таким образом, различные по структуре модальные единицы употреблены функционально равноценно.

Выделенные структурные типы обладают определенной модальной семантикой, то есть только при выражении субъективных модальных отношений. Кроме того, структурная разнородность не мешает модальным единицам быть функционально эквивалентными, так как они придают высказыванию модальную характеристику. Поскольку «различие формы, не поддержанное изменением смысла или отмечающее несущественные смысловые сдвиги, указывает лишь на варианты плана выражения»², под названием «модальные наречия» удобно объединить собственно модальные наречия и функционально-эквивалентные им единицы, представляющие собой словосочетания и предложения с модальными значениями уверенности и сомнения.

Разнородный характер группы наречий с модальной семантикой обусловлен различной этимологической природой входящих в нее элементов. Большинство однословных модальных наречий представляют собой образования от соответствующих прилагательных при помощи суффикса *-ment*. Например, наречие *certainement* образовано от прилагательного *certain* в форме женского рода (*certaine*) + суффикс *-ment*. Аналогично: *probable* + *-ment*, *juste* + *-ment* и пр. Некоторые наречия образованы путем одновременного присоединения префикса и суффикса: *im* + *probable* + *-ment*, *in* + *vraisemblable* + *-ment*. В морфологическом плане модальные наречия лишены грамматических категорий и являются, как все наречия, неизменяемой частью речи. Однословных наречий на *-ment* насчитывается 38 из выделенных нами во французском языке 94 модальных лексических единиц (41 %). К этому же структурному типу относится наречие *certes*.

Модальные словосочетания представляют собой предложно-именные наречные формы: *en fait*, *de fait*, *en effet*, *en vérité*, *en réalité*, *à l'évidence*, *sans conteste* и др.; предложно-адъективные: *de vrai*, *pour sur*, *à coup sur* и др; сочетания с глаголами: *a en croire*, *pour ainsi dire* и др. Для таких модальных сочетаний характерна определенная степень семантической спаянности, что сви-

детельствует об их лексикализации. Они являются несвободными синтаксическими сочетаниями, между их составляющими — предлогом и знаменательной частью невозможно вставить другое слово. В то же время компоненты этих выражений сохраняют некоторую автономность: известна вариация предлогов *à* и *en* в выражениях *à la vérité* — *en vérité*, *au fait* — *en fait*. В состав таких выражений может входить артикль (*à l'évidence*, *au fait*), что свидетельствует о самостоятельности существительных, входящих в состав выражений. Примером лексической самостоятельности компонентов модальных словосочетаний является также модальное наречие *sans doute*. В его состав могут быть включены прилагательные *aucun*, *nul*, определяющие существительное *doute* (*sans aucun doute*, *sans nul doute*). При этом функция данного наречия не изменяется.

Модальные предложения могут включаться в состав другого сложного предложения либо выступать самостоятельно как ответ на вопрос или реплика собеседника: *il est certain*, *c'est incontestable*, *il paraît*, *il semble*, *il est visible*, *cela se peut* и др.

Модальные словосочетания и предложения утратили функцию называния и стали выразителями модальных отношений. Сохраняя структуру полноценного предложения, они не являются таковыми, представляя собой фразеологическое единство. Изменения в структуре этих речений (например, введение другой временной формы) невозможны. Таким образом, нельзя говорить о полной лексикализации этих выражений.

Многословные модальные наречные выражения соотносятся с однословными модальными наречиями семантически и функционально. Модальных речений во французском языке насчитывается больше, чем однословных модальных наречий (56 из общего списка модальных единиц, или 59 %). В связи с аналитическими тенденциями во французском языке — переносом акцентов в образовании лексических единиц с морфологического уровня на синтаксический перспективность синтаксической роли многословных модальных наречий очевидна. Это подтверждается сосуществованием в современном французском языке однокоренных наречий разной структуры, например: *évidemment*, *à l'évidence*; *réellement*, *en réalité*; *certainement*, *certes*, *il est certain* и др. Причем сложные структуры более продуктивны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 140—157; Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972. С. 91.

² Алисова Т. Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений // Вопр. языкозн. 1970. № 2. С. 91.

СОДЕРЖАНИЕ

Неслов А. А. Повторяемость и неповторяемость единиц языка и речи	3
Томашпольский В. И. Реконструкция прароманских диалектов на морфологическом уровне (иберороманские парадигмы настоящего времени)	6
Бухтеева Г. А. Взаимодействие глагольно-именных словосочетаний и их глагольных коррелятов в латинском и старофранцузском языках	12
Кузьмина Н. А. Кодификация аномальных форм спряжения	17
Пирогов Н. А. Способы выражения объектных отношений на уровне сложного предложения	21
Назаров С. И. Связь между семантикой глагола и предикатного выражения (на материале английских каузативных глаголов)	25
Знаменская Т. А. Выражение модальности средствами различных уровней	30
Донгаузер Л. С. Взаимоотношения интонации и смысла в предложениях различных синтаксических конструкций	35
Наволоцкая Г. Н. Соотношение морфологии и синтаксиса и понятие сложного синтаксического маркера (на материале современного немецкого языка)	38
Минкин Л. М. Композиция функционально-семантического поля, языковой системы и грамматика речи	41
Лукичева М. В. Межуровневая синонимия разговорного и нейтрального	45
Андрашко Е. М. Словосочетание как единица синтаксиса	52
Мешерякова М. П. Взаимодействие лексического и грамматического уровней в несвободном словосочетании и предложении	56
Хабиров В. П. Сложное слово, словосочетание или лексический комплекс?	58
Бабич Г. Н., Фомина В. Р. Способы выражения лексического значения слова единицами разных уровней	64
Живоглядов А. А. Межуровневые связи в английской ономастике	68
Гиниатуллин И. А. Взаимодействие единиц различных уровней в рекламных текстах	73
Ананин В. Е. Причинно-следственные корреляции микросистемы «эмоции	79
Назаренко Л. В. Взаимодействие морфемного и лексического уровней в сфере полисемии и омонимии (на материале английских производных существительных с суффиксом -ing)	83
Путырская О. Г. Корреляция префиксов и предлогов в диахронии французского языка	87
Бурчинский В. Н. Словообразовательные отрицательные префиксы как конstituенты функционально-семантической категории отрицания	90
Турбин А. Г. Взаимодействие уровней языка и речи: выявление системных характеристик переходного глагола	95
Махова Э. Ф. Контраст как один из способов проявления оценки в тексте (к вопросу эстетической терминологии в ее лингвистическом аспекте)	101
Шмидт И. К. Содержание текста и семантика образующих его единиц	108
Донгаузер В. П. Фонологическая и морфонологическая характеристика вокализма при двуязычии (на материале франкского говора)	112
Бричко А. С. Модальные наречия в системе французского языка	118

